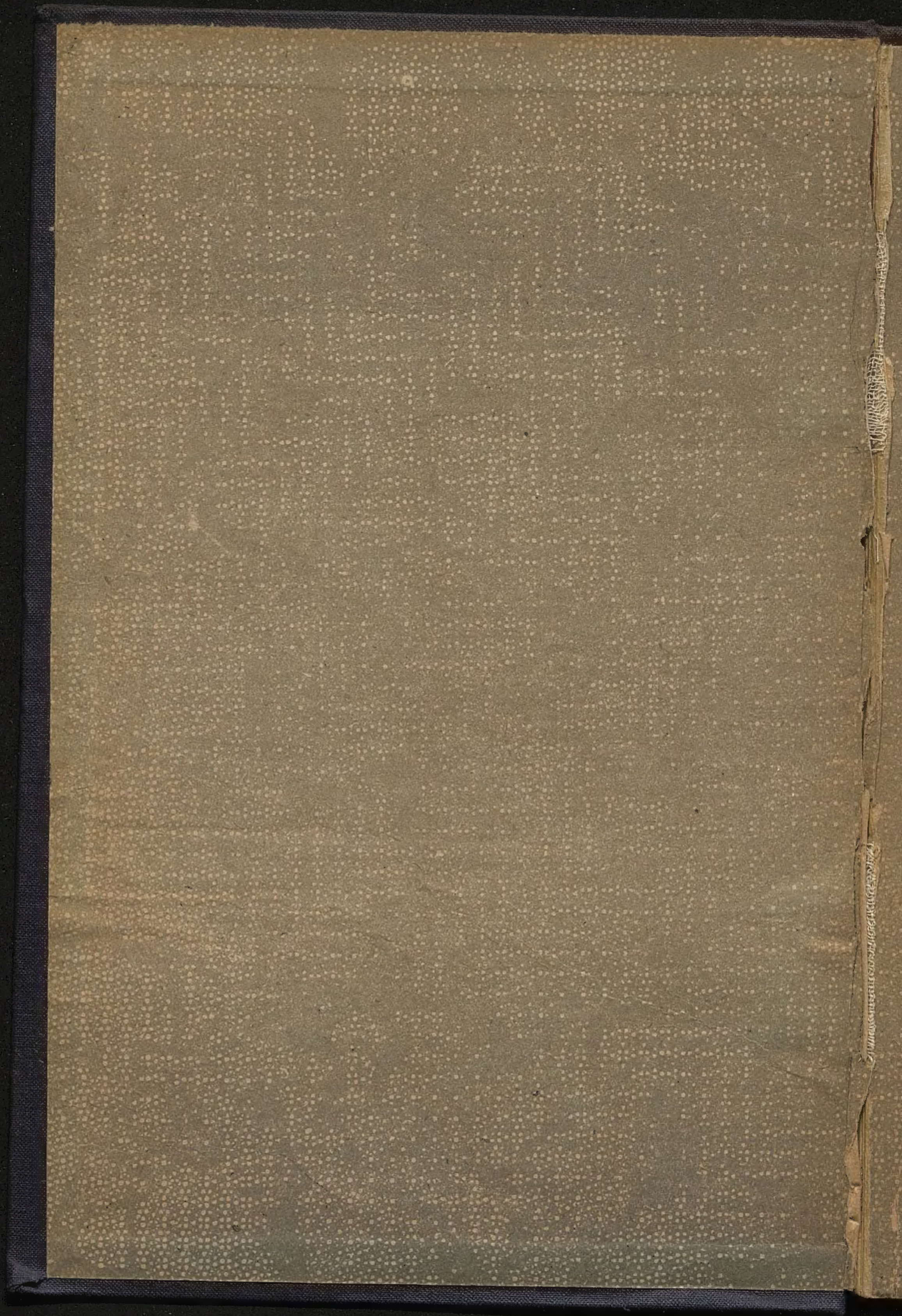
КАЗАНСКАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В 1917 ГОДУ

ТАТГОСИЗДАТ — ПАРТСЕКТОР 1933.



ИСТПАРТОТДЕЛ ТАТОБКОМА ВКП (б).
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ТАТАРСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Е. МЕДВЕДЕВ. Ф. ДЕМАШЕВ. А. ТАРАСОВ. В. КУДРЯВЦЕВ.

КАЗАНСКАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ в 1917 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ тт. М. ВОЛЬФОВИЧА, С. ГАФУРОВА, В. ЖИЛИНСКОГО и Г. РИЗВАНОВА.

ТАТГОСИЗДАТ. 1933 КАЗАНЬ.
СЕКТОР ПАРТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Очерк „Казанская большевистская организация в 1917 году" является частью работы, выполняемой Истпартотделом Татобкома ВКП(б) по составлению истории Татарской партийной организации.

До сих пор работа в этой области была сосредоточена, главным образом, на изучении эпохи революции 1905—07 годов и более раннего периода. Сколько-нибудь основательной попытки разработки истории местной парторганизации, начиная с 1917 года, не было. Все опубликованное по истории парторганизации и революционного движения этого периода в быв. Казанской губернии представляет собой преимущественно воспоминания отдельных участников и исследования по отдельным вопросам без достаточной, а иногда и вне всякой связи с общим процессом революционной борьбы и выявления роли парторганизации в этой борьбе.

Задача составления подлинно большевистской истории партийной организации на основе указаний тов. Сталина в его историческом письме „О некоторых вопросах истории большевизма" требует исключительной бдительности и непримиримой борьбы со всякого рода извращениями и фальсификацией на этом участке исторического фронта.

В имеющейся литературе систематически извращался ряд основных вопросов истории Октября в Казани (роль парторганизации, движущие силы революции, роль мелко-буржуазных национальных организаций и т. д.).

Достаточно указать на статьи К. Грасиса, в которых он протаскивал явно троцкистскую установку в освещении роли парторганизации и движущих сил Октября в Казани (эта троцкистская концепция была вскрыта и разоблачена нами в процессе работы над данным очерком, см. приложение).

Одним из основных искажений в освещении национального революционного движения являлось ограничение его, главным образом, рамками буржуазных с'ездов и разногласий на них между различными группами татарской буржуазии без достаточного внимания массовому революционному движению татарского пролетариата и крестьянства.

При попытках же освещения массовой революционной борьбы татарских трудящихся она рассматривалась изолированно от общего процесса революционного движения пролетариата и крестьянства других национальностей.

Нечего уже говорить об извращениях ныне скатившегося к контрреволюции Сагидуллина, который в своей работе „Татарские трудящиеся на путях великого Октября" совершенно игнорировал роль Казанской большевистской организации, выдавая мелко-буржуазный Мус. Соц. Комитет за пролетарско-революционную организацию, якобы стоявшую во главе движения и впоследствии органически вросшую в большевистскую организацию. Поэтому не удивительно, что Сагидуллин выдает за большевистские позиции „революционные" выступления мелкобуржуазных соглашательских элементов против тех или иных тактическо-программных положений контрреволюционной татарской буржуазии. Действительный же размах массового революционного движения татарского пролетариата и крестьянства не находит в работе Сагидуллина сколько-нибудь правильного и достаточного освещения.

Почти аналогичную постановку вопроса мы имеем в очерках М. Корбута „Казанские рабочие перед Октябрем" („Красная Татария" 1927 г. №№ 187, 190). Этот троцкист и великодержавный шовинист явно умаляет руководящую роль большевистской организации, замалчивает массовую революционную борьбу татарского пролетариата и крестьянства, переоценивает роль МСК.

Глубоко ошибочные взгляды содержат работы тов. Газима Касимова и некоторых др. об органическом врастании татарских левых эсеров в большевистскую организацию. Этот взгляд был впоследствии признан т. Касимовым ошибочным и осужден.

Все эти установки были категорически осуждены Татарской партийной организацией. В резолюции Областного Комитета партии в связи с обсуждением исторического письма тов. Сталина подчеркнуто, что: „Одной из важнейших очередных задач должна быть разработка большевистской истории местной парторганизации на основе решительного разоблачения и борьбы с контрабандой контрреволюционного троцкизма, попытками протаскивать контрреволюционные султангалиевские установки и со всякого рода оппортунистическими извращениями, в частности оппортунистическими представлениями некоторых товарищей о том, что большевизм в ТР, якобы, возник на почве органического перерастания различных мелкобуржуазных течений в большевистское".

Основная трудность в разработке истории местной парторганизации за 1917 год заключалась в крайне недостаточной документальной базе. Архивы партийной организации за 1917—18 годы сохранились после чехо-учредиловской интервенции в совершенно незначительном количестве. В связи с этим обстоятельством Истпартотдел проделал большую предварительную работу по выявлению и собранию всего имеющегося материала, используя всевозможные источники. С этой целью было проведено изучение как местных советских, профсоюзных и других, так и центральных архивов за этот период (Единый партархив ЦК ВКП(б), АОР и АКА Центрархива РСФСР и др).

Одновременно с этим велась переписка с участниками 1917 г. в Казани с целью выяснения ряда вопросов и получения от них воспоминаний и других материалов.

При отсутствии многих архивных документов, использование воспоминаний участников приобретало особо важное значение. К сожалению, не смотря на неоднократные обращения парторганизации, лишь незначительное количество участников оказало помощь нашей работе. В частности, Казанское Землячество в Москве, взявшись энергично за это дело в начале, не довело его до конца. Известную помощь в выяснении некоторых вопросов оно все же, оказало. Именно благодаря его указаниям мы избежали ошибки, когда, следуя за Лидиным (Мохов) и некоторыми другими участниками Октября в Казани, неправильно представляли в самом начале работы, что-якобы, в Казани непосредственно после Февральской революции некоторое время существовала об'единенная организация большевиков и меньшевиков.

Наличие собранного материала, все же не дало возможности с исчерпывающей полнотой разрешить все поставленные вопросы.

Большую трудность при изучении представляли вопросы оформления политической линии, внутрипартийного состояния и тактики организации на отдельных этапах перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В настоящем очерке не получила достаточного освещения деятельность Казанской партийной организации среди трудящихся татар и нацмен. Совершенно слабо показана работа низовых большевистских организаций, особенно в деревне.

Несмотря на все эти недочеты и пробелы, Истпартотдел издает настоящий очерк, как первую попытку систематического изложения истории местной партийной организации за 1917 год.

Редакция и Истпартотдел ОК ВКП(б) обращаются ко всем участникам 1917 года в Казани и читателям с просьбой дать замечания и указания как методологического порядка, так и по фактической стороне содержания данного очерка.

К работе над очерком был привлечен коллектив научных работников—сотрудники Истпартотдела и члены секции ленинизма и истории партии при Институте марксизма-ленинизма в Казани.

Авторами глав являются: первой—„Революционное движение в годы империалистической войны 1914—17 гг."—тов. Е. Медведев, второй—„От Февральской революции до июльских дней"—тов. Ф. Демашев, третьей—„От июльских дней до корниловщины"—тов. А. Тарасов, четвертой—„Период подготовки вооруженного восстания и организация штурма"—тов. В. Кудрявцев.

Вопрос массового рабочего движения был предварительно разработан тов. Е. Медведевым. С самого начала работы над данным очерком как в подготовительной стадии, так и в процессе редактирования его активное участие принимал ученый секретарь редакции тов. И. Фирсов. Им же предварительно разработан вопрос массового революционного движения крестьянства. В выявлении материалов по национальному движению принимал участие тов. Р. Еникеев.

Вслед за этой работой выходит из печати сборник документов и материалов по истории парторганизации и гражданской войны в Татарии в 1918 году. Одновременно ведется разработка очерка по истории парторганизации за этот же год.

Редакция.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (1914-17 гг.)

„Царская Россия была очагом всякого рода гнета—и капиталистического, и колониального, и военного,—взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме“.

(Сталин. „Вопросы ленинизма“. ГИЗ. М. 1931 г., 3 изд., стр. 9).

1. Общая характеристика экономики быв. Казанской губернии.

До самой Октябрьской революции 1917 года Татария была царской колонией. В течение целого ряда столетий в Татарии, как и в других колониях царской России, свирепствовали безудержный грабеж и эксплоатация трудящегося туземного и пришлого русского населения.

Земли и хозяйства татарского и нацменовского (чуваши, мордва, удмурты, мари) крестьянства поглощались русскими крепостниками-помещиками, монастырями и царским двором. Туземное крестьянство сгонялось с плодородных земель и заливных лугов по берегам Волги, Камы, Вятки и др. рек. Оттеснялось в бесплодные леса и горы Закамья и Заволжья.

Великодержавные крепостники-завоеватели сажали на отнятые у туземного крестьянства земли русских крепостных крестьян. Ставили в XVII—XVIII вв. поташные и медеплавильные заводы. Целая армия правительственных чиновников, церковных феодалов и миссионеров огнем и железом „обращала в православие“ туземное население, пожирая его земли и хозяйство.

Насильственные крещения XVI—XVIII столетий были типичной не только для русской, но и испанской, португальской и даже английской колонизации формой порабощения и эксплоатации трудящихся масс туземного населения.

„Христианских просветителей“ XVI—XVIII вв., действовавших прямо дубиной и мечом, в XIX веке сменила целая армия „ученых“ миссионеров, перешедшая от тактики „сплошных“ крещений к более тонким методам индивидуальной и групповой обработки „неверных инородцев“.

„Утверждение православия“ среди инородцев Казанского края достигалось сложными комбинированными методами—проповедей и полицейских репрессий. Упорствующего в неверии „инородца“ давили налогами, натуральными повинностями, отчуждали у целых селений земли и лесные угодья в казну и т. д. Покорившимся новообращенным давались льготы по платежам и отбыванию рекрутчины.

Учрежденная в 1842 г. в Казани Духовная Академия была фабрикой „просвещенных“ (во мракобесии) попов-колонизаторов и воинствующих утвердителей православия в Поволжье, Прикамье, на Урале и в Сибири.

Вокруг нее выращивались „высоко ученые“ просветители инородцев типа Ильминского, Катанова и К-0, разработавшие особую систему обращения в православие и обрусения „упорствующих в неверии“ националов (она была известна в практике под именем системы Ильминского).

Основным приемом этой системы, было внедрение православия и обрусения через введение в церквах „молитв и богослужения на понятном народу языке“, через „разработку и употребление родного языка и как орудие для изучения русского языка“. Ильминским и К-0 создались специальные учительские семинарии для крещеных чуваш и татар в Казани (обучались в них дети туземного кулачья и попов), издавались грамматики, буквари и молитвенники на татарском, чувашском, вотском и марийском языках. По Поволжью и Прикамью ими была раскинута целая сеть миссионерских пунктов, школ, читален и библиотек. Основным же методом к насаждению православия оставались попрежнему указанные уже нами полицейские репрессии.

„Методы миссионерской работы с момента покорения Казанского ханства и вообще Поволжья до Октябрьской революции не оставались, разумеется, неизменными. Со временем они совершенствовались и в соответствии с обстановкой, хотя и очень медленно, менялись. Но, независимо от методов, колонизаторская политика царского правительства преследовала одну цель—уничтожение татарского народа. Для этого нужно было как можно крепче и лучше загнать его в кабалу „престолу и отечеству“, в кабалу великодержавному помещику,

буржуа и тому „новому“ слою татарской аристократии и буржуазии, который был создан усилиями и горячей поддержкой царской власти. В этой ставке на вырождение, в деле руссификации целых народностей, крупную роль играла не только православная церковь, но и мусульманская мечеть. Последняя получила за свою „работу“ огромную „истинно христианскую мзду“ [1].

В итоге всего этого более чем трехсотлетнего грабежа и эксплоатации туземных и пришлых русских трудящихся масс, насильственных „христианизаций“ и обрусения Татария в начале XX века была одной из самых нищих и до тла уже ограбленных колоний царизма, со средневековым земледелием, карликовой промышленностью и чахлой торговлей, гнездилищем крепостнического землевладения и колониального гнета.

Бывшая Казанская губерния занимала территорию площадью в 56.000 кв. верст с населением на 2/3 состоящим из татар и нацмен. Преобладающей отраслью в экономике края являлось сельское хозяйство, отличавшееся крайне отсталыми и примитивными формами ведения. Господствующей системой земледелия было трехполье, при чем особенной отсталостью отличались татарские и др. туземные крестьянские хозяйства. По данным земской статистики, в Казанской губернии распределение земель в 1907 году дает следующую картину: крестьянские общины владели 60% удобной земли, помещики—13% и остальные 27% падали на казну и удел (владения царского двора). Таким образом 89% всего населения губернии (крестьянство) владело 60% земли, а 0,13% населения,—помещики и частные владельцы (купцы, хуторяне и др.)—13% земли.

Даже эти „процеженные“ крепостниками земские цифры указывают на большой удельный вес помещичьего землевладения в губернии. Однако они еще не вскрывают того, что эти 13% тяжелым камнем крепостнических отработок, выкупных платежей и бесчисленных казенных и земельных сборов лежали на 89% населения „инородческой“ Казанской губернии, особенно в таких „помещичьих“ уездах, как Казанский, Лаишевский, Спасский и Чистопольский (старинные уезды крепостнической колонизации). Не говорят эти цифры и о том, что 13% помещичьих земель были на много черноземней и жирней крестьянских 60% „удобных“, разбросанных в чресполосицу по суходолам, оврагам, глинам и пескам (плоды крепостнических грабежей XVI—XVIII вв.

---

[1] М. Разумов. „Ленинская национальная политика в реконструктивный период“. Казань, Партиздат. 1933 год, стр. 41.

и „отрезков“ 1861 года). Молчат цифры и о том, что за счет ограбленного туземного и русского крестьянства помещичьи поля знавали и жатки с веялками и косилками, и сортовые семена, в то время,как и XX век застал на полях Татарии почти ту же деревянную соху и старинный татарский сабан, которыми ковыряли барскую и „свою“ надельную землю русские и туземные мужики в XVII—XVIII столетиях.

В результате столыпинской реформы, в Казанской губернии к 1914 году 8,6% всех домохозяев-общинников вышло на хутора и отруба.

Крепостники-колонизаторы пытались заботами об укреплении позиций русского и туземного кулачества в деревне найти опору пошатнувшемуся в 1905—07 гг. зданию крепостнического землевладения. Но на другом полюсе деревни вырастали кадры сельских батраков и бедноты. Особенно силен был процесс классового расслоения в татарской деревне.

Уже в 1882 году по Казанской губернии насчитывалось 19% безлошадных дворов, а в 1899 г. их было уже 25%. К 1914 году их было не менее $^1/_3$ всех крестьянских дворов. Темп крестьянского обнищания нарастал стремительно. Особенно большой % безлошадных (до 40%), безземельных и малоземельных был в татарских деревнях.

Еще в 1883 году статистическое обследование Каз. губ. зем. управы вынуждено было констатировать, что:

„В селениях татарских хозяйственный упадок принял уже острые формы. Упадок этот выражается с одной стороны в значительности цифры дворов безлошадных и бескоровных и в очень незначительном количестве скота, приходящемся по расчету на один двор,... в значительном проценте дворов, бросивших хозяйство; наконец, о хозяйственном упадке свидетельствует и огромная сумма долгов и недоимок, накопившихся за населением татарских деревень“ [1].

Экспедиция отметила три особенности в хозяйственном укладе татарской деревни: „во-первых, меньшая земельная устойчивость татар сравнительно с русскими, выражающаяся в преобладании сдачи земли под наем; во-вторых, относительно большой процент уходящих на заработок из татарских деревень и, наконец, в-третьих, резкость различия между верхними и нижними слоями крестьянского населения“.

О положении татарской бедноты участник экспедиции Лаврский пишет: „Такое положение вещей, продолжаясь из года в год, при-

[1] Труды статистико-экономической экспедиции 1883 г. (под руководством Лаврского), стр. 30.

вело здешних татар в какое-то безвыходное положение. Недоимок за ними, если считать вместе с продовольственными долгами, такая масса, что если бы даже продать весь скот, все избы и весь домашний скарб недоимщиков, то не покрылось бы и половины их долгов".

В общем татарское крестьянство, наделенное худшей землей и меньшим наделом, обремененное разорительными налогами и вечными недоимками, страдая от периодически повторяющихся засух, постепенно пролетаризируется. Татарская беднота уходит массами на заработок в город, в промышленные районы (Донбасс, Урал, центр, север), идет батраками к помещикам и кулакам.

В одном только 1913 году ушло из деревни Казанской губернии на временную и постоянную работу 228.317 человек[1]. Большинство их составляли татары и нацмены.

Значительная часть разорившихся крестьян применяла свой труд на кустарных промыслах и подвергалась здесь эксплоатации со стороны скупщиков (Казанский и отчасти Лаишевский и Чистопольский уезды издавна изобиловали кустарями и отходниками).

Годы империалистической войны еще более усилили процесс дифференциации деревни. Неуклонно шло падение сельского хозяйства. Отвлечение рабочих рук на войну произвело огромную брешь в экономике деревни. За один только первый год империалистической войны в нашем крае было пять мобилизаций людей (самые работоспособные возрасты—от 24 до 35 лет), лошадей, а также повозок и упряжи, При чем в окопы шло крестьянство, а помещики оставались на учете в тылу. Лошади их и рогатый скот по своей „породистости" мобилизациям не подлежали.

Промышленность Казанской губернии кануна империалистической войны весьма характерна для колониального района. Почти полное отсутствие металлообрабатывающей и вообще тяжелой промышленности (не считая 2—3 карликовых преимущественно ремонтных заводиков в Казани и 3 судоремонтных затонов у Паратска, в Чистополе и в Спасске). Явное преобладание легкой индустрии по переработке сельскохозяйственного сырья — кожевенные, мыловаренно-свечные, кислотные и лесопильные заводы, мельницы плюс работавшие на казну обувные и обмундировочные фабрики (Алафузовых в Казани) и чисто казенные военные заводы и склады. К тому же почти вся эта промышленность сосредоточивалась в основном колониальном и административном центре края—Казани (необходимо упомянуть еще

[1] Обзор Казанской губернии за 1913 год, стр. 33.

про фабрики валеной обуви Вавиловых, Комаровых и Радыгиных в Кукморе и находящиеся на территории нынешней Татреспублики, но и тогда сильно связанные с Казанью химические кислотно-сульфатные заводы Ушкова и К-0 в Бондюге и Кокшанах).

По данным фабричной инспекции, к 1914 году числилось по Казанской губернии фабрик и заводов с производительностью свыше 1.000 рубл.—388, с 18.336 рабочими и общей суммой производительности в 27.746.792 рубля. Кроме этих относительно крупных заводов, в губернии имелось еще 3.987 мелких промысловых заведений с общим оборотом до 3.500.000 рублей в год. Наиболее крупными фабриками в Казани были: 1) мыловаренный, свечной и химический заводы бр. Крестовниковых с 1.750 рабочими, 2) прядильно-ткацкие, обувные и обмундировальные фабрики т-ва Алафузовых с 8.320 рабочими, 3) овчинно-шубный завод и обмундировальные мастерские Шабанова с 1.860 рабочими, 4) пороховой, 5) химический завод т-ва Ушкова с 220 рабочими, 6) мыловаренный завод т-ва Арасланова. В Казанском уезде было много мелких суконных и валеной обуви мастерских и подобных же кожевенных и овчинно-шубных заведений.

В группе промышленных предприятий в Казани с количеством рабочих не менее 50 человек в 1915 году числилось 48 предприятий. Предприятия, не вошедшие в этот список, были совсем карликовыми. Однако, число таких заведений с количеством рабочих от 5 до 50 человек было солидно. Кроме того, в большинстве уездов бывш. Казанской губернии было немало работавших в системе казенной винной монополии помещичьих и казенных винокуренных заводов (до 50).

В казанской промышленности татарский капитал играл значительную роль. Еще в XIX в. до $^1/_3$ предприятий кожевенной, мыловаренной и др. видов промышленности приходилось на долю татарского капитала. „Фабричное производство татар,—пишет автор, исследовавший состояние промышленности Казанской губернии в 1857 г.,—составляет в Казани одну седьмую часть общего количества фабрик и заводов, а в селах и деревнях—пять седьмых“[1]. Это положение мало изменилось и в начале XX века. Еще в XVI-XVII вв. вместе с русскими крепостниками-купцами и своими феодалами татарская буржуазия действенно участвовала в колониальной эксплоатации юго-восточных колоний царской России (Киргизия, Башкирия). Она выкачивала оттуда шерсть, кожи, хлопок и др. виды сырья для своих казанских, оренбургских и уфимских предприятий и проводила грабительскую

---

[1] Лаптев. „Казанская губерния“, С. П. Б., 1861 г.

меновую торговлю в этих местах, а также в Монголии и Восточном Туркестане (обмен ситцов и мыла на хлопок и кожи). Правда, она пыталась вырвать монополию в эксплоатации трудящихся масс этих колоний царизма у русских крепостников и буржуазии, но эти старшие собратья всегда умели дать по рукам чересчур предприимчивым младшим соратникам и заставляли татарских купцов отодвигаться все дальше на Восток.

Рост борьбы трудящихся масс всех национальностей против самодержавия, угрожавший позициям не только великодержавного, но и туземного капитализма в России, сплачивал татарскую буржуазию с самодержавием. Особенно во время революции 1905 г. и после нее татарская буржуазия, мурзы, татарские чиновники и духовенство —выступают как активные защитники самодержавия. Тогда же оформляется „Иттифак Муслимин" (союз мусульман), партия, являвшаяся по существу филиалом кадетской партии и ведшая ту же политику блока с самодержавием против революционных масс трудящихся.

Свое политическое пресмыкательство перед царизмом татарская буржуазия весьма ярко выявила и в 1913 году, когда праздновалось трехсотлетие Дома Романовых. Все буржуазные татарские газеты пели хвалу русскому монарху, проявляя свою преданность самодержавию.

„Так или иначе,—писал напр. Губайдуллин Газиз,—наши татары принимали участие в соборе, когда выбирали на трон России Михаила Федоровича Романова. Вот поэтому мы можем без малейшего сомнения сказать, что этот царский род является выбранным нами, нашим царем".

Казанский губернатор в своем отношении в Департамент Полиции самодовольно сообщал:

„Выпуклой характеристикой настроения мусульман может служить, например, то, что не взирая на столь известную свою религиозную фанатичность, татары присоединялись к пожертвованиям на усиление фонда по сооружению часовни в с. Вязовых, Свияжского уезда, у императорского романовского железнодорожного моста в память 300-летия царствования Дома Романовых"[1].

Военизация казанской промышленности, заставившая расширить одни и создать вновь другие виды и отрасли производства, вызвала значительное увеличение количества рабочих. Из отчетных данных старшего фабричного инспектора Казанской губернии на 1 января

---

[1] Фонд канц. каз. губ-ра. Д. №38 за 1913 г., Л. 59.

1916 года видно, что общее количество рабочих в фабрично-заводских предприятиях достигло 19.953 человек, составив в течение одного года прирост на 1.567 человек (8,5%), а по сравнению с 1914 годом —на 25%. Из общего числа заводов на оборону непосредственно работали 43 с 15.500 рабочими. Война открыла перед промышленностью широкий рынок сбыта. Чтобы воспользоваться этим рынком, началось бешеное приспособление промышленности к военным нуждам. Кожевенные заводы и мастерские буквально заваливались казенными заказами. Заводы и фабрики Алафузова, а также и другие, вырабатывавшие предметы обмундирования, не испытывали никакой нужды в рынке сбыта для своей продукции.

Больше того, предприятия, переключившие свое производство на военные нужды, усиленно финансировались казной.

Хозяева забросали старшего фабричного инспектора прошениями об оказании им содействия в заключении контрактов с казанским окружным интендантством.

Милитаризацию промышленности проводил местный Военно-Промышленный Комитет, организованный в 1915 г. Он был прямым посредником между фабрикантами и военным ведомством. Через него многие из промышленной мелкоты (Шабанов и др.) в годы войны вылезли в группу промышленной буржуазии.

В общем движении „все для обороны" не отставало от буржуазии и духовенство. Черносотенная газета „Казанский Телеграф" 16 января 1916 года сообщает о том, что местная духовная семинария для нужд артиллерийского завода пожертвовала комитету медный колокол. Не малое число предметов военного назначения изготовляла Казанская земская управа. Свои заказы земская управа раздавала различным мелким заводам и мастерским как казанским, так и уездным.

Татарская буржуазия встретила начало империалистической войны так же, как и русская буржуазия большим патриотическим под'емом. Казанский губернатор в своем донесении начальнику Департамента Полиции 19 ноября 1914 года сообщил: „В Казани... в состоявшейся 21 июля манифестации мусульман участвовало свыше 500 человек, манифестанты пели русский национальный гимн, совершали молебствие за царя, о даровании нам победы и вообще проявляли действительный под'ем патриотических чувств".

Патриотические манифестации в начале войны и все отношение татарской буржуазии к войне не были неожиданностью, они были подготовлены всем предшествующим процессом консолидации татарской буржуазии, как контрреволюционной силы. Пантюркистские

устремления, являвшиеся программными положениями татарской буржуазии, были отставлены в сторону, когда создались реальные возможности получения сверхприбылей на военных поставках, спекуляции, когда появились перспективы увеличения барышей за счет новых колоний. Идеолог татарской буржуазии С. Алкин всячески доказывал, что выступление Турции против Антанты ни в какой степени не может ослаблять симпатию татар к русскому отечеству. Это же доказывал и Оренбургский муфтий, который много раз в 1914 году в специальных обращениях призывал всех правоверных выступать на защиту России против Германии, Австрии и единоверной Турции.

„Русское государство,—говорил он,—есть наше отечество, дорогое и милое сердцу как нашему, сердцу мусульман, так и сердцу всех живущих в нем народов. И в настоящие дни многие сотни тысяч наших собратьев-мусульман за это самое дорогое наше отечество жертвуют собой. На том же пути расходуются наши капиталы, добытые тысячами забот“[1].

Выразителем желаний татарской буржуазии и духовенства была мусульманская фракция Государственной Думы, которая по случаю войны громогласно заявляла о желании отразить „дерзкое“ нападение врагов нашего отечества, „посягнувших на честь, достоинство и целость его“. „В полном сознании долга своего перед родиной, мусульмане готовы на всякие жертвы и в полном единении со всеми русскими до конца будут бороться и защищать честь и целость России“[2].

Выступая на поддержку самодержавия, татарская буржуазия устами одного их своих журналистов в газете „Турмуш“ прямо говорила: „Мы, разумеется, прежде всего, желаем, чтобы в государстве не было анархии,—государство может существовать только при законах и порядке“[3].

Татарская буржуазия так же, как и русская инсценировала с начала войны „национальный и гражданский мир“ в России. Этот „мир“, однако, быстро потерпел крушение в связи с массовым движением угнетенных национальностей Средней Азии, выступивших в 1916 г. против войны и колониального грабежа русского капитала.

---

[1] Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Татиздат, 1932, с. 175.

[2] А. Аршаруни и Х. Габидуллин. Очерки панисламизма и пантюркизма в России, изд. „Безбожник“, стр. 49.

[3] „Турмуш“ № 217 за 1916 г.

Крупные барыши, которые принесла война казанской буржуазии, сильно подняли ее патриотизм. „Война до победного конца"—являлся единственно популярным лозунгом, который не сходил с уст каждого фабриканта и заводчика.

На колоссальный рост прибылей показывает хотя бы отчет Волжско-Камского банка, из которого видно, что чистая прибыль его за 1914 г. составляла 4 миллиона 300 тысяч, в 1915 году—5 миллионов 200 тысяч, а в 1916 году уже 7 миллионов 600 тысяч рублей.

По отчету же Международного Коммерческого банка прибыль его в 1913 году равнялась 12 миллионам, а в 1916 г. уже 22 миллионам. Акционеры в 1915 году получили дивиденда по 20 руб. на акцию, а в 1916 г.—по 40 рублей[1].

2. Положение казанских рабочих в годы войны.

Ко времени Февральской революции война окончательно расшатала основной костяк промышленности. Правда, полный крах промышленности ко времени Февраля еще не наступил, но он весьма ясно выступал в качестве ближайшей и неизбежной перспективы.

Война, оторвавшая от производительного труда миллионы рабочих и крестьян, мобилизовавшая слабую российскую промышленность и транспорт, а также и отсталое, державшееся при господстве помещичьей системы на эксплоатации трудового крестьянства, сельское хозяйство на обслуживание грандиозных многотысячеверстных фронтов, — быстро надорвала производительные силы и внесла полную дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны. Это породило с первых же месяцев недостаток продовольствия, острое бестоварье и нарастающую с каждым днем дороговизну.

Дороговизна и бестоварье усугублялись бешеной спекуляцией, развернутой городской и сельской буржуазией с самого же начала войны.

Зарплата казанского рабочего была на много ниже, нежели в других местах России. Если в крупных промышленных центрах она относительно возрастала (годы предвоенного под'ема), то в Казани ничего подобного не было. Здесь существовала установленная еще в 1903 г. средняя поденная плата чернорабочим в размере:

	Муж. пол.	Жен. пол.
Взрослым	60 к.	40 к.
Подросткам	36 к.	30 к.
Малолеткам	35 к.	30 к.

[1] Данные о росте прибылей взяты из статьи в газ. „Рабочий" № 28, 1917 г.

Эта плата „почти совсем не изменилась с 1904-05 гг., в течение десяти последних лет“ [1].

Усилилось бегство рабочих с предприятий в поисках лучшего заработка, так как в годы войны, в связи с ростом дороговизны, реальная плата рабочих стала резко снижаться. Это особенно встревожило предпринимателей, получавших большие военные заказы.

В связи с этим в ноябре 1915 г. издается обязательное постановление о запрещении служащим и рабочим, находящимся на работах, производимых для военных надобностей, самовольно, „без законных причин“ оставлять работу, Запрещалось и сманивать с работы. Виновные в нарушении постановления „должны были подвергаться в административном порядке заключению в тюрьме на срок до 3-х месяцев или денежному взысканию до 3.000 руб“ [2]. Таким образом рабочие были закреплены за теми, у кого они работали до издания постановления.

Если вообще пролетариату в годы войны жилось тяжело, то это еще в большей степени относилось к тем рабочим, которые пользовались отсрочкой от военной службы [3].

Хозяева предприятий, пользуясь „военнообязанным положением“ своих рабочих, эксплоатировали их беспощадно. Ратников ополчения везде и всюду припугивали: „Если вы не станете работать на существующих условиях, мы вас расчитаем и отправим на фронт.“ На Алафузовском и других предприятиях в отношении таких рабочих чинились всякие препятствия. Учетников заводчики заставляли работать по ценам ниже других. Например, подрядчики разных цехов по постройке зданий Порохового завода всем ратникам, освобожденным от призыва, как правило, понижали в 1915 г. зарплату. Рабочие, после призыва ратников их лет, стали получать только 60% прежнего заработка. Рабочим, не призванным в армию, сплошь и рядом выплачивалась вдвое большая ставка. На этой почве среди рабочих стало выражаться недовольство и пошли разговоры, что „лучше итти на передовые позиции, чем жить при таких порядках“[4]. На заводе бр. Алафузовых заведующие отделениями и мастера при малейшем проступке военнообязанных рабочих „отправляли их в распоряжение

---

[1] Фонд ст. фаб. инспект., дело за 1916 г., справка об увеличении зарплаты в промышленных предприятиях Каз. губ., лл. 119 и 125.

[2] Фонд ст. фабр. инспектора, 1916 г. л. 61

[3] Конечно, эта характеристика не относится к тем „рабочим“—сынкам буржуазии, помещиков и кулачества, которые скрывались от фронта на предприятиях и жили не испытывая никаких тягот войны.

[4] Фонд канц. губернатора, дело №40, 1916 г., л. 135

военных частей, заставляя работать за плату меньшую, чем получали другие рабочие"[1].

Режим военного времени для рабочего класса означал: отправку бастующих на фронт, расчеты под всяким предлогом, полный произвол мастеров и инженеров, заключение на казенных заводах в карцер, выселение из заводских казарм в случае отказа стать на работу.

Если положение рабочих мужчин было тяжелым, то еще более невыносимым было положение женщин и детей, как наименее квалифицированных и организованных[2]. Особенно трудно было работать в мастерских Шабанова. Производство Шабанова было детищем империалистической войны. До 1914 г. Шабанов имел всего-на-всего скромную овчинно-шубную мастерскую. В годы же войны он развил большое производство по изготовлению военного обмундирования для армии. В Суконной слободе организуется целая фабрика по пошивке военного обмундирования и быстро растет число рабочих, эксплоатирующихся им. Кроме того, в разных частях города было открыто до 15 филиалов этой фабрики. В 1915 г. рабочих на этой фабрике было до 5 тысяч. Рабочими, главным образом, являлись женщины. Рабочий день доходил до 18 часов. Многие мастерские помещались в подвалах, без окон. Ночью и днем горела электрическая лампочка. Всех рабочих вместить существовавшие фабричные корпуса не могли. Поэтому до 2 тысяч рабочих брали работу на дом и работали у себя на квартирах. Работали сдельно, но как бы ни увеличивали „сдельщики" свой рабочий день, больше двух рублей мужчины и 1 р. 20 к. женщины в день в 1915 г. на фабрике Шабанова заработать не могли[3].

„На работах в Шабановских мастерских вместе с мастерами работали и малолетние девочки (10-12 лет), которых по приезде на фабрику фабричного инспектора прятали под корзинку, а вечером матери уносили этих „работниц" на руках домой, ибо они не всегда выносили 18-часовой рабочий день и тут же засыпали[4].

Точное число малолетних на фабрике Шабанова не установлено. Но известно, что многие виды работ производились именно малолетними, как-то: прикрепление крючков, резка столбиков, рубка петель, подборка цветов и др.

---

[1] Фонд канц. губернатора, дело № 24, 1916 г.

[2] Количество рабочих женщин и детей в Казани, по данным фабричного инспектора, было 9.260 чел.

[3] Воспоминания рабочего Белозерова, хранящиеся в Татистпартотделе.

[4] Воспоминания рабочего Чернова.

На всех предприятиях широко практиковались штрафы. Система штрафов, рукоприкладство и шпионаж вообще были постоянными спутниками администрации. На той же фабрике Шабанова управляющий Барбариго был буквально диктатором, он настолько терроризировал женщин-работниц, что „наиболее робкие из них перед дверью его кабинета, прежде чем войти, крестились, а выходили оттуда бледные, подавленные, запуганные“. Как характеристику режима Барбариго, следует указать на сочиненную рабочими следующую полушуточную „молитву“.

... „Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его... Спаси и сохрани от грозы, от грома и...от Шабановского дома, от огня и меча Антона Дмитриевича“ [1].

Рабочие-татары, являвшиеся обычно менее квалифицированными, использовывались на тяжелых работах в качестве чернорабочих, а труд их оплачивался, как правило, еще ниже труда русских рабочих.

Вот что говорит о дореволюционной жизни старый рабочий текстильной фабрики Фахрутдинов: „Трое сыновей было у меня и четыре дочери. Семерых жена родила и всегда работала. С 10 лет, девченкой, как на фабрику поступила, так и не бросала. Когда родила—отдыха не давали ей на работе. С работы едва домой добежит родить, а после родов еще больную гнали опять на тяжелую работу“ [2].

Приведенный факт говорит о чрезвычайно многом. И это не случайность, а система, правило дореволюционной фабричной жизни. Другая старая работница, тоже с текстильной фабрики, рассказывает о фактах, когда мастер не отпускал домой женщин, даже при наступлении родовых схваток, говоря: „До конца работы осталось час-два, доработаешь“. И совсем каторжные условия работы были на Бондюжском химическом заводе и в Кукморе.

На этих предприятиях большей частью работали рабочие и работницы из татар. Поэтому здесь особенно ярко проявлялся и колониальный гнет.

Воспоминания рабочих Бондюги говорят о том, что за 16 часов адской работы платили 5 руб. в месяц. Ядовитые химические соли раз‘едали носовые хрящи. На руках были глубокие шрамы. Лечения почти никакого не было. Лечили смолой. В тесной квартире дети дышали тем же воздухом, что и в цехе, а потому они умирали,

---

[1] Воспоминания рабочих.

[2] Разумов. Ленинская национальная политика в реконструктивный период, Казань. Партиздат. 1933 г., с. 33.

как мухи. Воздух на Бондюжском заводе был настолько ядовит, что собаки дохли. Продолжительность рабочего дня доходила до 15 часов в сутки и выше.

Хозяева ценили рабочих-татар дешевле, чем скотину.
„Это положение существует и сейчас во всех колониальных странах, ибо труд человека там расценивается гораздо дешевле, чем труд рабочего скота, ибо в связи с большими людскими резервами, колонизатор имеет сколько угодно возможностей беспредельно снижать жизненный уровень рабочего, чего нельзя себе позволить в отношении рабочей лошади“[1].

В своей колонизаторской политике царское правительство и капиталисты создавали видимость привилегии для русских рабочих с тем, чтобы углубить межнациональную рознь и всячески затормозить рост интернационального классового сознания.

Широко эксплоатировали в Кукморе труд детей и подростков, использовавшихся под видом ученичества и на самостоятельных работах. „Валенки сушились в больших русских печах, куда дети садились на лопатах и, сидя внутри печи, расставляли подаваемые им валенки. Температура в печах была настолько высока, что для предохранения от ожога детей завертывали в мокрые тряпки. Нередки были и такие случаи, когда на них воспламенялась одежда“[2].

Специальных помещений для жилья никто из рабочих не имел и жили они и ели на производстве, на верстаке.

Об охране труда не было и помину. Медицинской помощи на производстве тоже не было.

Кукмор давал кусочек колониальной политики, который выдержит сравнение „с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке“. (Ленин).

Особенно тяжело приходилось подросткам-татарам, которые не понимали русского языка. Так, 35 подростков бязекрасильной фабрики Утямышева и К-° даже подали жалобу фабричному инспектору на то, что мастер Коновалов их бьет. Сам инспектор пишет в своем блокноте: „При об'яснении с Коноваловым выяснилось, что он действительно допускает кулачную расправу, вследствие того, что подростки-татары не понимали его русского языка, не слушаются его приказаний, а штрафы на них должного воздействия не производят“[3].

---

[1] Разумов. Ленинская нац. политика в реконструктивный период. Казань. Партиздат. 1933 г., стр. 33.

[2] Там же.

[3] Блок-нот фабр. инсп. 2 уч. Фролова, арх. № 179, вязка № 25, 1916 г., стр. 187.

Подростки на предложение фабричного инспектора встать на работу ответили полным отказом, требуя удаления мастера.

В годы войны на казанских фабриках и заводах появился новый тип рабочего—беженец. Так как его эксплотировали еще больше, чем местных рабочих, то держали на работе предпочтительно перед местными рабочими. Часть рабочих-беженцев была высококвалифицированной и более революционно настроенной, так как прошла хорошую школу классовой борьбы на западе. Они и здесь активно вели борьбу с предпринимателями. Например, на фабрике „Поляр" было особенно много рабочих-беженцев, и мы знаем, что эта фабрика была одной из передовых в борьбе с царизмом и капитализмом.

Еще более охотно предприниматели старались заполучить в качестве рабочих военнопленных, как более послушную и дешевую силу. К тому же среди военнопленных было много квалифицированных рабочих.

В 1916-17 гг. у Алафузовых работало 501 военнопленный. На всех же предприятиях Казани, по официальным сведениям, работало 1.186 военнопленных, но фактически цифра была несомненно больше. Режим для военнопленных на фабрике был особенно строг. На основании распоряжения командующего войсками Округа, находившиеся на производствах военнопленные из занимаемых помещений никуда, кроме как на работу, не выпускались.

Так, военнопленный Фарраго Мартин был предан военно-полевому суду только за то, что пришел на работу с опозданием на 2 часа.

Жилищные условия были кошмарны. В одном маленьком строении в Ягодной слободе жило 441 человек. Лишь начавшиеся заболевания оспой и другими болезнями побудили администрацию их расселить. И все же в старом помещении было оставлено 345 военнопленных.

Под давлением все ухудшающихся материально-бытовых условий в результате усилившейся эксплоатации и роста дороговизны, рабочим становилась все более ясной задача необходимости решительной революционной борьбы с хозяевами и невыносимым режимом, сковавшим страну.

3. Рабочее движение 1914—16 гг.

В момент об'явления войны, монархистам, совместно с кадетами и мелкобуржуазными партиями, удалось, в первое время, отравить ядом шовинизма значительную часть крестьянства и даже наиболее отсталую часть казанского пролетариата.

Несмотря на то, что „громадный чудовищный аппарат лжи и хитросплетений был пущен в ход, чтобы заразить массы шовинизмом, чтобы вызвать представление, будто царское правительство ведет „справедливую“ войну, бескорыстно защищает „братьев-славян“... единственным классом в России, которому не удалось привить заразу шовинизма“[1] остался пролетариат. В первые же недели и месяцы после начала войны в Казани и губернии имеют место выступления отдельных рабочих, отдельных крестьян против империалистической бойни. Мы располагаем несколькими подобными фактами. В конце октября 1914 г. на заводе Алафузова, в момент сбора пожертвований в пользу семей запасных, слесаря М. Махин и С. Степанов начали разговор о том, что „эти пожертвования поднимают дух в армии и таким образом затягивают войну. Вся боевая армия как у нас, так и у противника состоит из мастеровых и крестьян, и если бы ни мы, ни немцы не стали бы жертвовать, то армии ослабели бы и сошлись между собой мирно и без всякой войны“[2].

На этом же заводе слесарь Мендель Лось в беседе с солдатами говорил: „Солдатам не нужно ходить на войну, солдаты — дураки. Ну, для чего вы идете на войну и для чего вам война? Уходя на войну, вы оставляете свои семейства нищенствовать и голодать, а вернетесь назад калеками. Пусть даже война и будет выиграна, но вам все равно ничего не дадут, калек же будет сколько угодно... Раны ваши залечат, потом выгонят вас на все четыре стороны и вы должны будете итти нищенствовать. Мы раньше без войны жили, дело обходилось. Да и эту войну не Германия нам об‘явила, а мы об‘явили Германии. Дураки, что в солдаты пошли, вы ведь только пушечное мясо и больше ничего“[3]. История эта стала скоро известна жандармерии. Доносчиком оказался провокатор Чекунов—„Соловей“. Лось был немедленно привлечен к ответственности по 129 ст. Уголовного Положения. Военно-окружной суд, судивший Лося в январе 1915 г., приговорил его к высылке в Енисейскую губернию. Но были и более свирепые меры расправы: присуждение на каторгу и к смертной казни не было редким явлением в губернии. В этом отношении особое рвение проявлял командующий войсками Казанского военного округа генерал Сандецкий.

Активно выступали против войны рабочие-татары. Они были в рядах революционного авангарда еще в революции 1905 г. Особенно

---

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 207—208.
[2] Фонд К. Г. Ж. У. 1914 г., агентура „Соловья“ от 17/XII.
[3] Фонд К. Г. Ж. У. 1914 г., Дело № 130.

это относится к татарам, работавшим на Алафузовских фабриках, в Кукморе, на Бондюжском и Кокшанском заводах, имевших большое число рабочих-татар. Революционная борьба тогда развертывалась под руководством большевистских организаций и отдельных выдающихся социал-демократов-большевиков из татар, как Хусаин Ямашев, Галимджан Сайфутдинов, Минулла Вахитов, В. Хуснутдинов, Садык Сагеев.

В Баку рабочие-татары, активно участвуя в революционных выступлениях 1905—1907 гг., выдвинули таких руководителей-большевиков, как Саид Джагфар Якубов, Сибгат Гафуров и др.

Из наиболее характерных выступлений отдельных рабочих-татар в первые месяцы империалистической войны следует отметить: в сентябре 1914 г. на заводе Алафузовых рабочий Мингазетдин (Мингазей) Шагиахметов выступал против вычета с рабочих процента с заработка в пользу раненых. Шагиахметов агитировал и против пожертвования на нужды войны[1]. „Шагиахметов,—говорила агентура,—настаивает, чтобы никто из рабочих не соглашался на вычеты в пользу раненых, доказывая, что не следует поощрять бойни“. Мингазей об‘яснял рабочим, что жертвовать на раненых не следует: „Пусть лечит их тот, кто начал войну“[2]. Одновременно он довольно энергично собирал деньги среди рабочих в пользу высланных партийных работников. 24 сентября 1914 г. Шагиахметов был выслан из Казани[3]. На этой же фабрике М. Шарафутдинов агитировал против пожертвований на войну.

По словам жандармерии, он являлся социал-демократом. Работа Шагиахметова, Шарафутдинова и др. имела на заводе большое влияние. По тем же агентурным сведениям нам известно, что пожертвования в пользу войны на Алафузовском заводе собирались очень плохо. Многие татары-рабочие отказывались отчислять проценты из заработка в пользу семей призванных на войну, заявляя: „Не мы начинали войну, а потому и давать денег не хотим“[4].

Подобные факты не являлись единичными и на других фабриках и заводах.

Таким образом, шовинистическая агитация татарской буржуазии, татар-меньшевиков и эсеров, как видно, давала ничтожные результаты.

---

[1] Дело № 137 канц. губернатора за 1914 г.

[2] Там же.

[3] Фонд канц. губернатора, дело № 137. Рапорт жандарм. управл. от 24 сентября 1914 г.

[4] Фонд канц. губернатора, д. № 137, агентура „Михайлова“ от 17 октября 1914 г.

В годы войны, в результате обострившихся классовых противоречий, в местной промышленности сильно возросло число стачек и забастовок—„этой школы, в которой рабочие учатся вести войну против своих врагов за освобождение всего народа и всех трудящихся от гнета чиновников и гнета капиталистов“ (Ленин).

1915 год в Казани памятен следующими событиями и конфликтами:

16/29 марта рабочие по затяжке сапог на заводе Алафузова отказались от работы (зачинщиками были—Мингазей Сабаев, сын его Абдрахман, Кайзутдин Сайфутдинов, Иван Шаронов и братья Лазаревы).

6/19 апреля бастовали рабочие хлебопекарни Ф. М. Зимина.

27 апреля (9 мая) забастовали каменщики подрядчика Винокурова.

В мае бросили работу женщины ткацкого отделения завода Алафузовых.

1/14 мая требовали прибавку организованным путем рабочие всех цехов завода бр. Крестовниковых.

11/24 июля на КПЗ работницы, в числе до 10 человек, связали, посадили в тележку и бросили в навоз линейного мастера Болонина.

В середине лета бастовали рабочие лесопильного завода торгового дома „Булыгин и Сын“.

В сентябре бастовали 110 человек в типографии Харитонова.

В ноябре была забастовка на экономической почве среди кондукторов и вагоновожатых трамвая. В результате несколько кондукторов были уволены, а рабочий Е. Г. Шминдов, на основании постановления губернатора от 29 ноября 1915 года, был выслан за пределы Казанской губернии.

Кроме перечисленных фактов, в делах жандармского управления упоминаются конфликты на заводах Козлова, Ярцева, Сапожникова.

Наиболее же крупные выступления казанского пролетариата произошли в самом начале 1916 г. Этот год был третьим годом империалистической бойни, годом больших поражений на фронте и резкого вздорожания жизни.

В забастовочной борьбе 1916 г. впереди всех шли алафузовцы.

Внимание Казанского губернского жандармского управления было особенно приковано к этому заводу. Не проходило ни одного месяца, чтобы губернатору не докладывалось о том или ином движении рабочих в той или иной мастерской завода. В январе и сентябре здесь были уже большие (в условиях Казани) забастовки. Третья крупная забастовка алафузовцев разразилась в начале февраля 1917 года.

Главными инициаторами январской забастовки были ткачи: Марья Разоренова, Семен Калин, Матрена Зыкова, Василий Москвин, Исмагил Ибрагимов, Габидулла Фахрутдинов, Константин Моков, Гайнулла Зайнуллин и Семен Захаров. Со стороны администрации фабрики сейчас же были приняты меры предосторожности. Немедленно вызвали полицию. Но этого оказалось недостаточно.

12/25 января в 5 часов утра на фабрику была вызвана еще рота солдат.

13/26 к главному двору завода Алафузова в Ягодной слободе прибыл дополнительный наряд полиции, состоявший из 16 человек конных стражников и 30 человек пеших городовых.

Городовые были введены в ткацкое отделение завода.

На Алафузовских фабриках было немалое число рабочих (поляков, евреев, немцев) из эвакуированных местностей, занятых немцами. Эти рабочие принимали также активное участие в забастовке. Но власть понимала, что и на них только угрозами не воздействуешь. За обработку их взялся сам губернатор. Он приказал приставу доставить к нему в канцелярию рабочих-поляков, евреев и немцев. Под конной стражей было отправлено 25 человек [1]. Губернатор Боярский снизошел до беседы с рабочими на польском языке и требовал выявить тех, кто был зачинщиком, кто говорил о высоких расценках в западных губерниях и в Германии. Он из невинного собеседника превращался то в грозного царского опричника, то умиленно-отечески переходил на разговор о родине и в заключение „советовал“ рабочим ходить в костел, где они могут познакомиться со своими земляками, подразумевая под ними благонадежных прихожан из среды бежавшей с запада буржуазии и чиновничества. Но бастовавшие рабочие держались дружно. Казанские меньшевики, окопавшись в рабочей группе КВПК, пытались всячески сорвать забастовку, но это им не удалось.

Стачка прошла удачно, и положительные результаты ее сказались не только на ткацком, но и на прочих отделениях фабрики, где также была увеличена заработная плата.

Казанские рабочие в этой стачке получили первый опыт массового выступления после классовых боев в 1905 г., фабриканты же не могли не почувствовать всю силу этого выступления.

Новая большая стачка разразилась 20 сентября (2 октября) 1916 г. на этой же фабрике, в прядильном отделении. В 12 часов дня прекратили работу чесальщики и пред‘явили администрации требование сверхурочных работ (два часа в день, с $6^1/_2$ до $8^1/_2$ час.). В 4 часа

[1] Интерв. ст. Сельчаком—рабочим одного из отделов Алафузовских фабрик.

отделение стало совсем, и рабочие ушли домой. 22 сентября (4 октября) из Петрограда от хозяина была получена телеграмма, обещавшая новые расценки с 1/14 октября.

На следующий день эта телеграмма была вывешена на фабрике с припиской: „На основании этой телеграммы предлагается рабочим немедленно встать на работу и спокойно ждать справедливой прибавки". Но забастовка продолжалась. Обещание „справедливой прибавки" не действовало.

25 сентября (7 октября) полицеймейстер доносил губернатору, что, „несмотря на обещание прибавки, бастующие рабочие на работу не встали".

Работы возобновились лишь 28 сентября (10 октября).

Таким образом, забастовка продолжалась свыше недели. Рабочие и в этой забастовке держались очень дружно. Меньшевикам из ВПК, вновь пытавшимся сорвать забастовку, это не удалось.

Следующим и последним перед революцией 1917 г. крупным выступлением была стачка алафузовцев в конце января—начале февраля 1917 г. Число бастовавших, по данным фабричного инспектора, доходило до 1.200 человек.

Надо было как-то гарантировать фабрикантов в дальнейшем от подобных „неприятностей". Фабричные инспектора и меньшевики из „рабочей группы" Казанского Военно-Промышленного Комитета целыми днями торчали на фабрике и уговаривали бастующих, в особенности женщин, принимавших наиболее активное участие в забастовке, чтобы они отказались от дальнейшего упорства, иначе (запугивал их инспектор) главноначальствующий и командующий войсками генерал Сандецкий к бастующим женщинам и некоторым военнообязанным примут самые строгие меры.

И действительно, главноначальствующий решил действовать в данном случае по-военному.

Прежде всего, губернатор решил повлиять на женщин через их военнообязанных мужей и родственников. Вот что он писал в своем отношении командующему войсками, генералу Сандецкому 5/18 февраля: „На Алафузовском заводе в эти дни дважды была забастовка работниц с пред'явлением к администрации различных требований. Переговоры фабричной инспекции результатов не дали. Эти частичные забастовки, очевидно, являются пробным камнем и так как их учиняют пока лишь женщины, полагаю, что было бы целесообразным об'явить о том, что военнообязанные рабочие, если будет замечено, что их жены и их родственники бастуют или так или иначе мешают работать

на заводе, обязаны воспрещать им это делать. Если же женщины будут устраивать беспорядки, то они немедленно будут увольняться, высылаться из Казани и местностей к ней прилегающих, а мужья и их родные-военнообязанные, за непринятие должных мер воздействия и, следовательно, сочувствие к забастовщикам, будут с первыми эшелонами отправляться на фронт".

Казанскому губернатору хотелось, чтобы об'явление подобного рода было издано самим генералом Сандецким. По отношению к рабочим-военнообязанным предполагались и другие меры воздействия.

„Думается мне,—писал губернатор в том же письме Сандецкому,—что следовало бы всех военнообязанных-рабочих завода обязать одеть погоны и кокарды на шапку, так как это служило бы постоянным им напоминанием, что они приравнены к тем, кто призван в войска".

Но и этого оказалось недостаточно.

Начальнику губернии желательно, чтобы и надзирала за рабочим не полиция, а само военное начальство, и потому он предлагает „ненавистную рабочим полицию" заменить офицерами, которые „несомненно будут импонировать рабочим, а при известном такте и спокойствии, я уверен, могут совместно с фабричной инспекцией предупредить возможные беспорядки" [1].

Казанские меньшевики проводили политику подчинения пролетариата интересам буржуазии. По их инициативе при КВПК была создана секция труда, или так называемая „рабочая группа". Цель создания „рабочей группы" ВПК-та блестяще вскрывается в одном из документов, вышедшем от руководства этой группой.

„Мы целый год,—пишет автор его, инженер И. Ф. Аносов,—не могли организовать секцию труда, так остро необходимую в нашем комитете, и давайте сейчас поблагодарим Господа, что это прошло безнаказанно для дорогой всем нам Казани, а в лице ее и родины. Например, в Петрограде, Харькове возникли рабочие беспорядки, которые могли окончиться плачевно и во всяком случае залить страну братоубийственной кровью, но достаточно было прибыть на место беспорядков делегатам рабочей группы местных военно-промышленных комитетов, сказать рабочим несколько слов, и волновавшиеся рабочие утихали, становились к станкам и продолжали святое дело оборонирования страны".

---

[1] Фонд канцелярии Казанского губернатора, дело № 28, 1917 г.

4. Настроение деревни.

Отражение антивоенных выступлений рабочих мы находим и в забитой, темной деревне, где также накопилось много горючего материала и росло проявление своеобразного стихийного „пораженчества“. Обрушившееся на крестьянство бедствие войны подняло волну стихийного протеста против ненавистной бойни и не менее ненавистного самодержавного правительства, заставившего бросить хозяйство и семью и итти умирать в окопы.

На крестьян, так или иначе выступавших против войны, были заведены специальные дела, чаще всего под видом оскорбления государя императора. Подобные факты являлись особенно многочисленными. Дела судебной палаты за 1915 и 1916 годы представляют собой целый сборник „комплиментов“ по адресу Николая II. Особенно щедро дарили их крестьяне-татары.

Вот некоторые из них: в одной из деревень Мамадышского уезда, в дни первой мобилизации, крестьянин Нурмухаметов, наряженный в подводы, отказался ехать и заявил: „Плюю я царю в нос, я не позволю царю делать войну, война не для меня, я не обязан царю людей таскать, я о войне не тужу, у меня своей работы много, надо жать“. (Дело № 127). Староста д. М. Шуя—Галеев назвал императора дураком, „дурной башкой“ и добавил при том, что до царя давно уже добирается его (Галеева) тесть Яппаров, который, кстати, числится политически неблагонадежным еще с 1905 года. (Дело № 128, случай этот был в августе 1914 года). Мобилизованный Халиуллин в с. Тавелках, Мамадышского уезда, заявил: „Наш государь—мошенник, в чужое дело ввязывается, его надо застрелить“. (Дело № 119, августа месяца 1914 года). [illegible]

Крестьянин Свияжского уезда, с. Муратова, Ив. Митрюков, на пароходе по пути от города Лаишева в Казань в разговоре с солдатами из татар выразился: „какого . . . едете и идете воевать [illegible] . нужно войну открывать здесь, в России“.

Обострились противоречия у бедняцкой массы не только с эксплоататорами-помещиками, но и с кулаками. Бедняки видели, как богатая часть деревни попрежнему обеспечивала себя наемной силой, одновременно с этим освобождая своих сыновей от военной службы за взятки. Они видели, как война, разоряя беднейшие слои деревни, обогащает зажиточно-кулацкие хозяйства. Последние, спекулируя хлебными запасами, прибегая к найму рабочей силы и не испытывая недостатка в живом и мертвом инвентаре, умело оберегаемом ими

от мобилизации,—наживались на беде своих разорявшихся соседей-бедняков. Поэтому естественны прямые и открытые выступления бедняков и середняков еще в начале войны как против самодержавных порядков, так и против богачей, поддерживавших их.

В 1915 г. помощник цивильского уездного исправника сообщал о том, что в г. Цивильске распространены в 1/4 листа бумажки, „напоминающие прокламации",—„призыв к бунту против членов, заседающих в воинском присутствии, за деньги освобождающих богатых[1]".

Особенно усилились пораженческие настроения среди трудящихся после неудач на фронте весной 1915 г., когда русская армия, под ударами германо-австрийских сил, откатилась из Галиции. „В Поволжье, в Казани, наблюдались случаи устной пропаганды „пораженческих" теорий"[2]. В ответ на все учащающиеся открытые выступления трудящихся против войны, а вместе с тем против существующего строя, со всей силой развертывает работу политический судебный аппарат. Аресты, высылки, телесные наказания и пр. обрушивались на непокорных подданных, особенно на тех, которые числились в империи „инородцами".

5. Состояние гарнизона.

Нам осталось еще проследить, как прошли все эти процессы в армии, по Казанскому гарнизону, являвшемуся в Казанском военном округе наиболее многочисленным (до 50.000 чел. к 1917 г).

В годы войны Казанский военный округ был одним из крупнейших поставщиков людской силы. Еще в октябре 1915 г. мобилизационный отдел генерального штаба пред'явил к округу требование заполнить фронтовую брешь Мазурских болот и непременно высылать по 800 маршевых рот в месяц, а это равнялось тогда 200.000 человек. Кроме того, требовалось послать пополнения и в другие округа до 40.000 человек. Еще лежала одна задача на Казанском военном округе—проведение в жизнь великодержавно-обрусительной политики самодержавия по отношению к так называемому инородческому населению. В 1916 г. из Казани были посланы специальные ка-

---

1 Полицейский надзор, посланный помощником исправника, нашел по городу еще одиннадцать расклеенных экземпляров, не считая тех, которые были приклеены на заборы, ворота и двери здания воинского присутствия.

2 Великая отечественная война. Казань, 1915, стр. 154.

рательные отряды на усмирение башкир, а также против восставших в Средней Азии (Семиречье) киргиз.

Материально-бытовое обслуживание гарнизона с каждым месяцем войны все более ухудшалось. Дело с продовольствием настолько обострилось, что на этой почве в частях произошло несколько открытых выступлений. Не лучше обстоял вопрос и с обмундированием. Нередки были случаи, когда пополнения отправлялись в своей верхней одежде и в казенных лаптях. Квартирный вопрос также рисуется в кошмарном виде. Совершенно недостаточной в гарнизоне была и медицинская помощь.

Все это, вместе взятое, в сильной степени отражалось на здоровьи солдат. Заболевания в частях, начиная с 1915 г., настолько усилились, что медицинские и санитарные учреждения были бессильны что-либо предпринять.

Таково было материальное положение войск гарнизона г. Казани перед Февральской революцией. Не лучше было и „моральное" их состояние. Процент неявки призванных на сборный пункт уже в 1915 г. был весьма солидным.

Так, в 17 пехотной запасной бригаде в 1915 г. не явилось на сборный пункт свыше 22% общего числа призванных[1]. Количество самовольных отлучек росло. „За 1915 год из 35.874 человек было в побеге 1.113 чел., а самовольно отлучившихся было значительно больше"[2]. В 1916—17 гг. были даже случаи вооруженного нападения на кадровый состав.

Командование, под руководством генерала Сандецкого, отвечало на все это жестокими репрессиями. Обращение с солдатами носило, по словам очевидца этих сцен, „омерзительно-грубый и унизительно-пошлый характер"[3].

В связи со всеобщей разрухой, нарастающим недовольством трудящихся масс против войны и ненавистного самодержавия, в связи с общим обострением классовых противоречий в стране, ухудшающееся продовольствие войск и зверское обращение начальства возбуждало острое недовольство в гарнизоне, переходившее в начале 1917 г. в открытое брожение. В Казанском гарнизоне были отдельные сознательные революционно-настроенные солдаты, которые вели пропаганду не только в войсковых частях, но и среди штатского насе-

---

[1] Ежов. „Военная Казань в 1917 г.", изд. Казань. Истпарт, 1927 г.
[2] Там же.
[3] Там же.

ления г. Казани, главным образом среди рабочих. Так, в 92-м обозном батальоне состояли на службе призванные по мобилизации в Москве три нижних чина, которые „частенько выходили в город в штатской одежде и высказывали мысли, что Россия проиграет войну и это будет хорошо, так как дело в этом случае не обойдется без революции".

Жандармское управление подчеркивает, что „эти солдаты не стесняются высказывать свои взгляды, весьма общительны и умеют со всяким вести беседу и завладеть вниманием слушателя".

Недаром ими заинтересовался штаб Казанского военного округа и даже сам генерал Сандецкий. Этими лицами были: 1) Василий Сысоевич Соколов, 2) Василий Николаевич Лопатин и 3) Казимир Александрович Пузановский [1].

События на фронте уже сами по себе были хорошим агитатором против войны, против всего подгнившего царского строя. Письма с фронта были огромным фактором, революционизирующим массы в тылу. Военная цензура КВО об этом говорит весьма убедительно.

Правда, эти письма полностью еще не вскрывают действительного настроения армии. Сам цензор, например, приводит выдержку из солдатского письма: „Писать много нельзя—секут, когда узнают". Поэтому мы считаем, что настроение солдат в них отражено в малой дозе. И все же мы в состоянии судить по ним о том, как менялось настроение солдатских рабоче-крестьянских масс, как с каждым месяцем войны росло антивоенное настроение, отражавшееся на широких слоях населения.

Вот выдержки из отдельных писем:

„Стоим мы в хлеве, как скотина, начальство у нас, как собаки, грызут нас и даже бьют плетью". „Обращаются ужасно грубо, наказывают, ставят под ружье"... „У нас в войсках падает дух и красивыми выражениями и наградами не поднять его". „Что смотреть—беритесь за ружья и начинайте чистить внутри страны". „Пишу вам новость: в нашей батарее солдаты убили взводного фейерверкера, он был таким злым и строгим к солдатам, вот они его и успокоили". „Гонят нас уже пять месяцев и никакого результата. Бугульминский полк забастовал, не хочет воевать".

Кроме жестоких, исступленных издевательств и мордобитий, которым подвергался русский солдат, солдат-татарин нес еще груз своего бесправия и национального унижения.

---

1 Фонд каз. губ. жандармского упр., д. № 40, 1915 г. Из-за гибели архивных фондов полевого суда Каз. воен. округа, мы не могли проследить дальнейшую их судьбу.

Трудящиеся на фронте и в тылу все более и более революционизировались. Трудно было отличить представителей одной национальности от другой. Воинственный пыл русской армии был охлажден уже к концу 1914 г. „Сначала был аппетит защищать родину, но теперь хоть чорт бы ее взял с ее защитой".

В 1916 г. „армия расползалась по всем швам и теперь ее собирают розгами. Розга—воодушевление армии".

Один ротный командир свидетельствует в письме: „У меня убежало 55 человек и вот за это мне, наверное, влетит. Кроме того, остальные 200 человек отказались итти и их пришлось силой заставлять. Двоих я убил, потом посадил многих, а что касается розог, то влетело всем". Таких командиров, как известно, было в царской армии не мало.

Революционизированию крестьян-солдат много помогла пропаганда рабочих, в большом числе взятых на фронт по мобилизации и посланных в окопы за революционные выступления. Об этом один солдат в письме отзывается так: „Сюда пригнали разного люда из Московской губернии, затем фабричных, которые являются прямо бунтовщиками или социалистами, или же демократами. Они не желают повиноваться офицерам, возражают им и никого не слушаются. Они не боятся даже нашего генерала и, хотя он человек очень строгий, ровно ничего не выходит. Все места заключения переполнены ими, под ружьем стоят ежедневно 20—30 человек".

Кровавый $2^1/_2$-летний опыт приводил солдат все больше и больше к выводу, сформулированному В. И. Лениным еще в самом начале войны, что „войну империалистическую надо превратить в гражданскую", в войну с буржуазией.

Работа большевиков развертывалась все больше и больше в предфевральские дни. Влияние ленинской партии росло очень быстро.

Приближение революционной волны в Казани было также очевидным. Рабочие и крестьянские массы, будируемые революционной пропагандой большевиков, поднимались на борьбу с ненавистным царским режимом, режимом кнута и нагайки, режимом безмерной помещичьей и капиталистической эксплоатации и национально-колониального гнета.

6. Большевики в годы империалистической войны.

Казанская социал-демократическая большевистская организация к началу империалистической войны имела длительную историю борьбы с самодержавно-помещичьим строем и буржуазией. Организация вышла из марксистских кружков 80—90 г. и оформилась в конце 1902 го-

да, когда был создан первый Комитет. С некоторыми перерывами в работе вследствие разгромов организация подошла к 1905 г. как большевистская. Возглавлялась она в это время тт. Вилоновым (Заводским), Саммером, Свердловым, Ямашевым, Адоратским, Лозовским и др. видными партийными работниками. Под руководством организации в 1905 году проводится ряд забастовок на Алафузовском, Крестовниковском и других предприятиях. В октябрьские дни 1905 г. организация, выйдя на несколько дней из подполья, значительно усиливает свою работу по мобилизации масс, но погром, организованный контрреволюционными силами, заставил ее снова уйти в подполье и оттуда продолжать руководство революционной борьбой. Однако, вследствие этого разгрома организация была весьма ослаблена, т. к. из ее рядов были вырваны лучшие ее руководители.

В период реакции до 1909 года организация выдержала еще целый ряд разгромов, но большевики Казани, в рядах которых были такие товарищи, как Молотов (Скрябин), Мальцев, Тихомирнов Виктор, Догадов А., Рябиков—упорно держались, восстанавливая каждый раз свои ряды.

В 1909-10 гг. пытался восстановить организацию студенческий кружок под руководством Лотова, но эта попытка не удалась. В 1911-12 гг. попытку восстановить организацию делает кружок М. Жакова, но 12 апреля 1912 года весь состав кружка был арестован. В 1913 г. также безрезультатно повторяет эту попытку кружок рабочих Алафузовских фабрик под руководством Н. Ильина. Жандармерия с помощью провокаторов ликвидирует и этот кружок. К империалистической войне партийная работа большевиков была сильно подорвана и только одиночки (Адоратский, Сапрыгин) продолжали ее вести среди казанского пролетариата.

В годы войны в Казани также продолжали работать лишь отдельные рабочие-большевики или примыкавшие к ним. К числу вполне определившихся социал-демократов-большевиков или близко к ним примыкавших в эти годы нужно отнести следующих рабочих: Гладилова, Бисярина, Кокошина, Рудова, Дерунова, а также портных: Комлева, Бочкова и Большакова. Особого внимания заслуживает большевистская группа Бондюжского завода, находившегося тогда на территории Вятской губернии. На этом заводе, насчитывавшем в своем составе до половины рабочих-татар, тогда работал директор старый большевик, участник ряда партийных с'ездов, ученый химик тов. Л. Карпов. Вокруг него группировались такие лица, как старый большевик С. Н. Гассар и другие.

В годы империалистической войны в Казани активно работал студенческий кружок „глазовцев“ с преобладанием в его составе большевиков. В обстановке шовинистического угара, охватившего большинство казанского студенчества, этот кружок резко выделялся. В его задачу входила агитация против войны не только среди студенчества, но и среди рабочих казанских фабрик и заводов и солдат местного гарнизона. Организация этого кружка относится к концу 1914 г.; вошли в нее студенты из Глазовского уезда Вятской губернии. Кружок „глазовцев“ имел связь с отдельными большевиками—петроградскими студентами, встречаясь с ними, главным образом, во время каникул. Благодаря этой связи, он имел возможность, хотя и не регулярно, быть в курсе партийной жизни. К 1916 г. кружок „глазовцев“ насчитывал в своем составе 12 человек и из них лишь 7 человек—Иван Волков, Иосиф Волков, В. Ничиперович, А. Луппов, В. Кузовлев, И. Шулаков, С. Шубин по вопросу об отношении к империалистической войне были сторонниками ленинской точки зрения. Другие же, стоя на центристской позиции, были, как говорит И. Волков, „против войны, против аннексий и контрибуций, но считали в то же время, что в настоящее время нельзя нам прекращать войны—ибо раздавит германский империализм“. Кружок „глазовцев“ из всех нелегальных студенческих кружков 1915—16 гг. резко выделялся наибольшей партийной оформленностью своих взглядов. „Глазовцы“ ставили перед собой также задачу развернуть работу среди казанских рабочих, но практически в этом направлении очень мало сделали.

Основное свое влияние на студенческие революционные кружки „глазовцы“ оказывали через „Сергея Петровича“, так назывался тогда созданный в 1915 г. по их инициативе совет представителей нелегальных студенческих кружков. Об‘единяла же их в этом Совете общая революционная интернационалистическая платформа—отрицательное отношение к войне, как империалистической, грабительской и активная борьба против войны и самодержавия. По свидетельству т. Иосифа Волкова, членами „Сергея Петровича“ в разное время состояли: Иван Волков, В. Кузовлев, Иосиф Волков, Н. Вифанский, В. Ничиперович и друг.

Ни одно мероприятие, ни одно массовое выступление студенчества не проходило без участия „С. П.“, руководство которым находилось в руках „глазовцев“. Особенно удачно была проведена „С. П.“ кампания довыборов в правление и совет студенческого кооператива. Благодаря этому руководство кооперативом, а позднее и его предпри-

ИВАН ВОЛКОВ.

Руководитель студенческого большевистского подполья в годы империалистической войны. Активнейший работник казанской большевистской организации 1917-18 гг. Начальник Центрального штаба Красной гвардии. Умер в 1918 г.

ятиями, как студенческая чайная—оказалось в руках революционной части студенчества. Через своих представителей—правленцев—студенческое подполье, в первую голову его большевистская часть, сумело неплохо использовать эти легальные возможности для революционной работы. Через кооператив оказывалась помощь арестованным и сидящим в тюрьме товарищам, чайная (в подвале на Рыбнорядской ул.) частично использовалась как клуб[1]. Выпуск подпольного журнала „Клич", органа „С. П.", был также результатом завоевания кооператива студенческим подпольем.

Массовые же выступления студенчества, как забастовки, демонстрации или даже только митинг-сходка, как правило, организовывались от имени „Коалиционного Комитета" — так назывался другой, более узкий центр студенческого подполья, включавший в себя социал-демократов и социалистов-революционеров. Но организационно оформлялись и фактически возглавлялись все эти массовые выступления студенчества—„С. П.". К массовым выступлениям студенчества нужно отнести две забастовки в университете и пять массовок-сходок, из которых две вылились в уличные демонстрации. Одна из демонстраций, а именно состоявшаяся 5/18 ноября 1916 г. и формально приуроченная к годовщине университета, была наиболее многочисленной (до 300 участников) и удачной. Проходя мимо губернской тюрьмы, демонстрация остановилась, а один из товарищей даже сделал попытку произнести речь с протестом против войны и арестов (в этот момент в тюрьме сидел арестованный тов. Цитронблат—один из организаторов Коалиционного Комитета). Особого внимания заслуживает кампания, проведенная под руководством Коалиционного Комитета и „С. П." в связи с организацией в университете приват-доцентом Завадским мастерской по изготовлению гранат для войны. В результате организованного выступления студенческого подполья, во главе которого, как уже отмечалось, шли большевики,—эта патриотическая затея Завадского, рассчитывавшего на массовое привлечение студенчества к работе в мастерской, провалилась.

Деятельность „С. П." среди рабочих выражалась в распространении прокламаций Циммервальдского манифеста, а впоследствии и журнала „Клич", выпущенного по инициативе „С. П." в начале 1917 г. (вышел всего один номер). Редакция „Клича" состояла из двух большевиков — И. Волкова и К. Машкина и с.-р.-интернационалиста

[1] Эта чайная и в 1917 г. была единственным местом—своего рода клубом для партийцев.

Д. Шляпникова[1]. Журнал вышел под лозунгом „Долой войну — да здравствует гражданская война".

Особо выдающуюся роль в студенческом революционном движении в годы войны сыграл большевик Гирш Ольженицкий, прибывший в 1915 г. вместе с другими студентами из закрытого Варшавского университета. Среди них было много нерусских студентов, в особенности поляков и евреев. Гирш Ольженицкий вошел в состав Коалиционного Комитета и играл в нем видную роль в конце 1915 и начале 1916 гг. Мы уже отмечали, что Комитет был вторым центром студенческого подполья. Он имел „технику" для печатания, благодаря чему им регулярно выпускались листовки с призывом против войны, царского правительства, с призывом к организации кружков и пр. Особенно большую роль в деле мобилизации масс против войны сыграл размноженный Коалиционным Комитетом в тысячах экземпляров Циммервальдский манифест. Многие сотни экземпляров выпущенной Комитетом нелегальщины попадали не только в руки студентов, но и рабочих и солдат казанского гарнизона. Летом 1916 г. через кружковцев распространялись в большом количестве листовки и Циммервальдский манифест в провинции, далеко за пределами Казанской губернии (Вятской, Симбирской, Самарской и Уфимской губ.). Особенно усиливается подпольная работа после зимних каникул 1915—16 учебного года. К этому времени относится создание нового Коалиционного Комитета. Этот Комитет пытается создать Областной Поволжский и Приуральский революционный центр в Казани, первым шагом которого мыслилось „об'явление всеобщей поволжской и приуральской забастовки"[2].

С этой целью тов. Ольженицкий вместе с двумя другими членами Коалиционного Комитета выехал летом 1916 г. в Уфу. Там он сумел завести связи с рабочими и приступил к организации социал-демократической группы. Ему удалось также установить связь с отдельными социал-демократами-большевиками Оренбурга и Самары. Прослеженный жандармами, выданный провокатором, Гирш Ольженицкий вместе с рабочим Семеновым, а также двумя членами Коалиционного Комитета эсерами Шнуровским и Рабиновичем был арестован и выслан из Уфы. Особым совещанием при Министерстве Внутренних дел было постановлено: „Подчинить их гласному надзору в избранном ими месте жительства за исключением столиц и Уфимской губернии". Место ссылки Ольженицкий вместе с товарищами (кроме т. Семе-

[1] Теперь чл. ВКП(б).

[2] И. Волков. „Из недавнего прошлого казанского студенчества". Сб. „На путях к высшей школе". Казань, 1927 г.

В. М. МОЛОТОВ (СКРЯБИН).
Нелегально проживал в 1916 г. в Морквашах близ Казани (снимок 1912 г. студентом технологом).

нова) избрал г. Чистополь, где они и прожили до первых известий о Февральской революции.

Есть сведения, что в этот период в Казани предполагалось образовать Областной Приуральский социал-демократический большевистский центр[1].

Зимой 1916 г. вовлекаются в Коалиционный Комитет революционные рабочие и в связи с этим К. К. переименовывается в „Рабочий Коалиционный Комитет". К сожалению, эта организация не могла развернуть своей работы, так как вставший во главе Рабочего Коалиционного Комитета председатель его, рабочий Чекунов, оказался провокатором и в течение нескольких месяцев развалил работу. Члены К. К.—представители студенчества, преданные им, были арестованы в конце января 1917 г. Вместе с ними был арестован большевик-

---

[1] Эта идея принадлежала старому большевику-ленинцу Виктору Тихомирнову, бывшему казанскому работнику. Последний, после ареста и высылки из Казани в 1909 г., пробыв около 2-х лет заграницей, вновь вернулся осенью 1911 г. на партийную работу в Россию. До 1913 г., т. е. до нового ареста и высылки, Виктор работал, главным образом, в издательстве „Правда" в Питере, являясь одним из ее корреспондентов (псевдоним „Терентьев") и экспедитором.

После второго ареста ему снова удалось выехать заграницу, где он и находился до октября 1914 г., проживая последнее время вместе с Лениным в местечке Закопанье, близ Кракова. Отсюда по поручению ЦК и т. Ленина он командируется на партийную работу в Россию. Этот переезд в разгар империалистической бойни был сопряжен с большими трудностями. В Россию он ехал окружным путем—через Италию, Балканы. В. И. Ленин сильно тревожился за его судьбу и в одном из своих писем передает дошедшие до него сведения о том, что пароход, на котором ехал Виктор, будто бы погиб.

По приезде в Россию В. Тихомирнов, по свидетельству его брата, Германа, работал в Питере над организацией заграничного транспорта и подпольной типографии для ЦК, перейдя в конце 1915 г. на легальное положение. После этого Виктор несколько раз приезжает в Казань, где пытается установить связь с местными большевиками. В кругах Коалиционного Комитета он был, по утверждению его сестры, Е. Тихомирновой, известен под фамилией Смирнова. Летом 1916 г. он прожил около месяца в Моркващах на даче вместе с В. М. Молотовым-Скрябиным, находившимся тогда на нелегальном положении. Он сильно помог большевикам-студентам разобраться в разногласиях по вопросу о войне, определившихся в связи с Циммервальдской конференцией, и сумел укрепить среди них ленинские взгляды на войну. Исключительное значение в этом отношении сыграли привезенные им несколько номеров газеты „Социал-Демократ" (женевское издание). Отдельные номера этой газеты, напечатанные на тонкой папиросной бумаге, нашли широкое распространение, обойдя почти все студенческие нелегальные кружки, и были там зачитаны до дыр. Таким образом, казанские большевики, благодаря Виктору Тихомирнову, получили свежую информацию о положении дел в партии.

глазовец т. Вифанский, являвшийся связующим звеном между Рабочим Коалиционным Комитетом и „С. П.“. При Коалиционном Комитете в конце 16 и начале 17 года было приступлено к организации политического Красного Креста. В него входили: двое рабочих—т. Александр — печатник, т. Петр—рабочий Алафузовской фабрики, представитель от студенческих кружков—Жилинский и один техник Округа путей сообщения старый эсер — Бурголышкинский. Красный Крест не успел как следует развернуть своей работы, наступили февральские дни 1917 года.

На 14 февраля 1917 г. по инициативе „С. П.“, оказавшегося вне пределов провокации, в университете была намечена сходка и предполагалось организовать демонстрацию, втянув в это движение и рабочих. Состоялась, однако, лишь студенческая сходка, на которой под руководством „С. П.“ удалось пред‘явить требования о прекращении арестов и освобождении арестованных перед этим студентов (членов Коалиционного Комитета). Сходка приняла решение в знак протеста об‘явить семидневную забастовку, которая и была довольно дружно проведена до 21 февраля.

Подводя итоги, следует сказать, что в Казани, как и в ряде других провинциальных городов, в годы войны оформленной большевистской организации не было. Однако, несомненно, отдельные большевики-рабочие, студенты-большевики, организованные в кружки, несмотря на трудности и жертвы, усиленную жандармскую слежку, провокации, драконовские законы военного времени, проделали большую работу в массах и с первых же дней Февральской революции быстро оформили Казанскую организацию с.-д.-большевиков.

7. Канун Февраля и Февральские дни в Казани.

В январе 1917 года Казанское Губернское Земское собрание отмечало, что „настоящее время общий ропот и недовольство грозит неисчислимыми бедствиями“[1].

Близость революции чувствуется и казанскими властями. Губернатор 14 января в своем отношении в Департамент Полиции писал: „Чуть не все слои населения открыто осуждают правительство. Рабочие, студенты и масса как-то подозрительно притихли. Все ушли в себя, что, по мнению общества, показатель затишья перед бурей. Все ждут лозунга „к оружью“, чтобы, как говорит молва, совершить великое дело“.

[1] „К.-В. Речь“ от 21 января 1917 г. № 17

Настроение войск также было тревожным и ненадежным. Большую роль в армии играла и пропаганда отдельных большевиков, находившихся в рядах армии, а также агитация возвращавшихся с фронта солдат, сеявших в тылу „смуту" своими правдивыми рассказами о положении дел на фронте.

В январе губернатор созвал совещание с присутствием всех исправников и полицеймейстера, на котором обсуждался вопрос о мерах борьбы с надвигающейся революцией.

Командующий войсками издает приказ об образовании особых рот исключительно из отборных людей, на случай подавления беспорядков. Офицеры ночевали в частях и были неотлучно в казармах. В Казанском гарнизоне происходят аресты, полиция хватает тех солдат, которые вели агитацию о неподчинении распоряжению властей и о всяческом содействии рабочим при возникновении беспорядков.

Сандецкий из ставки получает телеграмму, в которой начальник Штаба генерал Алексеев предложил ему обратить самое сугубое внимание на ограждение служащих железной дороги от проникновения в их среду революционной агитации. Властями делалось все для борьбы с надвигающейся революцией.

1 марта вечером Сандецкому из Питера поступила телеграмма о перевороте и тотчас же была сообщена всем губернаторам Казанского военного округа в таком виде: „По полученным сведениям политическое положение в Петрограде обострилось. В виду такого тревожного положения мною приказано иметь войска гарнизона округа в полной боевой готовности, при возникновении беспорядков занять и охранять все правительственные учреждения: банки, казначейства, водопроводно-электрические станции, оружейные магазины, винные склады, тюрьмы и т. д."[1].

Напряжение казанских рабочих к этому времени дошло до такой степени, что оно было готово вылиться в открытое выступление против царизма. „Низы" не хотели больше терпеть прежнего положения. „Верхи" не могли управлять, как раньше. Нужен был только толчок, чтобы назревший переворот совершился. Революция в Петербурге и стала таким толчком. Монархия, обезглавленная революционным Питером, на местах особенно уже не сопротивлялась.

Когда телеграф принес радостную весть, что „Николай кровавый под напором революционных масс, выступивших на улицу, свергнут

---

[1] Фонд канц. каз. губерн. Дело № 28, 1917 г.

с престола“, казанские рабочие, солдаты и революционная часть студенчества начали демонстрировать. На театральной площади демонстрантов по старой привычке разгоняли „крючки“ с нагайками, казаки с винтовками, участвовали в этом деле и школы прапорщиков и военное училище. Но на этот раз власти вели себя менее решительно, а демонстрирующая масса держалась наступательной тактики. Рассеянные в одном месте, они собирались в другом, оглашая тихие улицы Казани пением революционных песен. Понятно, что и Городская Дума и меньшевистская рабочая группа при КВПК осудили массовые стихийные первомартовские манифестации рабочих и солдат, признали их „совершенно неуместными и бесцельными в данный момент“.

Вслед за демонстрацией, 4 марта происходит восстание частей Казанского гарнизона. Это восстание дальше изгнания наиболее реакционных командиров не пошло (в некоторых случаях это сопровождалось избиением начальников, наиболее насоливших солдатской массе). Двинувшиеся же из слобод и пригородных казарм на город группы вооруженных солдат для ареста Сандецкого и некоторых других генералов были удержаны офицерами, главным образом, молодыми прапорщиками военного времени, которые, будучи более или менее „демократичными“ в обращении с солдатами, сумели поэтому овладеть движением.

Движение остановилось, и инициатива из рук поднявшейся солдатской массы была вырвана... День 4 марта закончился в гарнизоне избранием ротных комитетов.

Отсутствие достаточной партийной большевистской работы в гарнизоне перед Февралем, отсутствие большевистского ядра в гарнизоне в первые дни после переворота—все это лишало должного руководства солдатской массой в восстании 4 марта и позволило в первые дни и недели после переворота главенствовать в солдатской секции Совета Р. и С. Депутатов „демократическому“ прапору, быстро освоившему „модные“ эсеро-меньшевистские оборонческие цвета и лозунги. Отдельные большевики в гарнизоне (прап. Н. Я. Ежов) и сочувствовавшие им—насчитывались единицами. Понадобилось немало трудов и усилий большевистской организации в Казани для сплочения революционных сил в гарнизоне.

2 марта рабочая группа Казанского Военно-Промышленного Комитета обратилась к казанским рабочим с воззванием, призывающим к организации Совета Рабочих Депутатов. 2-го же марта рабочей группой напечатано и распространено воззвание к казанским рабочим, в котором она призывала к решительной поддержке Временного

Правительства. Одновременно с этим принимаются все меры к обеспечению меньшевистско-эсеровского состава Совета. Например, рабочая группа КВПК рассылает своих членов со специальными удостоверениями на право организации Совета, а администрации фабрик, заводов и воинских частей категорически запрещает пускать кого-либо без таких удостоверений.

В тот же день в 8 часов вечера городской голова Боронин в два адреса (председателю Государственной Думы Родзянко и члену Думы Годневу) за своей подписью отсылает следующего содержания телеграмму:

„Казанская Городская Дума, движимая сознанием своего долга перед родиной, сегодня единогласно постановила признать Временный Комитет Государственной Думы за законно существующую власть и приветствует Государственную Думу за ее решение спасти родину в отношении устройства власти на месте. Городская Дума единодушно постановила просить Временный Комитет об оставлении Казанским губернатором нынешнего губернатора Боярского, как человека за время свыше трехлетнего управления коего губернией в ней не было никаких осложнений и который во всем действовал в согласии со всеми общественными организациями, завоевал общее уважение последних и признает авторитет Временного Комитета“.

Февральская революция в Казани и в губернии, как и во всей России, не внесла заметных изменений в общественно-политическую и экономическую жизнь. Февральская революция пришла в Казань больше формально, на бумаге, изменив лишь вывеску.

Казанская буржуазия вместе с меньшевиками и эсерами официально торжествовала, славословила революцию, навешала на себя красные банты, цветные бумажки. Красивые слова о правде, воле и земле— вот все, чем кормили рабочего и крестьянина.

Все казанское буржуазно-чиновничье, полицейское, все контрреволюционное и соглашательское вошло в органы „новой власти“ и по „старой доброй памяти“ вершило дела управления, изредка, в целях как бы „очищения совести“, ругая царя Николая.

Крайняя слабость большевистских сил в Казани в эти дни позволила возглавить Совет Рабочих Депутатов меньшевикам-оборонцам (В.Н. Иванов, Ю. Денике, В.Н. Нелидов, Шергов и др.), и председателем Рабочей секции Совета Раб. и Солдатских Депутатов удалось заделаться никому иному, как провокатору Чекунову, председателю рабочей группы Военно-Промышленного Комитета.

Вся работа казанской рабочей и еще более солдатской секции в первое время проводилась во имя скорейшего „умиротворения страны“, прекращения гражданской войны и установления „революционного порядка“.

Казанские большевики-кружковцы в университете сейчас же организовали Социалистический Комитет. Иван Волков, студент из большевистского подполья, был одним из видных руководителей этого Комитета.

Социалистический Комитет, как революционный центр, был местом стечения рабочих и солдат г. Казани. Университет был местом беспрерывных митингов.

Казанские большевики принимают самое активное участие в создании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Они устремляются на фабрики и заводы и ведут там борьбу с меньшевиками и эсерами за массы. Кружок „глазовцев“ все свои силы сосредоточил на Пороховом заводе. „Наша партия,—писал Ленин о роли ее в Февральские дни,—оказалась с массами, с революционным пролетариатом, несмотря на арест и высылку“ [1].

Одновременно с Советом поспешно строятся профессиональные союзы, фабзавкомы... Профессиональные союзы оформлялись, как массовые организации, вовлекая в свой состав огромное большинство занятых на производстве рабочих.

Поскольку президиум Совета состоял в преобладающем количестве из представителей соглашательских партий, он не удовлетворял запросов и растущих требований революционных масс. Тем более, что под крылышками его прятались контрреволюционеры. Процесс революционизирования и создания революционных рабочих организаций пошел в рядах казанского пролетариата после Февраля чрезвычайно быстро. Затяжка войны империалистическим Временным Правительством, разраставшаяся разруха и надвигавшийся голод, продолжение великодержавной политики царизма, наглые попытки буржуазии и соглашателей загнать рабочего после февральской „весны“ опять под тяжкое ярмо „работы на оборону“ во имя прибылей „союзнической“ и российской буржуазии,—все это революционизировало массы казанского пролетариата и превращало их в боевые кадры Октябрьской революции.

---

[1] Ленин, т. XX, 3-е изд., стр. 25.

II. ОТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ.

1. Восстановление большевистской организации.

Октябрь и его подготовка в Казани проходят под непосредственным руководством Казанской большевистской организации, развившей уже с момента своего восстановления энергичную и большую работу. Восстановление большевистской организации, разгромленной в годы реакции, относится к концу марта 1917 года. Лишь очень непродолжительное время по выходе большевиков после Февральской революции из подполья приходится на организационно неоформленное существование, когда большевики продолжали еще оставаться разбросанными по различным кружкам, преимущественно студенческим. Из этих кружков, пожалуй, один только кружок „глазовцев“[1], возглавляемый Иваном Волковым, особо выделяется своим почти исключительно большевистским составом и революционной активностью. Более или менее компактные большевистские группы, правда, незначительные по количеству, были на заводах Пороховом (7—8 чел.), Алафузовском (4—5 чел.) и фабр. Шабанова (5—6 чел.). На других предприятиях большевики были представлены единицами.

Это организационно неоформленное существование большевиков было особенно опасно потому, что такое состояние меньшевики всячески пытались использовать в целях создания об'единенной организации с тем, чтобы лишить большевиков организационной самостоятельности и заполучить в свои руки монополию руководства[2].

---

[1] См. о кружке „глазовцев“, стр. 34

[2] Один из участников того периода И. Мохов, впоследствии отошедший от нашей партии, проводит даже ту мысль, что в Казани сложилась на некоторое время об'единенная организация, существовавшая, правда, в значительной степени формально. Но большинством участников того же периода эта точка зрения решительно отвергается. Ив. Мохов (Лидин) подошел суб'ективно к освещению истории, выдав свои об'единительные стремления за факт как бы состоявшегося об'единения. Мохов отнюдь не является единственным представителем этой ошибочной постановки вопроса.

Особенно старательно в направлении создания об'единенной организации действовали меньшевистские заправилы Юрий Денике[1] и доктор Шергов.

Даже после того, как уже оформилась большевистская организация, со стороны меньшевиков не один раз раздавался голос за об'единение. Меньшевистская „Казанская Рабочая Газета" упорно пропагандировала идею „единой партии", преподнося ее, как самую желанную и необходимую, в целях „общих стремлений" и „общей борьбы", и всячески поносила казанских большевиков за их нежелание об'единиться. Так, в первомайской статье „Единая партия" меньшевики писали:

„К сожалению, есть и непримиримые, которые не хотят об'единения партии. К сожалению, именно у нас в Казани громко раздаются (в газете „Рабочий") голоса против об'единения. Там говорят об об'единительном угаре. Там печатаются статьи В. Ленина, призывающего не об'единяться, а „размежеваться", решительно и бесповоротно порвать с товарищами, которые играют большую руководящую роль в Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов".

Казанские большевики в основной своей массе, за исключением очень незначительной части, не были настроены об'единенчески и с приездом в середине марта представителя ЦК РСДРП(б) Виктора Тихомирнова они решительно становятся на путь создания своей самостоятельной организации. Заслуга быстрого собирания большевиков в самостоятельную большевистскую организацию принадлежит т.Виктору Тихомирнову, который по приезде в Казань развернул в этом направлении энергичную работу.

По его инициативе, с целью быстрейшей организации большевиков, сначала происходит ряд совещаний отдельных групп большевиков. Значение этих совещаний, как подготовительных шагов к созданию большевистской организации, очень велико. На одном из таких совещаний группы большевиков в 12 чел., состоявшемся на квартире самого т. Тихомирнова, было принято постановление: „Безусловно уклониться от об'единения с меньшевиками, организовать большевистский Комитет и немедленно приступить к изданию своего органа"[2].

На другом аналогичном совещании было известно, что меньшевики собираются провести 24 марта (6 апреля) общее собрание социал-

---

[1] Юрий Денике бежал в Германию и под именем Георга Деккера выступает как довольно крупная фигура в социал-фашистском движении.

[2] Лидин. Дневник Казанской организации РСДРП („Пути Революции" № 1).

В. А. ТИХОМИРНОВ.
Старый казанский партийный работник. Представитель ЦК и руководитель казанской организации в 1917 г. со дня ее восстановления до июльских дней. Впоследствии работал в центре. Умер в 1919 г.

демократов с целью создания об'единенной организации. Поэтому большевики принимают на совещании такой план: „во что бы то ни стало выступить на собрании с докладом о большевистском понимании революции и об оформлении после подпо ья самостоятельной большевистской организации“[1].

В назначенный день (24 марта) меньшевиками действительно было созвано в помещении нынешнего клуба совработников на Рыбнорядской улице собрание казанских социал-демократов. На собрании присутствовало до 60-70 человек. В числе большевиков, участников собрания, были: Бисярин, Рудов, Бочков, Калинин, Староверов, Вихорев, Шеваров—рабочие разных предприятий, В. Тихомирнов, В. Вегер, С. Брауде, Моховы Иван и Степан и группа кружковцев-студентов. В числе меньшевиков: Рясенцев, д-р Шергов, Денике, Иванов, Нелидов и др. Уже с самого начала собрания началась борьба между большевиками и меньшевиками из-за вопроса: ставить или не ставить на обсуждение доклад В. А. Тихомирнова о позиции ЦК, занятой им в связи с текущим моментом. Доклад этот был предложен т. Тихомирновым, как совершенно необходимый. Меньшевики и, прежде всего, меньшевистский президиум собрания: Шергов, Ю. Денике, Рясенцев, В. Иванов в предчувствии „недоброго“ решительно запротестовали против постановки доклада в порядок дня собрания. Большевики настаивали на постановке доклада. В конце-концов решено было доклад все же заслушать. Однако, самое слушание доклада проходило в весьма напряженной обстановке. Тов. С. Пионтковский так изображает эту обстановку: „Ему (Тихомирнову) там не давали говорить, кричали, обстановка была очень серьезная“. Дальнейшая борьба происходила уже по заслушивании доклада в процессе долгих прений, обнаруживших полное расхождение между большевиками и меньшевиками по всем основным вопросам, затронутым в докладе. Итог собрания выражен большевистской газетой „Рабочий“ в первом же своем номере, вышедшем 31 марта (13 апреля), в следующих словах: „После доклада тов. представителя (Тихомирнова) и после последовавших затем прений, местной группе товарищей-большевиков и меньшевиков-партийцев выяснилась полная невозможность существования в одной организации с ликвидаторскими элементами[1], и они уполномочили тов. представителя ЦК заявить собранию, что в Казани образуется

---

[1] Воспоминания тов. Брауде С., который указывает, что это собрание группы большевиков в 8-10 чел. состоялось в ресторане-гостинице Кузнецова на Рыбнорядской улице.

самостоятельная организация, стоящая на позиции ЦК и всецело признающая его авторитет".

Таким образом, предательская роль меньшевиков, как агентуры буржуазии в рядах рабочего класса, была осознана местными большевиками очень быстро и также быстро большевики встали на единственно правильный путь—создания своей самостоятельной большевистской организации.

Что касается меньшевиков-партийцев, или что то же—меньшевиков-интернационалистов, которые одновременно с большевиками заявили о невозможности существовать в одной организации с ликвидаторскими элементами, то они ограничились только этим красивым жестом, на деле продолжая существовать внутри меньшевистской организации, как ее левая часть.

После собрания 24 марта (6 апреля) большевики со всей энергией принимаются за оформление своей организации. Непосредственно после собрания была проведена регистрация в члены организации и в этот же день совещанием группы большевиков (В. Тихомирнов, Олькеницкий, Ив. Волков, А. Бочков, С. Брауде и В. Вегер) было решено созвать организационное собрание 26 марта (8 апреля.) В назначенный день в университетской аудитории № 10 и происходит это первое организационное собрание большевиков Казани. На этом собрании, где присутствовало 70 чел., после доклада т. Тихомирнова о причинах, вызвавших необходимость создания самостоятельной большевистской организации, был избран партийный Комитет в составе 16 чел., куда вошли: В. Тихомирнов, Олькеницкий, С. Брауде, Ив. Мохов, С. Мохов, Е. Тихомирнова, А. Машкин, К. Машкин, Бисярин, Комлев Абрам, Вихорев и др.

Собрание единогласно постановило послать приветствие газете „Правда".

Представитель ЦК т. Тихомирнов, отныне член Казанского Комитета РСДРП (б), был и его руководителем вплоть до от'езда из Казани в начале июля.

Избранный партийный Комитет немедленно приступил к развертыванию работы. На первом же его заседании, 28 марта (10 апреля), принимается решение об издании газеты „Рабочий", названной так в честь издававшейся в Казани в 1905-06 гг. нелегальной больше-

---

[1] Под ликвидаторскими элементами здесь разумеются меньшевики-оборонцы, термин „ликвидаторы" применяется здесь по старой памяти эпохи реакции.

вистской газеты. В состав редакции вошли: В. Тихомирнов, Иван и Степан Моховы. Первый номер газеты „Рабочий“, сыгравшей исключительно большую роль в распространении идей большевизма и мобилизации масс вокруг партийной организации, вышел, как уже указывалось, 31 марта. Секретарем Комитета был выбран С. М. Брауде, которого вскоре сменил т. Гирш Олькеницкий, игравший на ряду с т. Тихомирновым очень крупную роль в жизни партийной организации. После от'езда т. Тихомирнова, он стал во главе организации.

В начале апреля на заседании Комитета были намечены к организации партийные районы и назначены ответственные районные организаторы: в Пороховской и Алафузовский—Гудков, Вихорев, Гладилов, в Городской—А. Бочков, в Суконный—Бисярин, в Плетеневский—Шеваров, в Железнодорожный—Северов.

На общем собрании большевиков, 6/19 апреля, партийный комитет уже докладывает, что партийные организации налажены в Пороховском, Алафузовском, Плетеневском и Городском районах и налаживается в Суконном. Таким образом, к 6 апреля во всех рабочих районах имелись уже районные партийные организации, и большевики получали возможность вести организованную и планомерную борьбу за влияние на массы, за мобилизацию их вокруг своей политической линии.

На этом же собрании было доложено о том, что налаживается военная организация.

В уездах большевики в этот период насчитывались единицами. Только в Чистопольском уезде имелась более или менее компактная большевистская группа, связанная с Казанским партийным Комитетом. Руководителями этой группы, вскоре оформившейся в организацию, были старые большевики: Гуськов, Г. Корнилов и Барышев. Из других уездов, где имелись большевики, проводившие работу, нам известны: Спасский (Гордеев), Мамадышский (Давыдов и Бусыров), Елабужский (С. Н. Гассар и Карпов Л.), Козьмодемьянский (Красильников).

Если судить о росте организации по численности присутствовавших на собраниях, состоявшихся 26 марта (8 апреля) и 6/19 апреля, то она за каких-нибудь 10 дней возросла с 70 до 160—180 человек. Несколько позднее, ко времени Всероссийской апрельской конференции РСДРП(б) организация насчитывает уже 400 чел., возросши в 5-6 раз по сравнению с своим первоначальным составом. Численный рост организаций происходит одновременно с ростом числа партийных ячеек на предприятиях. При крупных предприятиях—Пороховом

заводе, Алафузовском и др.—партийные ячейки имелись уже к моменту создания районных партийных комитетов.

В общем составе партийной организации большевики-татары представляли в этот период сравнительно небольшую прослойку.

2. Развитие и оформление политической линии организации.

В развитии и оформлении политической линии партийной организации более или менее резко вырисовываются два периода: первый—до Всероссийской апрельской конференции РСДРП(б) и второй—после этой конференции. Первый период в общем виде характеризуется тем, что в организации отсутствует еще до конца оформленная политическая платформа, которая бы исходила из факта законченности буржуазно-демократической революции. Второй период-тем, что решения Всероссийской апрельской конференции, определившие вслед за апрельскими тезисами В. И. Ленина конкретные шаги в направлении перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, организацией усваиваются и проводятся в жизнь.

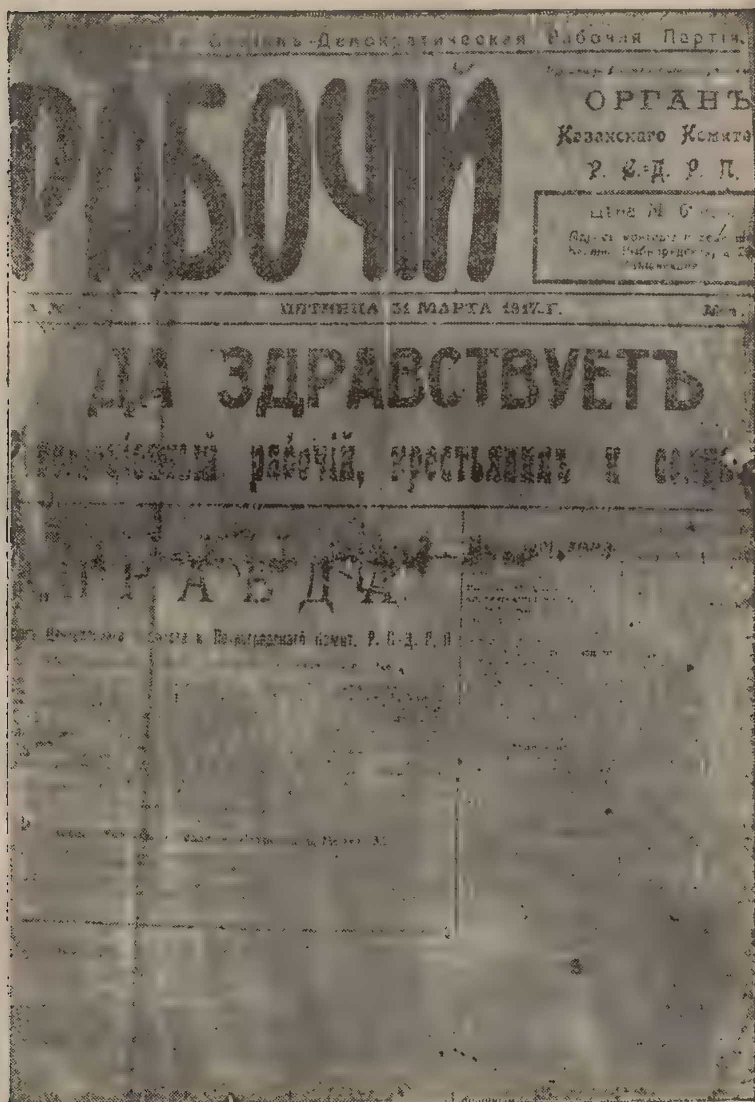
Политическая линия организации первого периода была впервые в развернутом виде сформулирована в статье „Наша программа", помещенной 31 марта в № 1 „Рабочего".

В статье мы читаем:

„Наша программа—программа Российской социал-демократической рабочей партии.

Наша линия, наша тактика—тактика революционного пролетариата, тактика его международного авангарда, тактика международной революционной социал-демократии. Резко отмежевываясь от всяких оппортунистических элементов в рабочем движении, от всякого „ликвидаторства", „оборончества", псевдомарксизма и т. п.—этих сознательных и бессознательных проводников буржуазного влияния на пролетариат, этих открытых и прикрытых социал-шовинистов, работающих на буржуазию, наша газета „Рабочий"—орган казанских сознательных рабочих, будет стоять на-страже классовых интересов пролетариата.

Зовя рабочий класс к организации, к сплочению, к борьбе за лучшую долю, „Рабочий" будет сеять семя классового сознания, будет строить рабочие ряды под революционным знаменем Российской социал-демократической рабочей партии, готовя их к решительной битве за социализм".



Демократическая Рабочая Партія

РАБОЧІЙ

ОРГАНЪ
Казанскаго Комит
Р. С.-Д. Р. П.

ПЯТНИЦА 31 МАРТА 1917 Г.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ

рабочій, крестьянинъ и

„РАБОЧИЙ"—орган Казанского Комитета большевиков. Вышло 39 №№. 9 августа 1917 г. закрыта по распоряжению Временного правительства.

Здесь партийная организация еще раз подтвердила свою принципиальную непримиримость к мелко-буржуазным партиям и во всей своей практической деятельности строго придерживалась линии, вытекающей именно из этого взгляда на мелко-буржуазные партии, как на „проводников буржуазного влияния на пролетариат", как на „откровенных и прикровенных социал-шовинистов, работающих на буржуазию".

Позиция по отношению к войне и Временному Правительству выражена в этой же статье в следующих словах:

„Наше отношение к войне и теперь, когда у власти стоит буржуазное, контрреволюционное правительство, остается прежним. Мы вместе с Советом Солдатских Депутатов на фронте требуем теперь же приступить к мирным переговорам между всеми воюющими державами и в то же время будем воздействовать на сознание народных масс, с целью прекращения войны, как выгодной буржуазному классу и подтачивающей силу народа.

По отношению к Временному Правительству мы будем разоблачать его империалистический, враждебный рабочему классу характер.

Буржуазные классы, из представителей которых состоит Временное Правительство, раскланиваясь на словах перед новыми партиями и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, на деле ведут сознательную политику дискредитирования их в глазах широких народных масс".

Империалистический характер войны, которую продолжало вести Временное Правительство, и буржуазно-классовый характер этого правительства подчеркнуты со всей силой.

Казанская организация большевиков в отношении войны с самого начала держалась революционной тактики, будучи чуждой „революционному оборончеству", угаром которого были охвачены все мелкобуржуазные организации, а через них и довольно широкие слои трудящихся.

Были отдельные элементы и в большевистской организации, зараженные оборончеством. Так, например, один из видных большевиков, того периода, тов. Комлев (впоследствии расстрелянный чехо-словаками), на собрании Совета Крестьянских Депутатов 15/28 мая произнес речь явно оборонческого характера. Он, читаем мы в протокольной записи, „признает, что твердые цены и нормы необходимы для того, чтобы дать армии возможность получить хлеб, снаряды и тем самым скорее кончить войну". Или же на страницах „Рабочего" в № 3 была помещена статья К. Машкина „8-часовой рабочий день и армия",

где в защиту 8-часового рабочего дня выдвигается аргумент также явно оборонческого характера, а именно: „оборона нашей родины не пострадает (от введения 8-часового рабочего дня—Ред.), а скорее выиграет. Пострадают лишь интересы капиталистов". Но такие единичные настроения не могли определять политической линии всей организации в этом вопросе, которая, как мы видели, была интернационально выдержанной.

В статье „Наша программа", кроме постановки вопросов о Временном Правительстве, войне и мелко-буржуазных партиях была провозглашена также борьба за 8-часовой рабочий день и конфискацию помещичьих, удельных, кабинетских и монастырских земель.

Отмечая положительное в политической линии организации, необходимо вместе с тем отметить и ее недостатки.

Главным недостатком было провозглашение в статье „Наша программа" старого лозунга демократической республики и отсутствие оценки Советов, как революционных органов власти.

В статье этой мы читаем:

„И теперь, волею и мощью революционного пролетариата и крестьянства, одетого и неодетого в солдатскую шинель, свергнувшего проклятый гнилой царизм, наша партия с честью выходит на открытую арену политической борьбы. В ее руках старое испытанное боевое знамя с теми же лозунгами:

Демократическая республика.

8-часовой рабочий день.

Конфискация помещичьих, удельных, кабинетских и монастырских земель".

Итак, те же „три кита", которые лежали в основе программы-минимум.

Вопросы о законченности буржуазно-демократической революции и ее перерастании в социалистическую, о переходе власти в руки Советов еще не стоят, они еще не были ясны организации.

Сложность обстановки, в которой приходилось действовать и намечать свою политическую линию нашей партии, неоформленность этой линии до появления апрельских тезисов т. Ленина, не могли не сказываться и на политической линии Казанской организации, как одного из отрядов партии.

О положении во всей партии в этот период т. Сталин писал:

„Немудрено, что большевики, разбросанные царизмом по тюрьмам и ссылкам и теперь только получившие возможность с'ехаться с разных концов России для выработки новой платформы, не могли в один

присест разобраться в новом положении. Немудрено, что в поисках новой ориентировки останавливались тогда на полдороге в вопросах о мире и власти Советов. Понадобились знаменитые апрельские тезисы для того, чтобы партия смогла одним взмахом выйти на новую дорогу".

Возвращение Ленина из эмиграции было встречено в Казанской организации с большим воодушевлением. Его приезду посвящаются специальные статьи в „Рабочем". В одной из них большевики Казани пишут:

„После долгого и вынужденного пребывания заграницей тов. Ленин возвратился в Россию. Мы горячо приветствуем нашего идейного вождя. В годину всеобщего ренегатства и бегства руководителей движения (например, Плеханов в России) из-под знамени международной солидарности рабочих под шовинистическое знамя буржуазии тов. Ленин твердо отстаивал наш старый, славный лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь".

Приезд тов. Ленина внес также значительное оживление в работу организации. Однако, апрельские тезисы тов. Ленина не были сразу усвоены Казанской организацией. Проводя подготовку к Всероссийской апрельской конференции и обсудив тезисы тов. Ленина, партийный Комитет принял постановление, которое в формулировке редакции газеты „Рабочий" выглядит следующим образом: „Перед посылкой делегатов на общепартийную конференцию в Петроград Казанский Комитет обсуждал предварительно ряд вопросов. По отношению к тезисам тов. Ленина („Рабочий" № 7) постановлено оставаться на платформе Центрального Комитета (см. ст. Каменева „Наши разногласия" и „Резолюции БЦК РСДРП" в № 6 газ. „Рабочий").

Ниже помещаем критику тезисов тов. Ленина со стороны т. Каменева".

В такой формулировке постановления платформа ЦК и позиция Каменева отождествлялись. Очевидно, организация в этот период не разобралась еще в действительном существе разногласий. Такое непонимание нашло свое отражение и в том, что одним из делегатов на Всероссийскую апрельскую конференцию РСДРП(б) был послан тов. Комлев, отражавший, как мы уже отметили, право-оппортунистические колебания. Другим делегатом на конференцию был избран Иван Волков, один из выдержанных, стойких руководителей Казанской парторганизации в 1917-1918 г.г.

Таким образом, даже непосредственно перед Всероссийской апрельской конференцией было довольно много неясного во взглядах большевиков Казанской организации. С одной стороны, организацией,

безусловно, не усвоены апрельские тезисы тов. Ленина, а с другой, не понято различие в позициях Каменева и Бюро ЦК РСДРП(б).

Как известно, резолюции Бюро ЦК об отношении к Временному Правительству и о войне, с которыми солидаризировалась организация и которые были отождествлены с позицией Каменева, не одно и то же и что эти резолюции по своему содержанию значительно отличались от каменевских статей. „Хотя в них (в резолюциях—Ред.) и оставался лозунг решительного контроля над всеми действиями Временного Правительства, но наряду с этим Советы об'являлись зачатками революционной власти, готовыми в определенный момент развития революции осуществить полноту власти пролетариата в союзе с революционной демократией“ [1].

Однако, несмотря на то, что организацией еще не были усвоены апрельские тезисы и во взглядах членов организации было много неясного, действительная линия Казанской организации большевиков, как это можно было видеть выше при анализе статьи „Наша программа“, ничего общего с каменевской линией не имела.

В вопросе об отношении к мелко-буржуазным элементам, изменившим социализму, организация, отмежевавшись от них, повела против них борьбу, в то время как Каменев, исходя из положения о незаконченности буржуазно-демократической революции, считал раскол с мелкобуржуазными элементами недопустимым.

В вопросе об отношении к войне организация держалась строго революционной тактики, об'явив войну, продолжавшуюся Временным Правительством, империалистической и призывая и мобилизуя рабочие массы на быстрейшее прекращение этой войны, в то время как Каменев высказывался в духе оборончества.

По отношению к Временному Правительству организация держалась линии разоблачения его империалистического, враждебного рабочему классу, характера, тогда как Каменев держался линии поддержки Временного Правительства.

По вопросу о Советах мы даже в первый период встречаем в организации отдельные высказывания, которые с каменевской линией также ничего общего не имеют. Тов. Тихомирнов в докладе по текущему моменту на собрании 6/19 апреля отмечал, как указывается в отчете о собрании, помещенном в „Рабочем“, что „задачей партии является организация и об'единение революционных сил вокруг Советов Рабо-

[1] Бубнов. ВКП(б), стр. 612, изд. 1931 г.

ГИРШ ОЛЬКЕНИЦКИЙ.

Старый большевик. Бессменный секретарь казанской организации в 1917-18 г.г. Руководитель революционно-следственной комиссии Совета РС и КД. Убит в 1918 г.

чих и Солдатских Депутатов с тем, чтобы в случае контрреволюционных попыток со стороны Временного Правительства последние смогли взять власть в свои руки".

Но если организация не разделяла каменевской линии, то она и не имела еще вполне выраженного ленинского лица. Как до апрельских тезисов т. Ленина, так и некоторое время после них, а именно до Всероссийской апрельской конференции, непонятными для организации оставались основные вопросы: о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и о переходе власти в руки Советов. Организацией не было еще усвоено то, что Лениным называлось своеобразием текущего момента, состоящим „в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной подготовленности и организованности пролетариата,—ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства"[1].

Все эти вопросы были усвоены организацией лишь после Всероссийской апрельской конференции. Именно, с момента этой конференции политическая линия организации отшлифовывается окончательно. То, что было непонятным до конференции, теперь представляется со всей ясностью. В постановлениях Казанской общегородской конференции, состоявшейся 21 мая (3 июня), на которой был заслушан доклад о Всероссийской апрельской конференции РСДРП(б), мы уже читаем:

„Из экономического и политического тупика, в котором благодаря войне находится сейчас Россия, может вывести только переход всей власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и решительный отказ этих последних от политики „соглашательства" с буржуазией.

Все развитие русской революции идет в направлении такого перехода власти в руки Советов"[2].

Так происходил идейный большевистский рост—оформление политической линии Казанской большевистской организации.

Под лозунгом „Вся власть Советам" идет теперь партийная организация, мобилизуя широкие массы рабочих и трудящихся на борьбу за превращение Советов в органы власти, возглавляя эту борьбу и направляя свои удары против социал-соглашателей эсеров и меньшевиков с тем, чтобы разоблачить их предательскую сущность и изолировать от масс.

---

[1] Ленин, том XX, стр. 88 (изд. 3).

[2] „Рабочий" № 21.

Чутко и по-большевистски реагирует она на все важнейшие политические события в стране, освещая их перед трудящимися через свою печать, многочисленные митинги и собрания. И в своей работе партийная организация одерживает успех за успехом, подготовляя условия для победоносного исхода Октябрьских боев в Казани.

3. Травля большевиков и газеты „Рабочий".

Свою работу партийной организации приходилось проводить в обстановке жесточайшей травли, которую казанская буржуазия развернула при помощи своих агентов-меньшевиков и эсеров. Приезд тов. Ленина через Германию вызвал усиление травли и в Казани, распространение гнусной клеветы о большевиках, как „о немецких шпионах", „провокаторах" и т. п. Эта клевета, по мере развертывания большевиками работы, принимала все более широкие размеры, сопровождаясь зачастую прямо озверелыми выходками со стороны черносотенцев.

Дело доходило до того, что казанская черносотенная публика избивала и всячески запугивала мальчиков-продавцов большевистской газеты „Рабочий", брала у них газеты и разрывала в клочья, боясь, чтобы большевистское слово не проникло в массы. Запугивание дошло до того, что газета „Рабочий" должна была специально обратиться с просьбой к членам партии присылать своих детей, чтобы распространять первомайский номер газеты.

Буржуазия пускала в ход всяческие средства. Она отказывалась продавать для большевистской газеты бумагу или заламывала такие цены, что газета „Рабочий", существовавшая на скудные средства рабочих, не могла ее приобрести и с № 17 вынуждена была выходить на оберточной бумаге, в то время, как все другие газеты продолжали выходить на белой, а меньшевистская, в частности, получала большие суммы денег от Комитета Общественной Безопасности. Буржуазия изо всех сил старалась изобразить большевиков провокаторами, особенно, когда обнаружилось, что первый председатель Казанского Совета Рабочих Депутатов—Чекунов, выдававший себя за большевика,—провокатор. Сынки буржуазии срывали со стен ненавистные большевистские воззвания. Перунов, сын полковника, систематически, на протяжении нескольких дней, срывал письмо т. Ленина к делегатам Всероссийского крестьянского с'езда. Большевики, развернувшие большую работу на организуемых ими митингах, часто аре-

стовывались. Так, 25 мая, после солдатского митинга на Черном озере, был арестован большевик Кудрин. Сам Кудрин, после освобождения, в ответ на арест поместил небольшую статейку в „Рабочем" под названием „К работе контрреволюционных сил в Казани," в которой писал: „В четверг вечером, 25 мая (7 июня), на Черном озере был солдатский митинг большевиков. Когда митинг кончился и выступавшие ораторы разошлись, после этого образовались небольшие группы, в которых обсуждались разные вопросы. К одной из таких групп подошел я и вступил в этот спор. Вопрос коснулся относительно войны и Временного Правительства, я отвечал. Когда я вышел с Черного озера, меня остановила кучка людей, раздались черносотенные, провоцирующие, глупые до смешного выкрики: „провокатор", „ему надо царя и старый режим", и меня повели в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Я бы не советовал казанским буржуям прибегать к таким некрасивым приемам: натравлять толпу на большевиков, как на монархистов, это все равно будет бесполезно".

Несколькими днями позднее, в Николаевском саду под крики „бей большевиков", „топи в Кабане" был арестован т. Тихонравов.

Травля большевиков захватывала и провинцию. Особенно ярко это проявилось в Чистополе, где буржуазия и меньшевики добивались от Совета постановления об аресте местного большевика Бажанова и о выселении всех большевиков из города с выдачей им волчьих билетов, а большевику Сормовской организации, приехавшему в Чистополь, А. Ловцову, было предложено немедленно покинуть Чистополь".[1].

Совершенно открыто поддерживая травлю большевиков, меньшевики в статье „Казанские большевики" разразились таким злопыхательством, которое по своей гнусности, как писал в свое время т. Тихомирнов, обогнало даже кадетскую „Камско-Волжскую Речь", тоже поместившую заметку о большевиках. Меньшевики, в свойственном им по отношению к большевикам тоне, заявили следующее:

„На Черном озере был большевистский митинг, на котором ораторы поносили Церетелли и Скобелева, как продавшихся буржуазии, обвиняли Керенского в том, что он вводит для солдат расстрелы и повешение, призывали послать приветствие Кронштадскому Совету и т. д. Откровенно говоря, мысль о том, что здесь работают провокаторы, ведущие погромную агитацию, являлась довольно естественной"[2].

---

[1] Корреспонденции из Чистополя, помещенные в №№ 23 и 27 „Рабочего". Положение отдельных большевиков в этот период в других уездах было не лучше.

[2] „Казанская Рабочая Газета" № 39 от 28/V 1917 г.

Итак, большевики, говорившие рабочим и солдатам правду о Церетелли, Скобелеве, Керенском и т. д., именно поэтому оказались „провокаторами“.

Единым фронтом с меньшевиками с неменьшей злобой выступали и казанские правые эсеры.

Большевистской организации приходилось, с целью выявления истинной подоплеки этой травли, проводить большую агитационную и пропагандистскую работу. В частности, на страницах „Рабочего“ помещается ряд статей: „Чего хочет Ленин“, „Биография Ленина“ и т. д. Разоблачение грязной травли происходит систематически в процессе всей работы большевиков.

И как ни старались меньшевики и эсеры, маневр их не удался, рабочие и трудящиеся очень быстро раскусили его подлинную сущность.

4. Руководство большевиков нарастающей борьбой рабочих с предпринимателями.

Материальное положение рабочих, в связи с продолжением Временным Правительством империалистической войны, вносившей все большую разруху в народное хозяйство, ухудшается с катастрофической быстротой. Безудержный рост дороговизны и спекуляции, прежде всего и больше всего, бил по рабочим. О том, каково было материальное положенне рабочих, говорят хотя бы следующие данные: если заработная плата казанского рабочего к 1917 г. повысилась за годы войны в среднем на 81%, то цены на основные продукты питания за этот же период возрасли на 350—600%. Положение рабочих-татар было еще хуже. Как мы уже выше говорили, они, используясь преимущественно на подсобной работе, испытывали и более тяжелый экономический гнет.

Сильное снижение жизненного уровня рабочих Казани дополнялось еще сплошь и рядом прямо чудовищными условиями работы. Для примера возьмем корреспонденцию с описанием условий работы на фабрике Сафронова с С-ми. „Тяжела, товарищи, жизнь и работа валенщиков . . . Валяние производится в мастерских, схожих с собачьими конурами, мастерская наполнена паром так, что трудно рассмотреть друг друга, даже зимой помещение нагревается только топкой котла с водой. Дело доходит до того, что сырая обувь замерзает на ногах, а работают почти голыми, так как сырые рубашки быстро изнашиваются и стесняют движение рук, с потолка капает

Дом, в котором помещался Казанский комитет РСДРП(б) в период март—июль 1917 г. (Кооперативная ул. (б. Рыбнорядская) д. 29.

вода на голую спину, сыро, грязно, душно и темно при слабом керосиновом освещении. Грубая шерсть царапает кожу, царапины раз'едаются купоросным маслом и водой, на руках кровь, а работа требует, кроме того, еще и физической силы"[1].

Неизбежным следствием невыносимых условий работы и жизни рабочих является нарастание изо дня в день борьбы рабочих с предпринимателями, несмотря на то, что меньшевики и с.-р. всячески старались сдерживать стихийный напор масс, обуздать разбуженное революцией рабочее движение и направить его по линии соглашения с буржуазией.

Непосредственно после Февральского переворота рабочие массы прежде всего со всей силой обрушиваются на наиболее ненавистных им лиц из администрации, категорически требуя от владельцев предприятий их удаления и зачастую сопровождая это требование вывозом некоторых из администраторов на тачке за ворота фабрики, а иногда и прямым избиением.

В наиболее яркой форме эти конфликты происходят на Пороховом, Алафузовском (в последнем был избит заведующий кудельным складом Шешнев), Крестовниковском заводах и на фабриках Шабанова и „Поляр". Вот как описывал конфликт, происшедший 6/19 апреля в обмундировальной мастерской Шабанова, фабричный инспектор II участка: „При разрешении второго вопроса—об увольнении со службы приказчика Ермолаева—стороны (то-есть представители рабочих и хозяин—Ред.) не могли сговориться, ибо требование это В. Г. Шабанов немедленно удовлетворить отказался. Результатом этого последнего обстоятельства было то, что все рабочие указанной мастерской и соседних, в количестве свыше 1.000. чел., выйдя на двор, вытащили из мастерской Ермолаева сначала на двор, потом на улицу. Одновременно с этим были попытки, однако, остановленные самими же рабочими, разгромить всю контору, очень сильно запугавшие служащих, которые в страхе бежали. Все выше описанное вместе с собраниями рабочих отняло у них очень много времени, так что работы в этот день почти не производились. Во время посещения моего мастерской В. Г. Шабанова было изготовлено об'явление о временном закрытии шароварной закройной мастерской (60 рабочих) до того времени, когда будет найдено подходящее лицо, могущее заменить Ермолаева".

---

[1] „Рабочий" № 24 от 29/VI 1917 г.

Или вот еще одно описание конфликта на фабрике „Поляр“: „С хозяевами у рабочих и фабкома происходили постоянные стычки. Однажды рабочие вытащили из конторы директора фабрики Ромпе и за скверное обращение с рабочими хотели вывезти на тачке, но Ромпе удрал и больше на фабрике не показывался“ [1].

Очень часто имели место случаи неповиновения рабочих старшим рабочим и мастерам. Настроение рабочих, по словам другого фабричного инспектора, становилось все более и более нервно-возбужденным и „надо было быть всегда готовым во всякий момент ожидать каких-нибудь эксцессов по отношению к заведующим со стороны наиболее неуравновешенных и менее сознательных рабочих“. Эта характеристика настроения рабочих агентом буржуазии нуждается лишь в одном существенном исправлении, а именно: подымались на борьбу против буржуазии (то, что инспектор называет „эксцессами“) не только отдельные прослойки „менее сознательных рабочих“, как их определяет инспектор, а широкие слои, или поголовно все рабочие.

Многочисленные конфликты рабочих с предпринимателями происходят не только на почве требования удаления администрации. Они происходят одновременно и на почве борьбы за 8-часовой рабочий день, за увеличение заработной платы, за улучшение условий труда, за рабочий контроль.

Борьба буржуазии против попыток рабочих ввести 8-часовой рабочий день и увеличить заработную плату приводила во многих случаях к увольнениям рабочих, сокращению производства и закрытию предприятий. На заводе Гликина было уволено 16 рабочих, в столярной мастерской Чемаева 10 рабочих, на фабрике азиатской обуви бр. Чалахянц и на заводе Козлова было выгнано по нескольку человек рабочих, в магазине Бахтеева было уволено несколько приказчиков. Владелец многих обмундировальных мастерских с количеством рабочих в 8.500 чел. Шабанов в ответ на категорические требования рабочих не раз практиковал закрытие отдельных цехов своего огромного производства. Шабанов настолько зарвался, что даже Комитет Общественной Безопасности вынужден был обратиться со следующей телеграммой к министрам внутренних дел, труда, Керенскому и Главному интендантскому управлению: „Василий Григорьевич Шабанов, имеющий обмундировальные мастерские, работающие на оборону, при семи тыся-

---

[1] Воспоминания быв. красногвардейца фабрики „Поляр“ т. Сельчака и тт. Назарычева, Тюменева и др. старых рабочих.

чах рабочих, умышленно сокращает производство, отказывается от исполнения подрядов, угрожает полным прекращением работ. Расплата с рабочими, текущие расходы, ввиду отказа Шабанова, вторую неделю производятся средствами Комитета. Желание Шабанова вызвать беспорядки очевидно. Необходимо принятие решительных мер для продолжения работы, желательна организация правительственного контроля. Прошу соответствующего рапоряжения о последующем телеграммой"[1].

Разумеется, не ради удовлетворения рабочих обращался буржуазный Комитет Общественной Безопасности, имевший в своем составе также меньшевиков и эсеров, за содействием к министрам. Для Комитета дорого было бесперебойно продолжать работу на „оборону" и не допустить развертывания революционной борьбы рабочих. Однако, вмешательство министерства торговли в форме телеграммы на имя старшего инспектора: „Прошу произвести расследование и срочно донести о результатах"—ничего не дало. 27 апреля (9 мая) Шабанов об'являет о закрытии через две недели мастерских и об увольнении 2.000 рабочих. Аналогичное об'явление, вызванное теми же причинами, было сделано рабочим адмиралтейской обмундировальной мастерской Алафузова. И так поступали все. В контакте со всей российской буржуазией они действовали по линии создания таких условий, при которых „костлявая рука голода схватила бы рабочих за горло".

Казанская буржуазия, организовавшись 7 апреля в общество фабрикантов и заводчиков Казанской губернии, боролась против введения 8-часового рабочего дня и других экономических требований всеми силами и всяческими способами, начиная от попыток убеждений в том, что „во имя блага родины в эти дни никто не вправе думать о сокращении работы", вплоть до локаутов, сокращения и закрытия предприятий и прямого саботажа.

Буржуазная печать в ответ на борьбу рабочих наполнилась злобными сообщениями о катастрофическом положении промышленности в результате, якобы, чрезмерных требований рабочих и их сплошного безделия. При чем, все это противопоставлялось „герою"-солдату, жертвовавшему на фронте своим здоровьем и жизнью на благо „родины". Но что бы буржуазия ни предпринимала для приостановления борьбы рабочих и как бы она ни старалась с этой целью натравливать

---

[1] Копия этой телеграммы была передана к сведению КВОК, согласно постановлению ИКОБ г. Казани от 5/VI-17 г. Дело КВОК № 10, л. 481.

солдат на рабочих, вносить между ними раздор—все оказывалось безуспешным. Борьба рабочих не прекращалась, а все более усиливалась.

Казанские меньшевики, лакействуя перед буржуазией, ходили по фабрикам и заводам и уговаривали рабочих продолжать работу на старых условиях, об'ясняя им важность интенсивной и спокойной работы. Меньшевики поступали нисколько не лучше городского головы Боронина, призывавшего к спокойствию, они выступали заодно с кадетами и в Комитете Общественной Безопасности, который „посылал своих членов в разные концы города и даже уезды для раз'яснения и успокоения волнений"[1].

Кое-где меньшевикам удавалось уговорить рабочих и не допустить конфликты. Так, например, союз линейных служащих Казанского округа путей сообщения в телеграмме министру сообщил, что „считает нужным отложить введение 8-часового рабочего дня до окончания войны"[2].

Ясно, что революционную борьбу рабочих могли возглавить лишь истинные представители его классовых интересов—большевики. Развертывавшаяся борьба за 8-часовой рабочий день, за увеличение заработной платы лишь тогда доводилась до конца, когда во главе стояли большевики. И лишь под влиянием напора масс, руководимых большевиками, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов (в своем составе меньшевистско-эсеровский) должен был в двадцатых числах марта принять постановление о введении с апреля явочным порядком 8-часового рабочего дня на казанских предприятиях, но к моменту опубликования постановления (20-ые числа апреля) он был уже фактически введен на ряде предприятий.

Борьба рабочих с предпринимателями выливалась в целом ряде случаев в форму забастовок. Забастовки составляют целую полосу на всем протяжении периода март—июнь, повторяясь иногда по нескольку раз на одном и том же предприятии.

23 марта (5 апреля) прекратили работу рабочие сбруйной и шорно-аммуничной мастерских общества Алафузовских фабрик и заводов, вследствие неполного удовлетворения владельцем требования об увеличении зарплаты (владелец давал 20% прибавки вместо требуемых 75%). К забастовавшим присоединились рабочие прядильно-ткацкой

---

[1] Из доклада Овчинникова на собрании членов Комитета Общественной Безопасности.

[2] Хроника „Казанский Октябрь". Изд. Истпарта Татобкома ВКП(б), сост. Е. Грачевым, стр. 33.

Районные парторганизаторы

И ГЛАДИЛОВ.

Г. Н. ШЕВАРОВ

РУДОВ.

Г. ГОРДЕЕВ.

мастерской. В результате некоторой борьбы, рабочие согласились временно на увеличение зарплаты на 40% и приступили к работе. Если бы не соглашательская роль эсеров и меньшевиков, пользовавшихся первое время на этом заводе большим влиянием, рабочие могли бы вполне добиться полного удовлетворения своих требований. О значительном влиянии здесь эсеров и меньшевиков говорят такие факты. 11 марта, в качестве предупреждения против назревшей забастовки, появляется обращение фабричного рабочего комитета, где указывается на необходимость „сохранить спокойствие и тишину, работать прилежно и соблюдать порядок" во имя того, что „работа производится для нашей доблестной армии, которая защищает нашу свободную теперь Россию"[1]. Позднее этот же комитет постановляет „отработать 1 мая за полуторную плату в пользу обороны страны"[2].

20 мая (2 июня) бастуют рабочие механических заводов в Казани А. П. Сапожникова, Н. П. Ярцева, Г. И. Козлова и торгового дома М. Рам, пред'явившие требование о 10% прибавке к зарплате за все время войны с 1914 г., которое владельцы не удовлетворяют. В мае же происходила общегородская забастовка портных и забастовка официантов.

Были крупные забастовки на фабрике „Поляр" в апреле и 23—24 июня. Старые рабочие фабрики „Поляр" рассказывают, что „забастовки из-за повышения платы происходили на фабрике постоянно. Бастовали по 2, по 3, по 1/2 и 1/4 дня. Устраивали „итальянскую забастовку": машины крутились во-всю, у станков стояли рабочие, но и работа стояла. В корпусе фабрики то и дело шли митинги"[3].

Меньшевики и эсеры на ряде предприятий были еще сильны: под влиянием демократических иллюзий и „добросовестного оборончества" рабочие еще поддавались их обману. Но по мере обострения классовой борьбы и развертывания работы большевистской организации все это рассеивалось, влияние большевиков росло, массы левели и переходили на их сторону.

О систематическом нарастании влияния большевиков говорили уже первомайские события. В день 1 мая, когда на улицу вышли все классы и все политические организации, большевикам удалось собрать под свои знамена не мало рабочих, несмотря на то, что травля большевиков со стороны буржуазии и соглашателей была развита к этому времени в очень широких размерах.

[1] Фонд Алафузовских фабрик и заводов. Д. № 40, 1917 г., л. 12.
[2] Там же.
[3] Воспоминания т. Сельчака и др. рабочих фабрики „Спартак" („Казанский Октябрь").

В связи с праздником был выпущен специальный первомайский номер газеты (отпечатан красной краской) под лозунгом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вперед, к социализму!“.

Один из участников первомайской демонстрации так описывает этот праздник:

„К моменту празднования 1 мая 1917 г. травля (большевиков—Ред.) была поднята повсюду, но она нисколько не помешала многим рабочим организациям и воинским частям выкинуть большевистские лозунги, которые приковывали внимание всех участников первомайской демонстрации, и буржуазия со скрежетом зубовным встречала рабочих и солдат с красными ленточками в петлицах (на них был лозунг: „мира, хлеба и свободы“), об'единенных плакатом, где красовался не менее революционный лозунг. Казань 1 мая резко показала свои два лагеря, которые лишь внешне были об'единены в великий праздник труда. Нужно было видеть физиономию буржуа, когда у него на устах замирали слова „Марсельезы“, „Варшавянки“ и пр., когда мимо проходили рабочие демонстранты с нашими лозунгами, ни мало не смущаясь встречным лозунгом доверия Временному Правительству, или чего нибудь в этом духе“[1].

Во время демонстрации рабочие организации, проходившие мимо помещения Казанского Комитета партии (Рыбнорядская, д. № 29), „приветствовали большевиков речами и криками „ура“, татарский оратор приветствовал на родном языке. Тепло приветствовала партию женская процессия“[2].

Рабочие и трудящиеся-татары в основной своей массе в первомайской демонстрации шли в общих рабочих колоннах.

Показательным в отношении нарастания влияния большевиков является также одна из забастовок с 5 по 8 (18—21) июня в об'единении Алафузовских фабрик и заводов—этом многочисленном по количеству рабочих предприятий, имевшем в своем составе около 40% татар. Забастовка началась в результате неудовлетворения хозяином требования рабочих об увеличении заработной платы на 50% и о выдаче 10% надбавки за все время войны. Местные меньшевики и эсеры, которые в первое время пользовались здесь, как мы уже видели, большим влиянием и сглаживали остроту первой забастовки 23 марта, и на этот раз пытались сорвать забастовку. Кроме того, во время забастовки „из Совета явился доктор Шергов, Ю. Денике и начали

---

[1] „Пути Революции“ № 3, 1923 г., стр. 89—90.

[2] „Рабочий“ № 9 от 8/V 1917 г.

убеждать рабочих, что в такое время, когда надо защищать родину, преступно бастовать на заводе, работающем на армию. Явившиеся из города большевики и максималист Вегер говорили: „Не доверяйтесь хозяевам, требуйте своего, долой войну“ и т. д.[1]

Меньшевики настолько обозлили рабочих своим предательством, что были изгнаны с завода.

В донесении отделу промышленности фабричный инспектор по поводу этой забастовки писал: „В субботу, 3 июня, под влиянием усиливающейся с каждым днем пропаганды большевиков-ленинцев, рабочие пред'явили директору правления означенного общества Н. Н. Алафузову через фабричный комитет новое требование (по счету четвертое после 24 марта с. г.) об увеличении заработной платы“.

На попытку хозяина оттянуть разрешение вопроса и передать его в Совет „большевики—читаем мы в этом же донесении—заявили, что им нечего ждать и что на примирительную камеру и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов им наплевать“.

Рабочие, забастовав, не приступали к работе, „несмотря на просьбы и советы представителей Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“[2].

Забастовка кончилась полной победой рабочих и только благодаря тому, что руководство от меньшевиков перешло в руки большевиков.

Весьма характерным моментом в борьбе казанских рабочих против капиталистов является то, что они логикой борьбы уже в этот период склоняются к национализации. Когда предприниматель Шабанов 27 апреля (9 мая) об'явил о закрытии мастерских и об увольнении 2.000 рабочих, рабочие опротестовали увольнение и потребовали, чтобы эти мастерские перешли в руки рабочих. Вопрос этот был передан рабочими на разрешение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, но Совет, будучи в это время еще меньшевистско-эсеровским, не способен был на такую меру, как национализация.

Вслед за Алафузовской забастовкой 5—8 (18—21) июня в городе происходит довольно крупное событие. 13/26 июня огромная изголодавшаяся толпа, по преимуществу татарской городской бедноты и солдаток, собралась на Юнусовской площади (ныне Вахитовской). Здесь на стихийно возникшем митинге выступавшие ораторы жаловались на тяжесть положения и протестовали против проклятой войны, приведшей к катастрофическому положению. Крики „долой войну“,

---

[1] Воспоминания быв. членов фабкома Алафузовского завода 1917 г. тт. Херыкова, Протодьяконова, Зайнутдинова, Иванова и др. (хроника „Казанский Октябрь“).

[2] Там же.

„пора кончить войну“ и т. п. раздавались из уст многих сотен трудящихся. Собравшаяся толпа послала своих представителей по некоторым фабрикам и заводам воздействовать на рабочих, чтобы они прекратили работу и присоединились к движению. В изображении татарской буржуазной газеты „Кояш“, в знак солидарности с начавшимся выступлением, „заводы и фабрики останавливаются, рабочие прекращают работу. Магазины закрываются. Рабочие с заводов толпами идут на митинг“[1].

Присоединились к движению рабочие фабрики „Поляр“, Шабанова и алафузовской мастерской в Суконной слободе. Примкнули также частично и солдаты. Разросшаяся многотысячная лавина рабочих, солдаток и солдат (татар и русских) направилась к продовольственному комитету на Воскресенской улице и там потребовала удовлетворения своих продовольственных нужд, арестовала городского голову Боронина и некоторых других, несмотря на уговоры явившихся меньшевиков Денике, Шергова и др. успокоиться и разойтись. В толпе было много мелких торговцев—в значительной степени по их почину начался этот поход изголодавшихся людей. Мелкие торговцы имели в виду использовать толпу в целях борьбы против хлебной монополии, за свободу торговли. Массы же не знали ни зачинщиков похода, ни его истинных целей. Все присоединявшиеся к движению думали, что выступление будет носить революционный характер и не даром во время движения над толпой развевались красные знамена, взятые некоторыми участниками выступления из здания Мусульманского Социалистического Комитета. Несмотря на стихийный характер выступления, оно носило довольно ярко выраженную политическую окраску. Многоголосые выкрики „долой войну“, „да здравствует мир“ не прекращались во все время движения.

Партийный Комитет по поводу событий 13/26 июня опубликовал специальное постановление, в котором признал, что „это движение вызвано реакционными элементами, стремящимися в своих эгоистических целях использовать растущее недовольство беднейших слоев народа недостатком, дороговизной и неправильностью распределения предметов первой необходимости: хлеба, сахара и т. д.“ Партийный Комитет указал и на то, что „никакие самочинные аресты отдельных лиц и отдельные неорганизованные выступления также не могут разрешить общего для всей России и всего мира острого

---

[1] „Кояш“ № 1131.

продовольственного кризиса, вызванного мировой войной и связанной с ней хозяйственной разрухой", и что „только переход всей власти в руки трудовых слоев народа в лице Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и их решительный разрыв на деле с политикой охраны прибыли капиталистов может содействовать и скорейшему окончанию войны и связанной с нею общей экономической разрухи"[1].

Меньшевики в отличие от большевиков оценивали событие, как контрреволюционное и прибегали даже к вызову вооруженной силы, против чего большевики протестовали самым решительным образом, отстаивая право на свободу демонстраций.

Оценка меньшевиками события, как „контрреволюционного" вполне понятна, ибо они считали контрреволюционным все, что шло против их воли и желания, все, что направлялось против буржуазно-помещичьего Временного Правительства. Выступление масс, несмотря на стихийный, неорганизованный характер, об'ективно именно было направлено против Временного Правительства. Стихийный прорыв недовольства масс показывал, что почва под ногами Временного Правительства колебалась, массы не удовлетворялись им и его органами на местах, не удовлетворялись и соглашательской политикой меньшевиков и эсеров.

В ходе борьбы рабочих с предпринимателями, в течение марта-апреля всюду возникают, как органы этой борьбы, фабзавкомы и профсоюзы, большевизации и завоевыванию которых большевистская организация придавала огромное значение, имея в виду, чтобы они были действительно органами борьбы, а не примирения, как это кое-где наблюдалось, и чтобы через посредство их проводить свое влияние на массы.

Наиболее сильным с самого начала было идейно-политическое влияние большевиков в фабзавкомах, через которые и протекала, главным образом, борьба рабочих с предпринимателями. В процессе же все более обостряющейся борьбы рабочих большевистское влияние в фабзавкомах постепенно растет, меньшевики окончательно разоблачают себя и там, где успели окопаться, и руководство переходит исключительно в большевистские руки. Наиболее революционным с самого начала был завком Порохового завода, где имелись высланные во время войны из Москвы рабочие, прошедшие школу революционной борьбы в центре России, и наиболее сильная партийная ячейка.

[1] „Рабочий" № 24 от 29/VI 1917г.

Эсеровско-меньшевистским был вначале фабком Алафузовской фабрики, но большевики к июню одерживают победу и здесь.

Наряду с борьбой за 8-часовой рабочий день, увеличение зарплаты, чистку администрации, против саботажа предпринимателей, за сохранение нормального производства, наряду с приемом и увольнением в ряде случаев рабочих и служащих, попытками налаживания снабжения продовольствием рабочих и т. д., фабзавкомы вместе с рабочими реагируют и на все вопросы, выдвигаемые жизнью, вынося преимущественно большевистские резолюции об отношении к Временному Правительству, к войне, к „займу свободы" и т. д.

Так: „26 апреля завкомом Порохового завода был устроен в здании технического училища митинг, на котором присутствовало около 500 человек. Обсуждался в числе прочих вопросов—о петроградских событиях. Настроение собрания—в пользу большевиков"[1].

„29 апреля на митинге рабочих Порохового завода прапорщиком Капраловым в пространной речи была ярко обрисована империалистическая политика кадетско-соглашательского Временного Правительства. Тов. Капралов предлагал послать самих кадетов в окопы воевать до победнаго конца. Собрание восторженно приветствовало оратора"[2].

3/16 мая на этом же заводе проваливается резолюция доверия Временному Правительству.

И так почти изо дня в день.

Пороховой завод был впереди в этом отношении, но за ним шли и другие заводы и фабрики, тоже вынося резолюции в большевистском духе.

Большим влиянием большевики пользуются и в профсоюзах. Однако, здесь в гораздо большей степени, чем в фабзавкомах приходилось наталкиваться на меньшевистско-эсеровское засилие. В руководящих профессиональных органах численно преобладали меньшевики и эсеры. Такие союзы, как союз печатников, союз торговых служащих особенно сильно были наводнены ими.

Если к тому же учесть раздробленность, распыленность тогдашнего профдвижения, то станет ясным, насколько трудно было при малочисленности кадров партийных работников завоевывать профсоюзы.

Раздробленность в профдвижении характеризовалась многочисленностью профсоюзов при наличии огромного параллелизма. Так, наряду с более или менее крупными профсоюзами: 1) союз рабочих по коже,

---

1 „Рабочий" № 10 от 11/V 1917 г.
2 „Рабочий" № 13 от 21/V 1917 г.

2) союз железнодорожников, 3) союз металлистов („Единение"), 4) союз печатников, 5) союз служащих городских управлений, 6) союз торговых служащих, 7) союз служащих Алафузовского завода, куда входили и служащие заводов Ушкова, Ярцева, Порохового и мастерских Шабанова, существовали и такие карликовые об'единения, как: 1) союз фельдшеров, 2) союз поваров, 3) союз официантов, 4) союз служащих городских столовых, 5) союз домашней прислуги и сиделок, 6) союз личных услуг, 7) союз счетоводов и т. п.

Партийная организация с самого начала со всей энергией взялась за строительство профсоюзов и их большевизацию. Она со страниц своей печати призывает рабочих организовываться в профсоюзы, выделяет для организации специальных людей. По инициативе организации создается Казанское Центральное Бюро Профсоюзов, в котором, однако, долгое время перевес был на стороне меньшевиков и эсеров. На общегородской партийной конференции 21 мая (3 июня), кроме вопроса о Совете (см. раздел „Борьба за Советы"), стоял специальный вопрос о профдвижении. Конференция высказалась за быстрейшее развертывание работы в профсоюзах и за преодоление раздробленности профдвижения на основе построения профсоюзов по производственному принципу. При этом конференция исходила из того, что, во-первых, такой организацией достигается то, что „об'единенному капиталу определенной промышленности противостоит вся, слитая в единое целое, масса рабочих, во-вторых, союзы по производствам являются лучшей школой единства интересов рабочих, независимо от их профессий, в-третьих, в связи с революцией и общим экономическим кризисом, такие союзы могут легче и быстрее провести действительный и полный контроль над производством, а в отдельных случаях и взять все производство в свои руки"[1].

На конференции были сторонники организации профсоюзов по профессиям, но этот принцип был отвергнут.

Конференция, принимая решение о профсоюзах, дала директиву о том, что партийная организация „должна принять самое энергичное участие в строительстве и работе профессиональных союзов, как можно тесней связать их с общей политической борьбой пролетариата".

Решения этой майской конференции имели огромное значение в деле строительства профсоюзов и их завоевания. Влияние большевиков в профсоюзах нарастало довольно быстро, принятие профсоюзами большевистских резолюций становится все более частым явлением,

---

[1] „Рабочий" № 22 от 22/VI 1917 г.

и некоторые правления профсоюзов, как это было, например, с правлением профсоюза швейников, в целом составе входят в партию большевиков. Большевики успешно завоевывали профсоюзы, проводя решительную борьбу против меньшевиков и эсеров и их теории нейтрализации профсоюзов.

В нараставшей борьбе рабочие-татары шли в ногу с русскими. Специфическим в борьбе татарских рабочих и татарских трудящихся, естественно, было стремление к национальному раскрепощению. Татарская буржуазия во главе со своим Мусульманским Комитетом[1] всячески пыталась оторвать рабочих-татар и трудящихся от общего фронта пролетарской борьбы и подчинить их своему влиянию, в этих целях она пускала в ход националистические лозунги—„культурно-национальной автономии", „единства мусульман", „единой национальной культуры" и т. п. Первый Всероссийский Мусульманский с'езд, состоявшийся в Москве в мае 1917 г., желая, как он сам заявлял, „чтобы все российские мусульмане могли об'единиться", принял такой пункт резолюции: „С'езд находит необходимым создание общей линии поведения и солидарных действий всех политических партий и организаций, имеющих место в среде мусульман".

Криками об „общенациональных интересах" и „национальном раскрепощении" татарская буржуазия стремилась прикрыть свою классовую политику и одурачить татарский пролетариат и трудящихся. Разбить национальный гнет могли только рабочие и трудящееся крестьянство всех национальностей России, путем революционной борьбы под лозунгами большевистской партии за переход власти в руки Советов, за выполнение большевистской национально-освободительной программы, и эту истину хорошо усваивал татарский рабочий. Рабочие и трудящиеся-татары в основной своей массе, как указывалось выше, уже в первомайской демонстрации выступали в общих колоннах рабочих организаций, шедших под большевистскими лозунгами.

Ярким фактом, характеризующим отношение рабочих-татар к „своей" национальной буржуазии, является такой случай:

В конце апреля на Алафузовском заводе в здании театра происходил многолюдный митинг татарских рабочих, на котором в противовес выступившим большевикам-татарам Зайнутдинову, Хуснутдинову С. и др. выступали представители буржуазии—Тuктаров и др., призывавшие рабочих бороться с большевиками и итти по пути

---

[1] Мусульманский Комитет—организация татарской буржуазии, созданная 7/20 марта 1917 г.

Чингисхана, при этом они использовали все средства вплоть до попыток сыграть на религиозном фанатизме отсталой части татар. Туктаровцы даже рассадили во всех углах огромнейшего зала, переполненного массами, своих ставленников, специально привезенных из города и переодетых в солдатские шинели, в задачу которых входило, путем различных выкриков не давать говорить большевикам и большевистски настроенным рабочим. В результате рабочие-татары так вскипели негодованием против представителей буржуазии, что начали кричать „бей их", и шайка Туктарова через задние двери и окна бежала из театра[1]. Наконец, 25 мая (7 июня) рабочие-татары предприятий Ягодной слободы (Пороховой, Алафузовский и др. заводы), убедившись, что Мусульманский Комитет является органом буржуазии, направляющим свою деятельность против интересов рабочих, отзывают своих представителей.

Как ни старалась татарская буржуазия отвлечь рабочих-татар от общепролетарской борьбы, последние всюду выступают вместе с русскими рабочими и в забастовках, и на митингах, и на собраниях, против русской и татарской буржуазии одновременно.

7/20 апреля, под руководством М.-Н. Вахитова, возникает татарская мелко-буржуазная организация — Мусульманский Социалистический Комитет. В первое время этот Комитет выбрасывает революционные лозунги. Так например, в передовице первого номера газеты „Кзыл-Байрак" 15/28 июня М.-Н. Вахитов писал: „Наши требования в настоящий момент сводятся к следующему: 1) переход всей власти Советам рабочих и крестьян, 2) немедленная передача всей земли крестьянам, 3) разгон Государственной Думы и Гос. Совета, 4) опубликование всех тайных договоров старого правительства и необязательность их для народов России, 5) немедленное прекращение войны, 6) об'явление всех заводов и фабрик достоянием рабочих и всех трудящихся".

Это использование МСК основных большевистских лозунгов не могло не встречать сочувствия и поддержки со стороны рабочих и трудящихся-татар, не могло не группировать их вокруг Мусульманского Социалистического Комитета. И с этой именно стороны МСК может быть оценен как организация, игравшая известную революционную роль. Но в самой организации Мусульманского Социалистического Комитета преобладала отрицательная сторона, таившая в себе

---

[1] Этот случай описан т. Зайнутдиновым в своих воспоминаниях. См. журн. „Джитакче" № 17 за 1927 г.

большую опасность для дела пролетариата. Эта опасность вытекала из того, что МСК отнюдь не представлял собой организацию большевистского направления, впоследствии, так сказать, „органически вросшую в большевистскую партийную организацию", как это пытались представить в своих трудах некоторые из литераторов и, в частности, Сагидуллин [1]. МСК представлял собой в действительности организацию мелкобуржуазную, об'единявшую в себе в условиях национального района татарские „левые", мелко-буржуазные элементы, среди которых были, главным образом, татарские эсеры, меньшевики, интернационалисты и максималисты. В рядах этой организации участвовали и отдельные большевики-татары. При столь разношерстном составе МСК не имел и не мог иметь ни ясно выраженной программы, ни классово-выдержанной политической линии. И потому применяемые им иногда социалистические лозунги не соответствовали его внутреннему содержанию. Он ни в коем случае не мог возглавить и повести татарские рабочие массы на пролетарскую революцию. Вследствие своей мелко-буржуазной природы Мусульманский Социалистический Комитет в своей практической деятельности доходил даже до блока с кадетами, как это было, например, при выборах в Учредительное Собрание. При таком положении линия большевистской организации по отношению к МСК, несомненно, могла состоять лишь в использовании его, как временного мелко-буржуазного попутчика при одновременном разоблачении его мелко-буржуазной природы и в отвоевании от него большевистски настроенных элементов. Ближе к Октябрьской революции и особенно после нее некоторая часть членов МСК порвала с ним и вступила в ряды большевистской организации, так как МСК постепенно терял всякое подобие даже мелко-буржуазной революционной организации.

Татарские рабочие, как и русские, проходили путь подготовки к великим Октябрьским боям под руководством большевистской организации, ибо лишь она одна обеспечивала подготовку из татарской части рабочих одного из отрядов, активно боровшихся за свержение Временного Правительства, за установление диктатуры пролетариата.

Борьба рабочих Казани, не прекращавшаяся и после Февральской революции, все время нарастала и принимала все более острые формы. Февральская революция не могла разрешить коренных задач пролетариата, и он, не останавливаясь на этапе буржуазно-демократиче-

---

[1] Сагидуллин—лидер бывшей „левой" татарской групповщины, скатившийся ныне к прямой контрреволюции.

ской революции, под руководством большевистской партии, повел борьбу по пути, определенному В. И. Лениным—по пути перехода к следующему этапу—революции социалистической. Процесс перерастания происходил с большой скоростью.

Июльские дни и корниловские события еще более ускорили этот процесс. Казанская организация большевиков в этом процессе в ногу со всей партией успешно готовила пролетариат Казани к Октябрю.

5. Влияние большевиков в гарнизоне.

Серьезнейшее значение приобретала для организации работа в войсковых частях. Казань представляла собой центр крупнейшего военного округа, охватывавшего 98 гарнизонов, расположенных на территории 10 губерний и 2 областей, сосредоточивавший в себе все главные окружные военные организации и учреждения. Казанский же гарнизон был один из самых многочисленных в КВО, насчитывая до 50. 000 человек. Первое время связь с гарнизоном и работа в нем осуществлялись, главным образом, через небольшую группу товарищей, состоявших на армейской службе. Но по мере роста и укрепления партийной организации увеличивалось число большевиков из военных работников, а вместе с этим расширялись и связи, возрастало влияние. Работавшая в гарнизоне группа большевиков представляла собой и военную группу при партийном Комитете, в обязанность которой входило: снабжать солдат партийной литературой, вести в частях агитацию и пропаганду и вербовать новых членов из сочувствующих. Эта группа очень быстро оформилась в военную организацию.

Уже на общегородском собрании 6/19 апреля, как мы видели, докладывалось о том, что, военная организация налаживается. Далее мы можем отметить ряд общих собраний военной организации, а именно: 14/27 апреля, 30 апреля (13 мая), 14/27 мая совместно с солдатами и офицерами, разделяющими взгляды „Рабочего“ и „Правды“, 11—12 (24—25) июня тоже совместно с сочувствующими. Собрания продолжаются и дальше. О характере собраний и вообще о деятельности военной организации за этот период никаких данных не сохранилось. Имеются указания лишь на некоторые вопросы, которые являлись предметом обсуждения собраний. Собрание 14/27 мая было созвано для выборов представителей на предстоящую 31 мая (13 июня) общегородскую партийную конференцию, а на повестке дня собрания 11—12 (24—25) июня стояли вопросы: текущей момент и выборы делегатов на Всероссийскую конференцию военной организации РСДРП.

Работа в армии была чрезвычайно трудной. Многочисленные слои реакционного офицерства, засилие их в различных войсковых комитетах, засилие меньшевиков и эсеров в Солдатском Совете, запрещение доступа к солдатам в казарму и аресты большевиков—таковы условия, при которых приходилось работать. Однако, затягивавшаяся Временным Правительством война, нараставшая разруха и усталость, плохое снабжение и т. д.—все это создавало такую обстановку, при которой большевистский лозунг „долой войну“ встречал массовый отклик, а лозунги буржуазии и соглашателей „война до победы“, „во имя обороны и революции“, постепенно тускнели и становились чуждыми. В ходе событий массы просвещались, начиная понимать истинные цели войны и пути выхода из нее.

Война настолько измучила армию и надоела ей, что среди „истосковавшихся по хате солдат“ дезертирство и проявление в иных формах нежелания быть в армии и итти на фронт не только не прекращаются после Февраля, но разрастаются в колоссальных размерах.

3 мая в Казани из 1.000 солдат, отправляемых на фронт, явилось к посадке лишь 300 человек.

В июне в Сюкеевское волостное правление поступает телеграмма начальника мобилизационного отдела Главного Управления Генерального штаба о том, что „рота 247 пехотного запасного полка по пути к Саратову разбежалась. Прибыло 1 июня лишь 9 солдат при трех офицерах“. Далее предлагалось принять соответствующие меры. Командование Казанского округа принимало все меры, чтобы приостановить дезертирство и разложение армии, но было бессильно. 13/26 июня командующий Казанским военным округом генерал Мышлаевский разослал телеграфный приказ о поименном доносе на тех лиц, „деятельность которых не согласована с постановлениями Временного Правительства о необходимости довести войну до победного конца“. Большевистская газета „Рабочий“ совершенно правильно оценила этот шаг, как „сыск, направленный против большевиков и большевистски настроенных солдат“.

В Казанском гарнизоне, начиная с момента Февральской революции, идет беспрерывное нарастание борьбы солдат со старым командованием. „Первый мартовский шквал,—пишет т. Ежов,—был настолько сильным, что почти целиком выбил все высшие и средние звенья окружной командной цепи включительно до полковых командиров. Вслед за этим движение коснулось и низшего кадрового состава“ [1].

---

1 Ежов. „Военная Казань в 1917 г.“, стр. 79.

После этого борьба солдат направляется против засилия офицеров в ротных, полковых и других войсковых комитетах (до июля их было там не менее половины). Сумевшие использовать бессознательную доверчивость солдатских масс в февральские дни и засесть в войсковых комитетах эсеро-меньшевиствующие „демократы“—прапорщики и перекрасившиеся кадровики с красными бантами и пышными речами о „защите завсеваний революции от германского империализма“ по существу являлись прикрытием тайно руководивших ими монархистов—офицеров и генералов и старались по их указке свести Советы Солдатских Депутатов и войсковые комитеты на роль „примирительных комиссий“ для улаживания „конфликтов“. Солдатские массы требовали изменения состава комитетов в сторону увеличения числа своих представителей и расширения прав комитетов, рассматривая эти комитеты, как органы революционной борьбы.

Движение приняло столь широкие размеры, что охватило, кроме Казанского, и другие гарнизоны округа, и в результате „военное министерство было вынуждено 16/29 апреля издать приказ о новом положении войсковых комитетов с предоставлением солдатской части более широкого представительства и дополнением прав в сторону „законного“ хозяйственного контроля, содействия просвещению, спорту и подготовке к выборам в Учредительное Собрание“[1].

Борьба солдатских масс за войсковые комитеты протекала под сильным влиянием большевиков, хотя большевизировать комитеты наиболее полно удалось лишь к сентябрю.

Попытки офицерской части войсковых комитетов парализовать большевистскую пропаганду и подчинить генеральному командованию солдат гарнизона постоянно срывались.

В первомайский праздник солдаты 95 и других полков с красными знаменами пошли к зданию Красного Креста и перевели оттуда на гауптвахту генералов Сандецкого и Язвина. Эти генералы, столпы царизма, в свое время издевавшиеся над солдатами вплоть до применения порки, расстреливавшие солдат и испытывавшие на них действие удушливых газов, несмотря на неоднократные требования гарнизона об их переводе на гауптвахту, находились под видом больных в Красном Кресте, что вызывало крайнее недовольство среди солдат, в конце-концов вылившееся в стихийное выступление.

В связи с этим событием соглашательский Совет принял резолюцию, всячески осуждавшую „самоуправство“ и „своеволие“ солдат.

---

[1] Ежов. „Военная Казань в 1917 г.“, стр. 44.

Но как ни старались меньшевики и эсеры удержать солдат в строгом повиновении начальству и укротить нарастающее недовольство и как на старались командование и Совет офицерских депутатов удержать свои позиции, армейские части уплывали из рук кадрового офицерства и буржуазии.

Большевистское влияние в армейских частях нарастало. Под влиянием организованной работы большевиков солдаты все более и более левели, переставая верить поборникам „войны до победного конца".

„5 мая на митинге в 94 полку присутствовало свыше 1.000 человек. Выступавшие ораторы-большевики раз'ясняли взгляды партии на земельный вопрос, на отношение к Временному Правительству. Все речи были покрыты шумными аплодисментами. Солдаты просили чаще устраивать у них митинги" [1].

19 мая (1 июня) группа солдат 240 полка с возмущением выступает в печати [2] против солдата Полетаева, выступившего со статьей, призывавшей жертвовать на „заем свободы".

Большую роль в революционизировании солдат сыграл „Союз солдаток", с самого начала организации возглавляемый большевичкой Панфиловой. Союз часто устраивал митинги, где выступали большевики, и демонстрации солдаток, неоднократно осаждавших целыми толпами эсеро-меньшевистский Совет и требовавших прекращения войны.

17/30 мая в саду „Черное озеро" солдатками был устроен митинг. Выступало несколько ораторов, с горячей речью выступил один солдат. Он призывал солдаток сплотиться вокруг своего Союза и организованно итти к Совету с заявлением своих нужд. „Нельзя солдат заставлять итти на войну,—говорил он,—когда дети, жены и матери их голодают. Надо послать туда богачей, скрывшихся от учета. Нужно требовать скорейшего заключения мира". После собрания солдатки стройно пошли со знаменами „мира, хлеба", „увеличения пайка" по направлению к Совету, где и изложили Исполкому свои нужды" [3].

Эти демонстрации приводили в немалое смущение Шергова, Денике и К-о, тщетно пытавшихся „обработать" солдаток в оборонческом духе.

11/24 июня, несмотря на старания офицерства, многие воинские части не вышли на манифестацию по поводу „займа свободы", ко-

---

[1] „Рабочий" № 14 от 25/V 1917 г.
[2] „Рабочий" № 18 от 8/VI 1917 г.
[3] „Рабочий" № 17 от 4/VI 1917 г.

торая проходила под лозунгом „долой Ленина“, „долой большевиков“, „война до победы“. Манифестация прошла очень бледно.

22 июня (5 июля) солдаты Казанской военно-обмундировальной мастерской об'явили через печать бойкот кадетской газете „Камско-Волжская Речь“ на том основании, что последняя вносит дезорганизацию, натравливая рабочих и солдат на большевиков.

Эти, как и другие подобные факты, имевшие место в гарнизоне, как нельзя лучше говорят о систематическом нарастании влияния большевиков в Казанском горнизоне. Дальнейшие события только ускорили этот процесс.

6. Роль большевиков в развертывании борьбы крестьянства.

Влияние большевиков распространялось и на деревню, несмотря на то, что непосредственные связи большевистской организации с деревней в первое время были слабы. Организация не имела достаточно сил для того, чтобы бросить их для работы в деревню. Большевистское влияние распространялось через печать, листовки, через большевиков, работавших на местах, через рабочих, связанных с деревней, через большевистски настроенных солдат, приходивших из армии.

Особенно большую роль в распространении большевистского влияния в деревне сыграли большевистская газета „Рабочий“ и письмо Ленина „К делегатам Всероссийского крестьянского с'езда“, изданное Казанским Комитетом отдельной листовкой и распространенное по губернии в большом количестве.

Уже в марте 1917 г. крестьянство Казанской губернии, пережившее целые столетия помещичьей кабалы и земельного голода и приведенное к окончательному истощению за годы империалистической войны, активно развертывает борьбу против помещиков и становится на путь решительного выкорчевывания помещичьих латифундий. Потребовалось даже специальное вмешательство Временного Правительства, которое приняло постановление о мерах к подавлению возникших в Казанской губернии аграрных беспорядков и при этом так же, как это было и во времена царизма, угрожало привлечением всех участников „к уголовной ответственности“. Но угрозы не помогали. Каждый последующий месяц приносил дальнейшее развертывание и обострение борьбы.

Перепуганный ростом „беспорядков“, губернский комиссар В. Чернышев писал 18/31 мая Временному Правительству, что „аграрные волнения в губернии продолжаются, в некоторых местах самоуправ-

ные действия крестьян принимают характер перераспределения земельных ценностей, особенно выпукло подтверждают создавшееся положение недоразумения в Спасском, Лаишевском и части Чистопольского уезда, где более всего имеется крупных частновладельческих земель". Кроме телеграфных донесений в центр со стороны правительственных органов, поступают телеграммы и самих помещиков о „своеволии" и „самоуправстве" крестьян. По неполным данным, картина нарастания антипомещичьего движения характеризуется такими цифрами: апрель—18, май—55, июнь—210.

О характере крестьянской борьбы против помещиков приведем такие факты: „16/29 апреля полковник Молоствов, помещик Спасского уезда, явившись в заседание Губернского Комитета Общественной Безопасности, заявил, что крестьяне сняли у него в имении рабочих, вывезли весь наличный хлеб, „взяли" захватным порядком почти всю пахотную землю. Комитет постановил послать трех своих членов для принятия мер и недопущения своевластия (прап. Лозовой, прап. Строителев и солдат Карпов)"[1].

„В экономию помещика Лаишевского уезда С. П. Алексеева явились крестьяне дер. Кияжа с председателем Пановского волостного продовольственного комитета и приступили к разделу его паровой земли. Протесты помещика привели к тому, что его арестовали. Затем ему было предписано сдать военнопленных"[2].

Приведенные факты относятся к русским деревням. Но такие же факты имели место и в татарской деревне, которая вследствие колонизаторской политики царизма и неспособности Временного Правительства отказаться от нее, ютясь как правило, на бесплодных землях, вдали от лесов и рек, испытывала гораздо большую земельную нужду и находилась в еще более тяжелом положении, нежели русская деревня.

„В Спасском уезде татары деревни Челны насильно отнимают у местных землевладельцев Бадамшиных землю, устраняют рабочих, угрожают насилием"[3].

Подобные действия русского и татарского крестьянства были характерны именно уже с самого начала развертывания борьбы крестьянства.

Местными губернскими и уездными органами Временного Правительства принимались все меры к ликвидации крестьянских волне-

[1] Хроника „Казанский Октябрь", стр. 40.
[2] „Камско-Волжская Речь" № 126, 1917 г.
[3] „Крестьянское движение в 1917 г.", стр. 20.

ний и ограждению интересов землевладельцев, но они бессильны были против разыгравшейся крестьянской стихии и, видя это, группа крупных землевладельцев Казанской губернии уполномочила одного из крупнейших помещиков—дворянина К. В. Молоствова, обратиться непосредственно к Временному Правительству и передать ему следующее: „1) исполнять какие-либо работы в хозяйствах нет возможности, так как крестьяне сводят рабочих, отбирают семена, во многих местах уносят все имущество из усадеб, угрожая владельцам смертью и насилием, не позволяют рубить дрова, заготовленные—увозят, 2) волостные комитеты устанавливают самовольные крайне низкие арендные цены, 3) распоряжения Временного Правительства в деревнях неизвестны, но зато листки большевиков очень распространены, 4) население не знает, к кому обратиться за раз'яснением, суда нет, все делают, что хотят, благоразумная часть терроризована, 5) волнения растут с каждым днем“[1].

Огромное значение в развертывании крестьянской борьбы имело постановление Казанского Губернского Совета Крестьянских Депутатов от 13/26 мая о передаче впредь до Учредительного Собрания помещичьих, казенных, удельных, церковных, кабинетских земель в распоряжение волостных комитетов. Это постановление узаконило то, что происходило в действительности, и вместе с тем явилось призывом к дальнейшей борьбе. Вот некоторые пункты этого постановления.

„1. Впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным Собранием, в интересах успеха революции и для обеспечения страны продовольствием, после того, как будут организованы волостные и сельские комитеты, Совет Крестьянских Депутатов находит необходимым все пахотные земли и луга помещичьи, казенные, удельные, монастырские, церковные, кабинетские, городские передать в распоряжение волостных комитетов.

Примечание: земли, скупленные у отрубников (а также леса и луга) в одни руки частными владельцами, считаются помещичьими.

2. Все угодья и леса отдаются под контроль Губ. Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Волостные комитеты не могут сами рубить лес, ни запрещать рубку, если есть разрешение со стороны Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Дает разрешение и следит за правильной рубкой Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

3. Весь инвентарь, весь скот и хозяйство помещиков должны быть по описи переданы в распоряжение волостных комитетов. Опись

[1] „Крестьянское движение в 1917 г.“, стр. 19.

инвентаря, скота и хозяйства должна составляться подробно в присутствии помещика или его уполномоченного, а также в присутствии понятых. Опись должна быть всеми подписана. Опись передается помещику, а копия, заверенная, оставляется при волостном комитете".

Через месяц после принятия постановления, Совет Крестьянских Депутатов подводил итоги работы по 8-ми уездам.

Оказалось, что постановление проведено частично или полностью в Спасском, Чистопольском, Свияжском, Царевококшайском, Лаишевском, Мамадышском, Тетюшском уездах и только в одном уезде—Козьмодемьянском, где, кстати сказать, почти отсутствовали помещичьи земли,—постановление, не было реализовано.

Временное Правительство, узнав о постановлении Казанского Губернского Совета Крестьянских Депутатов и о развертывании в результате этого постановлення крестьянской борьбы, угрожающе потребовало отмены постановления, на что Губернский Крестьянский Совет ответил резким, решительным отказом.

„Своим постановлением от 13 мая с. г. Совет хочет провести организованно то, что вышло бы стихийно без его участия и создало бы анархию, которой сейчас нет и не будет в Казанской губернии, если опека уездных комиссаров не будет разбивать организованные выступления народа. Во всех выступлениях против постановления Совета от 13 мая с. г. Совет видит, что частные и групповые интересы не склонились перед волей народа и хотели смять волю народа, путем нажима сверху. Постановление от 13 мая с. г. не противоречит постановлениям Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов и поэтому является голосом крестьянства всей России, которого нельзя заглушить циркулярами из министерства. Постановление от 13 мая с. г. уже проведено в большей части губернии в жизнь и проводится в остальных и отменить его циркуляром нельзя. Постановление от 13 мая с. г. Совет считает выражением воли народа, отменить не согласен и угрозы тюрьмой и карами за проведение воли народа не остановят Совет при исполнении до конца воли народа"[1].

Борьба крестьянства против помещиков и помещичьего землевладения в этот период, систематически нарастая, проходила, однако, в довольно мирных формах, если не считать отдельных случаев угроз и избиений. Случаев разгрома имений почти не было. Но бурно нараставшая волна аграрного движения в Казанской губернии указывала на то, что это движение имело ясно выраженную тенденцию перерасти в открытое восстание крестьян против помещиков.

[1] Телеграмма Губ. Совета министерству земледелия.

Наиболее активную роль в борьбе против помещиков играли бедняцкие слои деревни, при чем эти последние шли дальше общекрестьянской борьбы, выставляя требования, сплошь и рядом направленные против кулаков и против капиталистов.

Так, на Спасском уездном с'езде 29 мая (11 июня), проходившем под руководством большевика Гордеева, было принято постановление не только о конфискации помещичьих земель, с.-х. машин и скота у помещиков, но и реквизиции рогатого скота у крестьян, имеющих его более трех голов. Реквизированный скот решено „немедленно передать семействам призванных на войну и беднейшим лицам".

Содержание постановления ясно указывает на то, что назревала серьезная борьба и против кулачества, и местами эта борьба в той или иной форме проявлялась уже на протяжении апреля—июня.

„5/18 мая сельский сход с. Масловки (той же волости), Лаишевского уезда, в количестве 130 человек крестьян постановил: сослать навсегда в иную губернию вместе с его торговлей и семейством кулака-лавочника С. А. Чиркова за спекуляцию и как друга старого режима"[1].

„10/23 июня союзом сельских хозяев получены сведения о весьма существенных нарушениях прав земельных собственников в Чистопольском, Казанском и Свияжском уездах. Хуторяне при деревне Угрюмовка, Кощаковской волости, Казанского уезда, заявляют, что крестьяне той же деревни травят у них луга и яровые посевы с очевидной целью вытеснить их с хуторов и земли, купленной при посредстве Крестьянского банка"[2].

Такие случаи нередки. В официальном донесении в центр от 24 мая (6 июня) мы читаем: „Аграрное движение по губернии продолжается, общинники отбирают землю у хуторян, арендаторам делаются заявления, что урожай должен принадлежать обществу"[3].

Нетрудно видеть, что против хуторян и арендаторов выступала, конечно, не вся община в целом, так как кулак в общине сам был первым арендатором и родным братом кулака-хуторянина, здесь, прежде всего, выступала беднота, опутанная тенетами жестокой кабалы кулака.

На нарастание бедняцкой активной струи в крестьянской борьбе указывает и следующий документ:

„1917 г., июня 1 дня, мы, крестьяне Юрткульской волости, Спасского уезда, обсудив вопросы, постановили на общем собрании просить

[1] Дела КГС Кр. Д. № 22, п. 4.

[2] „Камско-Волжская Речь" № 126 ст 1917 г.

[3] „Крестьянское движение в 1917 г.", стр. 53.

Совет Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов требовать от Временного Правительства немедленно отобрать деньги у монастырей, а также и у капиталистов, наживших во время войны посредством грабежа, в чем и подписуемся".

Этот документ, составленный хотя и в духе наивной надежды на Временное Правительство, свидетельствует все же о том, что классовое сознание бедняцкой части крестьянства в ходе борьбы выкристаллизовывалось, и борьба направлялась ею не только против помещиков, но и против кулачества и против капиталистов города. Что это так, говорит и следующий факт: тот же самый Спасский уездный крестьянский с'езд, состоявшийся 24 июня (7 июля), требовал принятия мер к контролированию местными рабочими комитетами производства и распределения продуктов и разных изделий на фабриках и заводах.

Пролетариат и в пределах Казанской губернии получил таким образом в лице бедняцкого слоя деревни верного и надежного союзника в борьбе за пролетарскую революцию.

В деревне сильно нарастали и антивоенные настроения. Имеются случаи организованных выступлений против войны. Так, 15/28 июня солдатки татарской деревни Старые Ряси, Суксукской волости, Казанского уезда, совместно с солдатками соседних деревень, тоже татарских—Новые Ряси и Киндерлы, собравшись в числе 300 чел., взяли у деревенского учителя красное знамя и отправились в волостную контору, где единогласно заявили: „Нам нечего есть. Пусть возвратят на работу наших детей и мужей. Достаточно уж зря губить людей и проливать их кровь. Долой войну"[1].

Судя по всему ходу развертывания крестьянской борьбы, влияние большевиков было огромным. Непосредственное руководство борьбой крестьянства мы можем отметить по ряду мест. Так, например, в Спасском уезде борьбой руководил большевик Гордеев, проведший два уездных крестьянских с'езда: 29—30 мая и 24 июня. О характере первого с'езда мы уже частично говорили, но для большей полноты освещения работы с'ездов, руководимых большевиками, мы дадим несколько более полную характеристику обоих с'ездов. С'езд 29—30 мая (11—12 июня) принял решение о немедленной конфискации помещичьих земель, лесов и лугов с передачей их в бесплатное пользование народу через Земельный волостной комитет и Комитет Общественной Безопасности. Все сел.-хоз. машины было решено немедленно реквизиро-

---

[1] Газ. „Ауав" № 13.

вать, отобрать кузницы и подсобные предприятия и, в первую очередь, реквизировать рогатый скот у помещиков и крестьян, имеющих более 3-х голов. Подтверждено было прежнее постановление о замене у помещиков племенного скота крестьянским. Было решено распределить немедленно всех помещичьих рабочих лошадей в первую очередь семействам призванных на войну и беднейшим лицам.

Следующий с'езд, происходивший 24 июня (7 июля), продолжал дальнейшее наступление на помещичью собственность. Им выносится постановление о том, чтобы все посевы в помещичьих хозяйствах, засеянные самими помещиками, снимались волостным комитетом, путем сдачи этой работы „дружинам бедняков". Дальше, на с'езде были произведены перевыборы уездных комиссаров и выдвинут на пост уездного комиссара левый эсер Мохов, один из ближайших помощников Гордеева по ликвидации помещичьего землевладения.

В результате работы Гордеева и решений с'ездов захват помещичьих имений в руки крестьянских комитетов по Спасскому уезду в основном заканчивается еще летом 1917 г.

Работа тов. Гордеева имела огромное революционизирующее значение и для других уездов. В своей работе т. Гордеев регулярно сносился с Казанским Комитетом РСДРП (б), получал от него директивы и большевистские газеты. В июне, будучи в Казани, он в разговоре с тт. Тихомирновым и Олькеницким получил полное одобрение линии на дальнейшее развертывание работы, и эта линия работы в направлении ускорения процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую находила у Гордеева, как мы уже видели, достаточно яркое выражение.

Отдельные большевики были и в других уездах. В Абдинской волости, Мамадышского уезда, работали большевики Давыдов и Бусыров. И именно потому, что в этой волости были большевики, она шла впереди других волостей Мамадышского уезда и раньше всех осуществила постановление Казанского Губернского Совета Крестьянских Депутатов.

7. Борьба за Советы.

Совет Рабочих и Совет Солдатских Депутатов возникают в первые же дни после Февральской революции и существуют в начале раздельно. Слияние их происходит на собрании рабочих и солдатских депутатов 14/27 марта. Совет Крестьянских Депутатов возникает несколько позднее—8/21 мая и в этот же день с'езд крестьянских

депутатов Казанской губернии постановил осуществить слияние Совета Крестьянских Депутатов с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов.

В первом составе Советов преобладали меньшевики и эсеры. Представителями в Совет от большевистской организации были: В. А. Тихомирнов и С. Г. Мохов и в Исполнительный Комитет Совета— П. Г. Ершов (быв. депутат Государственной Думы), Журавлев и кандидатом к ним Серов, избранные на общем собрании организации 6/19 апреля.

Позднее, с 27 мая (9 июня), число представителей от большевиков увеличилось, были введены дополнительно тт. А. Н.Бочков, Карпов и Северов.

Значение Советов в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую определялось тем, что они представляли собой „основное организационное звено, могущее облегчить организацию Октябрьской революции и создание нового могучего аппарата пролетарской государственности“[1].

Как и вся партия, Казанская организация ухватилась поэтому за Советы со всей силой, проводя решительную борьбу за их завоевание.

Лозунг „Вся власть советам“ с точки зрения его внутреннего развития прошел две стадии, первую (до июльского поражения большевиков во время двоевластия) и вторую (после поражения корниловского восстания).

На первой стадии этот лозунг означал разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо советы тогда были эсеро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (то есть для большевиков) и свободную борьбу партий внутри Советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам захватить Советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он, несомненно, облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускоряя их изоляцию, отрыв от масс“[2].

В свете этой тактики нашей партии необходимо посмотреть, как она практически преломлялась в Казанской организации, как боль-

---

[1] Сталин. „Вопросы ленинизма“.

[2] Сталин. „Вопросы ленинизма“, стр. 129, изд. 7

шевики Казани развертывали борьбу в определенном партией направлении.

В борьбе за завоевание Советов большое значение имела работа, проделанная большевистской организацией вокруг вопроса о введении 8-часового рабочего дня, хотя в период борьбы за него организация не представляла себе еще роли Советов и не ставила задачей их завоевание; в этот период, как мы видели, организация выставляла старый лозунг „демократической республики". Но как бы то ни было, борьба за 8-часовой рабочий день обеспечила рост симпатий большевикам. И если бы не ошибка партийной организации, которая была допущена в отношении оценки линии поведения меньшевиков в вопросе о проведении 8-часового рабочего дня, то степень завоевания большевиками своего влияния на этой почве могла бы быть несравненно более высокой. Ошибка организации, об'яснявшаяся неоформленностью взглядов по тактическим вопросам на протяжении марта-апреля, как раз того времени, когда развертывалась борьба за 8-часовой рабочий день, выразилась в том, что в газете „Рабочий" от 31 марта было провозглашено, что „на высоте положения оказался Казанский Совет и в вопросе о 8-часовом рабочем дне". Это не отвечало действительности и об'ективно означало похвалу меньшевикам, окопавшимся в Совете. Действительная линия меньшевиков в Казани даже там, где было их влияние, рабочие откладывали его введение в вопросе о 8-часовом рабочем дне, была явно соглашательской, и интересах „обороны родины" до окончания войны.

Что касается постановления Совета о введении 8-часового рабочего дня, то оно было принято исключительно в результате давления рабочих масс и уже после того, как 8-часовой рабочий день был введен на ряде предприятий явочным порядком.

Да и в самом постановлении Совета была оставлена лазейка для того, чтобы проведение его не так сильно ударило по капиталистам и по „обороне". Наряду с признанием необходимости осуществления 8-часового рабочего дня во всей России и проведения его в Казани, имеется и такой пункт:

„Признать допустимым по обстоятельствам военного времени отступление от данного принципа в отдельных конкретных случаях, не исключая возможности сверхурочных работ, но лишь при непременном условии добровольного соглашения рабочих и предпринимателей".

Итак,-отступление от принципа в отдельных случаях, да еще сверхурочные работы, вследствие обстоятельств военного времени. Такая линия меньшевиков и эсеров вполне увязывалась с их действительной

практической работой, которая сводилась к тому, чтобы рабочие „добровольно“ шли на соглашение с предпринимателями.

Большая разоблачительная кампания была проведена организацией по вопросу о „займе свободы“ („займе неволи“, как его называли большевики), в связи с принятием постановления Совета о поддержке займа. В результате—рабочие многих предприятий резко протестовали и отказывались брать заем. Особенно это сильно было проявлено рабочими Порохового и Алафузовского заводов. Подписка на заем проходила очень вяло, почти совершенно не захватывая широкие слои трудящихся. По отчету, помещенному в „Камско-Волжской Речи“ 3/16 мая, подписка на заем по городу и 8 уездам дала 6.590.250 руб. при 899 подписавшихся. Эти цифры ясно указывают на то, что займом охватывались, главным образом, „толстосумы“.

Оборонческие настроения в Совете, под влиянием меньшевиков и эсеров, были чрезвычайно сильны, и борьба с ними была не легкой.

Для характеристики степени зараженности Совета оборончеством приведем такой факт. 4/17 мая председатель СРСД Поплавский (правый с.-р.) в связи с нарушением массами соглашательской воли Совета, разразился открытым письмом к товарищам солдатам, кои „решились нанести тяжелое оскорбление мне, а в лице моем всему СРСД. Эти лица позволили себе при посредстве грубой силы, без ведома Исполнительного Комитета, перевести Сандецкого из Красного Креста на гауптвахту. В то время, когда враг готов раздавить молодую Россию, когда нужно забыть все споры, наши товарищи дышат чувством мести, вчера они тащили Сандецкого, завтра потащат меня. Вчера я был на вокзале, провожая маршевые роты, и ваши товарищи солдаты 94 полка видели, что я не мог говорить, я стоял и плакал. Из 1.000 человек явилось к посадке не более 300 человек. Куда мы идем. Я слагаю с себя обязанности председателя . . . еду на фронт . . . пусть убьют меня немцы“.

Тот самый Поплавский, который в Октябрьские дни в Казани в качестве командира батареи направлял жерла пушек против восставших революционных рабочих и солдат, еще в мае проливал слезы по уходящей из-под ног почве.

И когда Поплавский снял с себя обязанности председателя, то Совет, проникнутый к нему глубоким „оборонческим“ сочувствием, избирает его своим почетным председателем, а вместо него в качестве работающего председателя выбирает достойного ему другого правого с.-р.—прапорщика Галанова.

Большая борьба с меньшевиками и эсерами была проведена как в Совете, так и непосредственно на массовых собраниях и митингах по вопросу об отношении к Временному Правительству во всех его составах.

Когда 5/18 мая произошло обновление Временного Правительства с введением социалистов, Совет не замедлил выразить доверие этому коалиционному правительству. Так, 9/22 мая собранием Совета было принято следующее постановление:

„1. Обновление состава Временного Правительства с привлечением к участию в нем представителей Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов явилось безусловно необходимым, как единственное средство создать единую твердую власть, при отсутствии которой неминуем разгром русской армии на фронте, самая ужасная разруха внутри страны и гибель свободы.

2. Собрание выражает полное доверие обновленному Временному Правительству и считает обязанностью всех граждан безусловное подчинение правительству, за каждым решением которого отныне стоит весь авторитет, все влияние Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

3. Всякий, кто призывает к неповиновению обновленному Временному Правительству, является изменившим делу революции и врагом народа“ [1].

На собрании, главным образом, были представители ротных, полковых и других комитетов и не было депутатов рабочих и крестьян. Большевики же ввиду того, что им не было дано возможности высказаться, покинули собрание, а в ответ на указанную выше резолюцию т. Тихомирнов поместил письмо в газете „Рабочий“ такого содержания:

„В печати появилась резолюция Казанского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов о коалиционном министерстве, при чем сказано, что она принята единогласно.

Считаю своим долгом заявить, что я с группой товарищей, в виду того, что нам не дано было возможности высказаться, ушел с собрания, не дожидаясь голосования резолюции и, таким образом, в голосовании ее не принимал никакого участия.

Самое собрание, происходившее в понедельник в 12 часов дня, не могу считать заседанием Совета К и РД, так как на заседании не были, да и не могли явиться, представители рабочих и крестьян.

С товарищеским приветом, член Совета В. Тихомирнов“ [2].

[1] „Казанская Рабочая Газета“ № 25 от 9/V 1917 г.

[2] „Рабочий“ № 14 от 25/V 1917 г.

Одновременно с этим письмом и после него в „Рабочем“ помещается ряд статей в связи с обновлением Временного Правительства, в которых указывалось на то, что классовая сущность Временного Правительства от введения в него „социалистов“ не изменяется, что оно попрежнему остается буржуазно-помещичьим и что никакой поддержки ему быть не должно и т. п.

Борьба большевиков с меньшевиками по вопросу об отношении к Временному Правительству была вместе с тем борьбой против коалиционных иллюзий, прививавшихся меньшевиками среди масс. В этой борьбе большевики одерживали успех за успехом, о чем свидетельствует систематическое проваливание резолюций о доверии Временному Правительству на собраниях пороховских и других рабочих и сочувствие большевикам, выражаемое на многочисленных митингах, проводимых по самым разнообразным вопросам.

Приведем одну из резолюций, характеризующих отношение рабочих к коалиционному правительству, принятую 9/22 мая общим собранием клуба „Новая жизнь“, об'единявшего рабочих фабрики „Поляр“.

„Считая, что состав коалиционного министерства, вышедшего из рядов буржуазии и узурпировавшего власть у революционного народа, не может отвечать интересам демократии и итти по пути интернационала, рабочие, члены клуба, единогласно выражают свое отрицательное отношение к управлению страной коалиционным министерством, находя, что под понятие государственной власти входит лишь та власть, которая выльется из самого народа и его собственных интересов, в частности, рабочий клуб выносит протест Казанскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, занявшему позицию, идущую в разрез с требованиями революционного момента“ [1].

Но и в самом Совете настроение в отношении Временного Правительства складывалось далеко не в пользу руководящего большинства Совета. На собрании 14/27 мая большевиками, в связи с принятием Советом 9/22 мая постановления о доверии коалиционному правительству, было сделано заявление (аналогичное письму т. Тихомирнова) с упором на то, что собрание, принимая постановление, было неправомочным, так как на нем не могли быть депутаты рабочих и крестьян, а большевики вынуждены были уйти. Одновременно с этим встал вопрос о правомочности данного собрания, при этом в результате голосования обнаружилось, что „из 206 депутатов, присутствовавших

[1] „Рабочий“ № 15 от 28/V 1917 г.

на собрании, считают его законным 110 человек, остальные 96 чел. воздержались и почти все ушли с собрания"[1].

Руководитель партийной организации т. Тихомирнов на страницах печати совершенно правильно оценил этот уход, как шаг ошибочный, так как он означал фактически отказ довольно значительной группы членов Совета в 96 человек от продолжения борьбы по другим вопросам. Но как бы то ни было, самый факт ухода с собрания знаменателен тем, что он показывает настроение, складывавшееся не в пользу меньшевистско-эсеровского руководства в Совете.

Особенно ярко проявилось назревание отхода от меньшевистско-эсеровского блока беспартийных депутатов на собрании 4/17 июня по вопросу о кронштадтских событиях. Меньшевики во главе с Юрием Денике обвиняли на собрании Кронштадтский Совет в преступлении перед „родиной", перед „революцией" и в таком же духе предложили резолюцию.

Против этой резолюции голосовало 129 человек и 11 воздержалось за резолюцию голосовало 290 голосов.

В связи с тем, что в Совете назревало недовольство политикой меньшевиков и эсеров и довольно значительная часть депутатов явно переходила на сторону большевиков, а также в виду того, что непосредственно в массах влияние большевиков проявлялось все сильней, дело доходило до того, что большевикам отказывали в возможности работать в культурно-просветительной секции на том основании, что „большевики будут проводить не те идеи, которых придерживается Совет, а свои, большевистские"[2].

В борьбе за Совет большевистская организация развернула с июня широкую кампанию за перевыборы и реорганизацию Совета. Целью этой кампании ставилось оздоровление состава Совета, избрание людей, уходящих своими корнями в широкие рабочие трудящиеся массы, которые бы отражали волю этих масс и превращение Совета в сильную и авторитетную организацию. Основным руководящим принципом кампании, как и всей деятельности организации, являлось положение, зафиксированное в решениях общегородской партийной конференции 21 мая (3 июня) о том, что, „все развитие революции идет в направлении перехода власти в руки Советов". Этой же конференцией были даны и принципы реорганизации Совета. Партийная организация в связи с начатой кампанией распространила проект

---

[1] „Рабочий" № 17 от 4/VI 1917 г.

[2] „Рабочий" № 16 от 1/VI 1917

наказа, излагавший политическую линию большевиков, которым должны были руководствоваться избиратели и избранные депутаты.

По вопросу о реорганизации Совета большевики предлагали, прежде всего, установить правильное представительство, так как фактически существовавшее представительство, как отмечал в свое время т. Тихомирнов в специальной статье о реорганизации, выглядело так: „Мастерская с пятью рабочими имеет такое же число представителей как фабрика или завод в 1.000 человек“ [1]. Неправильность представительства, безусловно, крайне отрицательно отражалась на составе Совета, ибо такие большие заводы, как Пороховой или Алафузовский с наиболее старыми и выдержанными кадрами рабочих, имели крайне ограниченное число депутатов в Совете. Меньшевикам и эсерам это, разумеется, было выгодно. Совет разбавлялся ими за счет мелкобуржуазных элементов, наиболее легко поддававшихся их обману. В числе других мероприятий по реорганизации Совета предлагалось отменить право кооптаций и назначений, которым Совет пользовался довольно широко и опять-таки в интересах господствовавшей группы меньшевиков и эсеров. Так, например, в самом начале организации Совета была кооптирована целиком рабочая группа Военно-Промышленного Комитета, которая по своему составу была сплошь меньшевистской. Начавшаяся в июне кампания перевыборов Совета длилась и на протяжении последующих месяцев. Но на данном отрезке времени большевики, несмотря на серьезные успехи, все еще продолжали оставаться в меньшинстве, хотя и значительно возросшем. Потребовалось дальнейшее развитие событий—июльские и корниловские дни, чтобы массы на опыте избавились от своих ошибок и окончательно перешли на сторону большевиков.

[1] „Рабочий“ № 20 от 15/VI 1917 г.

III. ОТ ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ ДО КОРНИЛОВЩИНЫ.

1. Отражение июльских событий в Казани.

Общее наступление буржуазии в июльские дни, предпринятое задолго до этого, чрезвычайно усиливается по всем направлениям. Владельцы крупнейших предприятий в Казани Алафузовы, Крестовниковы, Шабановы и другие всячески усиливают нажим на рабочих путем нарушения 8-часового рабочего дня, снижения зарплаты, закрытия предприятий, массового увольнения рабочих.

Методы борьбы одного из крупных казанских предпринимателей Шабанова так описаны в газете „Рабочий": „Он умышленно стал уклоняться от подрядов интендантства, передавая их другим владельцам, сокращал число мастерских и рабочих. Грозил безработицей. Шабанов не давал материалов для работы"[1].

На крупных предприятиях в силу того, что большевистская организация в период июльских событий сосредоточила здесь свои основные силы, наступление буржуазии в значительной степени парализуется организованным отпором со стороны рабочих.

Иное дело на мелких фабриках и заводах, где при отсутствии крепких большевистских фабзавкомов, при малочисленности рабочих и недостаточной сплоченности их, рабочие не в состоянии были дать организованный отпор бешенному натиску классового врага.

Характерный пример, хозяин столярной фабрики Стам 24 июня (7 июля) об'явил рабочим расчет под предлогом, что с июля истекает срок отсрочки учетникам. Но уволены были все рабочие, в том числе и те, кто на военном учете не состоял.

Администрация лаборатории артиллерийского склада снизила работницам зарплату на 60%, когда же работницы, отказались продолжать работу на этих условиях, то было уволено 170 человек.

Предприниматель мыловаренного завода т-ва Араслановых и К-о прекращает выдачу рабочим харчей, выживает их с квартир и, наконец, закрывает завод и выбрасывает сотни рабочих[2].

---

[1] „Рабочий" № 21 от 18/VI 1917 г.

[2] „Рабочий" № 33 от 20/VII 1917 г.

Одновременно с наступлением предпринимателей военная клика, вводя смертную казнь на фронте, всеми своими мероприятиями проводила политику изоляции большевиков в армии, обуздания солдат и превращения их в слепое орудие в руках контрреволюции.

Командование Казанского округа и гарнизона издает приказ за приказом, требуя беспрекословного подчинения офицерам, принимает меры недопущения „насилий" над начальниками, угрожая „виновникам" срыва дисциплины судом, арестовывает большевистских агитаторов, учиняет над ними физические насилия и т. д. При этом в ход пускаются все реакционные силы. К штабу округа прикомандировываются видные жандармские офицеры и назначаются в качестве председателей и членов военной цензуры. Более мелкие жандармы зачисляются в резерв местных команд [1].

Черносотенное офицерство организуется в ячейки союза офицеров армии и флота; из черносотенных элементов формируются ударные батальоны, в Казань стягиваются контрреволюционные силы — из Чистополя была переброшена школа прапорщиков, а из Пензы эскадрон драгун.

Совет Солдатских Депутатов и Исполнительный Комитет Совета РСД, находившиеся в руках меньшевиков и эсеров, всячески поддерживают контрреволюционные мероприятия командования. Исполнительный Комитет СРСД в период июльских событий запретил все митинги, собрания и манифестации.

В деревне казанские ставленники Временного Правительства, при активной помощи меньшевиков и правых эсеров, пытаются вооруженным путем подавить крестьянское движение. В целях обезглавливания крестьянского движения основной удар направляется против большевиков и других активных работников в деревне. Арестовываются в Спасске тов. Гордеев, Мохов и др., в Чистополе Комитет общественной Безопасности совместно с меньшевистским Советом РСКД. предпринимает все меры к ликвидации большевистской организации.

Не меньшую активность в наступлении на трудящихся в период июльских событий проявила и татарская буржуазия.

До июля татарская буржуазия всячески лавировала, выступая под прикрытием националистических лозунгов, всеми силами стремилась взять под свое влияние революционное движение широких масс татарских трудящихся и использовать его в своих целях.

---

[1] Н. Ежов. „Военная Казань", стр. 75.

Когда же ей не удалось отыграться на национальных и религиозных чувствах татарских трудящихся, она резко меняет свою тактику, становится на путь открытой контрреволюционной деятельности и проводит ее в тесном контакте с русской контрреволюционной буржуазией. В июльские дни она охотно предоставляет свои услуги Временному Правительству для борьбы против революционных рабочих и солдат Петрограда.

На об'единенном заседании трех с'ездов татарской буржуазии в Казани 19 июля (2 августа) член Всероссийского Мусульманского Совета Ш. Мухамедьяров говорил: „Всероссийским Мусульманским Советом в этом направлении предприняты некоторые шаги, именно, во время петроградских событий 3-5 июля, когда Временному Правительству угрожала серьезная опасность, Мусульманский Совет обратился к Временному Правительству с предложением своих услуг, обращение было сделано князю Львову, который тогда выразил свое принципиальное согласие".

После июльских событий особенно усиливается консолидация татарской контрреволюционной буржуазии: создается целый ряд буржуазно-националистических организаций. В середине июля в Казани проходят три с'езда татарской буржуазии [1]. На них принимаются реакционные решения, об'является „культурно-национальная автономия". На военном с'езде создается „Харби-Шуро" (Военный совет), основной задачей которого было сколачивание из татарских частей послушной армии для защиты интересов татарской буржуазии. Уже в сентябре Харби-Шуро принимает активное участие в подавлении „советского мятежа" в Ташкенте, куда им были командированы в составе карательного отряда, специально направленного Временным Правительством из Казани, подпоручик Альмяшев и штабс-капитан Рафиков.

Мусульманский Социалистический Комитет в период июльских событий особенно ярко проявляет свою мелко-буржуазную сущность. Его руководитель М.-Н. Вахитов принимает активное участие во 2-ом Всероссийском мусульманском с'езде. По поводу постановления об об'явлении „культурно-национальной автономии", принятого на об'единенном заседании трех с'ездов, в передовице газеты „Кзыл-Байрак" органа МСК—мы читаем: „об'явление культурно-национальной автономии для внутренней России мы встречаем с искренней радостью. Это постановление было вынесено в 9 часов вечера 17 шеввела по Гиджре (т. е. 17/30 июля 1917 г.) под песни корана и под трехкратную

[1] 2-й Всероссийск. мус. с'езд, воен. с'езд и с'езд мулл.

хвалу богу. Этот день должен считаться днем исторического праздника, восстановившим культуру мусульман „внутренней России“ [1].

Выше мы указали, что социалистические лозунги, выброшенные МСК вначале, не соответствовали его внутреннему содержанию. У МСК, как мелкобуржуазной организации, не было и не могло быть последовательной линии в практической деятельности. Половинчатость позиции его проявлялась на всем протяжении деятельности.

Критикуя буржуазию, он не вел линию решительного разрыва, а подчас блокировался с ней, участвуя в выборах буржуазно-националистических организаций. 11, 12 августа 1917 г. МСК принимает участие в выборах губернского „Милли-Шуро“. В списке кандидатов, на ряду с представителями татарской буржуазии (Туктаров, Альметьев и др.), фигурирует кандидатура М.-Н. Вахитова, как представителя МСК.

Все это ясно характеризует МСК, как мелкобуржуазную организацию.

Травля, преследования, клевета на большевиков в июльские дни достигают чудовищных размеров.

Один из активных участников 1917 года, тов. Бочков, июльские дни в Казани описывает так: „Пришли июльские дни, на некоторое время заставившие нас свернуться и уйти в подполье... Газета „Рабочий“ была закрыта 9 августа на 39-м номере, помещение Комитета и редакции опечатано. Нас стали травить, нельзя было выйти на улицу, офицерство, юнкера и различные черносотенные элементы издевались, нередко избивали и отправляли в участок. Я помню один из митингов, устроенных меньшевиками на Черном озере, на котором господа Рясенцевы, Денике и правые эсеры произносили погромные речи на тему, что большевики продались кайзеру, что их нужно уничтожить“ [2].

Буржуазия при активном содействии меньшевиков и правых эсеров зверски расправлялась с большевиками, рабочими и революционными солдатами. Из солдатских масс она особенно ненавидела большевистски настроенных артиллеристов. Черносотенные элементы устраивали уличные расправы над отдельными артиллеристами. Об одном из таких гнусных случаев расправы газета „Рабочий“ сообщала: „3 июля в саду Черное озеро, проходя мимо одной группы ударников, человек около 70, я слышал их разговор. Они говорили, что мы сегодня не уйдем из сада, покамест не убьем хотя бы одного артиллериста.

[1] „Кзыл- Байрак“ № 7 от 26 июля 1917 г.

[2] Воспоминания т. Бочкова (архив Татистпарта)

Факсимиле доноса чиновника почты на газету „Рабочий"—орган Казанского комитета РСДРП(б).

И вдруг со свистом пошли в оцепление сада Черного озера уже не около семи десятков, а целым батальоном для того, чтобы сделать облаву и убивать товарищей артиллеристов и наконец у двух артиллеристов оказались разбитые головы"[1].

Казанская буржуазия, в частности военное командование округа и гарнизона, давно добивалась закрытия большевистской газеты „Рабочий".

Чиновник почты Петр Кальнинг 15 июля, представляя на имя командующего округа два номера газ. „Рабочий", доносил, что „вышеозначенный орган ленинского толка и издающийся на германские деньги, так как на нее подписчиков, по всей вероятности, нет; но большими массами отправляют в рабочие центры для распространения, а также между солдатами".

На этом доносе командующий наложил резолюцию: „Прошу прапорщика Генца просмотреть газету „Рабочий" за последний месяц и собрать материал для представления к закрытию этой газеты".

И 9/22 августа в помещение редакции газ. „Рабочий" явился представитель губернской администрации—заведующий делами печати, правый эсер Г. М. Залкинд, с нарядом милиции и на основании распоряжения Временного Правительства о закрытии газеты „Рабочий" опечатал редакцию. В типографии, где печаталась газета, был рассыпан набор очередного номера. В оправдание закрытия „Рабочего" меньшевистская газета писала, что, якобы: „От контрразведочного бюро получены данные, компрометирующие местную организацию большевиков в шпионаже"[2].

Рабочие же в ответ на закрытие большевистской газеты выступили с решительным протестом. В тот же день, 9/22 августа, рабочие фабрики „Поляр" приняли следующую резолюцию:

„1) Закрытие газеты „Рабочий", одной из защитниц рабочего класса, есть поход контрреволюции на завоеванную рабочим, солдатом и крестьянином свободу,

2) мы решительно протестуем против закрытия газеты „Рабочий" и бездействия органов власти в борьбе с контрреволюцией, направившей свои неистовства на проснувшуюся трудовую революционную демократию,

3) мы, рабочие фабрики „Поляр", призываем всех, кому дороги наши завоевания, сплотиться вокруг III Интернационала и об'явить беспо-

---

1 „Рабочий" № 32 от 27 июля 1917 г.

2 „Казанская Рабочая Газета" № 98 от 19/VIII 1917 г.

щадную борьбу буржуазии, ведущей контрреволюционное наступление на трудовой народ“[1].

Аналогичные резолюции выносились и на других предприятиях. Возмущение рабочих грозило вылиться в стихийное выступление, в целях предотвращения его Казанский Комитет большевиков 11/24 августа обратился с следующим воззванием:

„В связи с возмущением казанского пролетариата закрытием газеты „Рабочий“ и нарастающим революционным настроением широких масс, в городе циркулируют слухи о предполагающейся демонстрации и других выступлениях, устраиваемых неизвестно кем под флагом большевиков. В виду этого Казанский Комитет РСДРП(б) заявляет, что участия в этих выступлениях не принимает и призывает членов своей организации, а также сочувствующих ей подчиниться постановлению Комитета, считая, что всякие неорганизованные выступления могут быть с провокационной целью использованы контрреволюционными элементами и нанести непоправимый удар революционному пролетариату. Комитет добавляет, что в нужный момент он сам призовет товарищей активно выступить на защиту выставляемых им лозунгов“.

Большевистская организация, загнанная в подполье, продолжала энергичную работу. Она решительно и без боязни бичевала контрреволюцию, меньшевиков и эсеров, вскрывая всю ложь и клевету на нашу партию. Контрреволюции не удалось ее разгромить в июльские дни. Большевики Казани до этого успели тесно связаться с рабочими массами и упрочить свое влияние.

Задача организации в этот период — в период жестоких преследований, направленных к тому, чтобы обезглавить рабочее движение, разгромить большевистскую организацию, заключалась в том, чтобы сохранить организацию и, используя все легальные возможности для связи и руководства массами, вывести их из под-удара врага с наименьшими потерями.

И в этот ответственный момент Казанская организация большевиков оказалась на высоте положения.

2. Тактика и состояние организации после июльских дней.

После июльских событий обстановка круто изменилась. „Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть в решающем месте перешла в руки контрреволюции“. (Ленин)

---

[1] „С.-Р.“ № 28 от 13 VIII 1917 г.

Линия Казанской организации после июльских событий выражена в решениях общегородской конференции, состоявшейся 19 июля (1 августа) в Казани. В резолюции конференции по вопросу оценки текущего момента говорится: „Задача рабочего класса и его авангарда—революционной социал-демократии—является всеми силами содействовать тому, чтобы на смену этой власти пришла не какая-нибудь другая власть, а власть только пролетариата, опирающаяся только на поддержку революционного крестьянства. Только этот класс при современных условиях может создать действительно крепкую власть, способную разрешить стоящие перед Россией задачи. Борьба за диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства в лице Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, диктатуру, острие которой направлено против капитала как русского, так и иностранного, и является очередной задачей революционной социал-демократии“ [1].

Организация, правильно оценивая обстановку после июльских событий и выдвигая основным лозунгом партии—борьбу за диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, однако, не могла еще четко представить пути ее осуществления, не сделала вывода из указаний Ленина до решений VI с‘езда партии о необходимости снятия лозунга „Вся власть Советам“ на данном этапе развития революции. Лишь после решений VI с‘езда организация усваивает новую тактику партии.

Но в рядах организации были отдельные члены ее, не усвоившие тактику партии и после VI с‘езда, продолжавшие отстаивать старый лозунг мирного перехода власти в руки Советов. (Статья И. Мохова в газ. „Рабочий“ № 39 от 20 августа).

Оказались и такие, которые после июльских событий дезертировали из организации; среди них были: А. Комлев, С. Мохов. Участник того периода тов. Большаков в своих воспоминаниях приводит такой разговор с Комлевым, когда последний вышел из организации. Большаков говорил: „Вам, старому партийцу, стыдно поддаваться провокации и бросать организацию в то время, когда нужна сильная спайка в ее рядах. Скоро выборы в Думу, нужна агитация, а сил у нас нет, вы нужны партии“. А. Комлев на это отвечал: „Ты ничего не знаешь. Пока с партии это позорное пятно не будет снято, я в ее рядах не могу быть. Партия должна в лице Ленина и других себя реабилитировать, только после этого можно будет говорить о работе“... Он ушел и с этого времени мы его в своих рядах не видали“ [2].

---

[1] „Рабочий“ № 35 от 24/VII 1917 г.

[2] Воспоминания тов. Большакова (архив Татистпартотдела).

В борьбе против этих оппортунистических шатаний и прямого дезертирства некоторых из своих членов организация после июльских дней стала еще более сплоченной и подготовленной к предстоящим боям. Влияние и авторитет ее среди рабочих и солдат сильно возрастает. К VI с'езду партии состав организации с 400 членов в период апрельской конференции увеличивается до 650 человек. Этот рост идет главным образом за счет укрепления и роста ячеек крупных предприятий Порохового завода, Алафузовского, Шабанова и др. Усиливается влияние большевиков и в деревне.

Довольно сильная организация большевиков на периферии к моменту VI с'езда партии имелась на Бондюжском заводе[1], организованная и руководимая такими видными старыми большевиками как т. Карпов Л. Я., работавший тогда директором завода, и тов. Гассар С. Н., который в 1908 году был выслан в пределы б. Елабужского уезда и руководил подпольной работой на Бондюжском заводе.

„С первых дней Февральской революции на заводе начались собрания и митинги рабочих и сразу же появились течения различных партий: с одной стороны выступал социал-демократ (большевик) С. Н. Гассар, с другой Б. И. Збарский (правый эсер) и Ситников (кадет)... Надо отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство, что Совет Рабочих Депутатов, несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров в проведении в жизнь насущных вопросов рабочих, был весьма единодушен и, главное, настойчив, чему способствовало то, что первым председателем Совета был большевик тов. Климов Григорий“ [2].

Большой перелом создали у рабочих июльские события. Благодаря упорной борьбе и решительному разоблачению большевиками в широких массах и в рабочих организациях контрреволюционного существа кадетов и предательской роли меньшевиков и эсеров, идет быстрый процесс революционизирования рабочих, завоевания их большевиками и освобождения из-под влияния мелко-буржуазных партий.

К этому времени была небольшая, но сплоченная организация большевиков и в г. Чистополе, в количестве 18—20 человек, возникшая в начале июня. Она сумела развернуть энергичную работу среди рабочих завода б. Провоторова и солдат гарнизона по

[1] Хотя Бондюжский завод был на территории б. Вятской губернии, но парторганизация с самого начала возникновения имела связь с Казанской организацией большевиков. В работе Бондюжской организации в этот период принимали активное участие тов. Богаутдинов Г., Усачев М., Г. Климов, Фасхутдинов и др.

[2] Воспоминания участников—архив Татистпартотдела.

Л. Я. КАРПОВ.

Старый большевик, участник ряда партийных с'ездов, известный ученый химик. В 1916-17 гг. будучи директором Бондюжского завода, руководил большевистской группой завода. Впоследствии работал в центре. Умер в 1921 г.

разоблачению контрреволюционной деятельности Комитета Общественной Безопасности и против меньшевиков и эсеров, засевших в Совете РСКД[1].

Один из руководителей большевистской организации—т. Гуськов И. в своих воспоминаниях отдельные моменты борьбы большевиков этого периода описывает так: „Начиная с июльских дней, отношения нашей организации со всеми официальными организациями стали очень напряженными. Тов. Барышев рассказывает[2], что когда он приехал, у Корнилова в его избушке почти ежедневно происходили собрания. В это время они уже вели очень активную борьбу в Советах, и отношения настолько обострились, что привели к аресту тов. Барышева.

Корнилов и здесь организовал выступление масс и послал делегацию от рабочих и Барышева освободили“[3].

Помимо Бондюжской и Чистопольской организаций, в этот период оформленной большевистской группы на периферии не было, но отдельные большевики—т. Гордеев, работавший в г. Спасске, Красильников—в г. Козьмодемьянске и др., вели энергичную работу, группируя вокруг себя актив из рабочих, бедноты и большевистски настроенных солдат-фронтовиков.

3. Большевизация рабочих масс.

VI с'езд партии экономическое положение страны и политику капиталистов в послеиюльский период охарактеризовал следующим образом: „Этот с каждым днем обостряющийся кризис усиливается политикой буржуазии, которая, боясь потерять вместе с политической властью и власть над организованным производством, не только не организует его, но ведет политику саботажа, прибегая к скрытым локаутам, остановке производства и т. д., сознательно способствуя экономическому хаосу в целях использования его для дела контрреволюции“[4].

Казанские предприниматели дают яркий пример этого вредительства и саботажа. Путем развала хозяйства и обострения продовольственного кризиса они старались привести к тому, чтобы „костлявая

---

[1] Организаторами и руководителями группы были тт. Гуськов И., Г. Корнилов и Барышев.

[2] С этого момента тов. Гуськов, в виду его выезда в средине августа в Москву, передает об этом со слов тов. Барышева.

[3] Воспоминания тов. Гуськова. (Архив Татистпартотдела ОК).

[4] VI с'езд, изд. 1927 г., стр. 257.

рука голода схватила рабочих за горло". Ряд фактов свидетельствует об этой ничем не прикрытой дезорганизаторской политике.

Так, заводчик Арасланов в ответ на требования рабочих об увеличении жалованья на 60%, улучшении питания, восстановлении рабочих, уволенных без уважительных причин, и в частности об освобождении от работы 63-летнего Юзликеева Халиуллы, проработавшего на заводе 35 лет, с выдачей ему пенсии, об'являет о закрытии с 19 июля (1 августа) завода под предлогом отсутствия материалов.

Рабочие, зная, что сырья имеется не только в достаточном количестве, но и сбывается на сторону, обратились в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов с требованием немедленно назначить комиссию от Совета для расследования. Под нажимом рабочих меньшевистский Совет вынужден был выделить комиссию.

В результате обыска, произведенного комиссией совместно с рабочими завода 30 июля (12 августа) на заводе Араслановых, было обнаружено в подвалах следующее количество скрытого сырья: 5.000 пуд. сала, 2.000 пуд. хлопкового масла, 1.000 пуд. конопляного масла, 1.000 бочек силиката, 300 пятериков дров и много другого сырья.

По заключению комиссии наличное сырье и топливо обеспечивали работу завода на несколько месяцев, не считая сырья в пути, прибывающего на завод.

В тот же день этой комиссией по требованию рабочих был произведен обыск в подвале Казаковых, где было обнаружено скрытой патоки в количестве 1.000 бочек, принадлежавших тем же Араслановым[1].

Вредительство со стороны предпринимателей выражалось и в таких формах как поджог своих предприятий и т. д. Об одном таком случае фабричный инспектор сообщал в отдел труда следующее: „В Игумновой слободе в Казани произошел пожар и распространился слух о том, что кожевенные заводы подожгли сами владельцы этих заводов, а потому надо всех кожевенных заводчиков избить и взять в штыки.

Во избежание самосуда толпы многие заводчики уехали поскорее из слобод в город, трех же заводчиков: С. Ф. Козлова, И. Е. Жегалова и Н. Е. Чалахянца милиция решила арестовать и тем самым спасти их от расправы толпы. Случайно присутствовавшего на пожаре владельца кожевенного завода и обмундировальных мастерских

---

1 „Кзыл-Байрак" № 4 от 5/VII 1917 г.

В. Г. Шабанова толпа солдат чуть не избила, хотя завод Шабанова находился в другой части города, в Ягодной слободе".

Нет никакого сомнения в том, что хозяева указанных заводов в целях лишения рабочих работы и получения страховых премий, сами поджигали свои предприятия.

Случаи вредительства и попытки поджогов наблюдались и на других предприятиях. Не даром общее собрание рабочих фабрики „Поляр" 31 августа (13 сентября) прямо говорит об этом в своей резолюции:

„Во избежание покушений на фабрику, как-то: поджогов и других провокационных замыслов, установить строгий надзор за фабрикой"[1].

В этой обстановке перед рабочим классом выдвигалась неотложная задача борьбы за осуществление рабочего контроля над производством. Задолго до этого наша партия пропагандировала задачу рабочего контроля. Ленин еще в апрельских тезисах указывал на необходимость и неизбежность рабочего контроля над производством и распределением продуктов.

Большевики, выдвигая рабочий контроль как важнейшую задачу, вместе с тем ясно учитывали, что лишь завоевание власти пролетариатом обеспечит полное осуществление задач рабочего контроля и перехода промышленности в руки рабочего класса. Ленин в статье „Грозит разруха", рассматривая рабочий контроль, как неизбежный шаг к социалистической революции, эту задачу формулировал следующим образом: „Капиталисты привели и приводят все страны к гибели. Спасение одно: революционная дисциплина, революционные меры революционого класса пролетариев и полупролетариев, переход всей государственной власти в руки одного класса, который сможет на деле ввести именно такой контроль, на деле провести победоносно борьбу с тунеядством"[2].

Рабочие Казани, под руководством большевистской организации, раскусили политику буржуазии и в ответ на ее дезорганизаторские действия приступают через фабзавкомы к осуществлению в той или иной форме рабочего контроля.

Отметим несколько фактов, характеризующих эту борьбу рабочих.

Борьба за рабочий контроль на Пороховом заводе привела к тому, что большевистский завком сравнительно быстро концентрировал в своих руках прием, увольнение, заботу о снабжении рабочих и охрану завода. Не даром на попытки ставленников Временного Правитель-

---

[1] „Соц.-Революционер" № 33 от 10/IX 1917 г.
[2] Ленин, том XX, стр. 373

ства назначить комиссара на завод, общее собрание рабочих коротко ответило: „Мы, рабочие Порохового завода, собравшись на общем собрании 3 августа в здании рабочего дома, не находим нужным и целесообразным присылку на наш завод комиссара и требуем от Временного Правительства его не присылать“[1].

Рабочие казанского трамвая дают решительный отпор вредительской работе администрации, направленной к систематическому разрушению трамвайного хозяйства. Они потребовали от Совета РСД немедленной ревизии всей деятельности администрации. Напуганная этим буржуазия забила в печати тревогу: „Рабочие сами начинают брать на себя управление трамваем и предлагают казанским властям убрать директора и его помощников в течение 3-х дней“[2].

На ряду с этими предприятиями, борьба за рабочий контроль в не менее яркой форме проходила также на фабриках „Поляр“, Шабанова и на Бондюжском и Кокшанском заводах.

В то время, как большевики вели борьбу за осуществление настоящего контроля над производством и распределением продуктов, меньшевики и эсеры всячески противодействовали этому и своей болтовней об „общественном“ правительственном контроле способствовали разрушительной работе капиталистов.

В борьбе рабочих с предпринимателями меньшевики и эсеры на всем протяжении революции являлись штрейкбрехерами, постоянно предавая интересы рабочих.

В июльские дни и после них меньшевики и эсеры своим предательством срывают ряд назревавших массовых выступлений рабочих на тех предприятиях, где они имели еще известное влияние.

В частности, мы имеем в виду стачку судоходных рабочих и служащих на Волге от 18/31 августа и назревавшую забастовку печатников, сорванные меньшевиками.

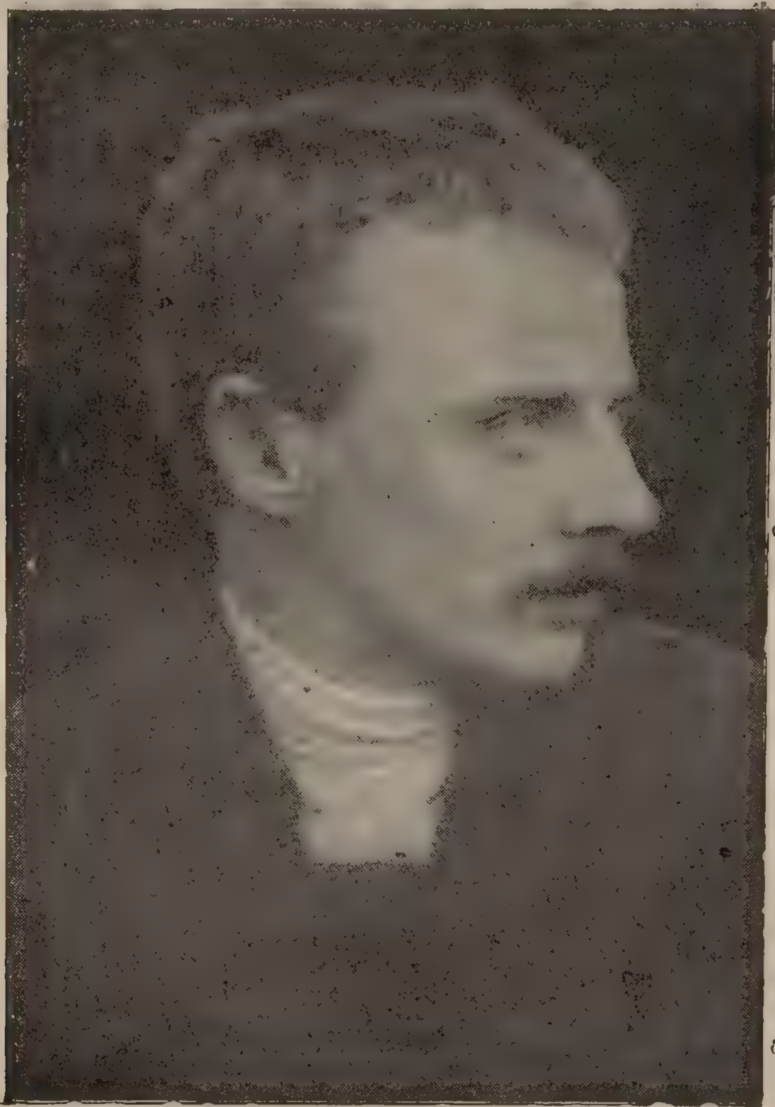
2/15 июля на общем собрании союза печатников[3] рабочие пред‘явили требования владельцам типографий о повышении зарплаты на 50% и о ежегодном недельном отдыхе и решили твердо бороться вплоть до об‘явления всеобщей забастовки по предприятиям печатного дела. Но меньшевики, руководители союза, настояли на избрании примирительной камеры и под ее прикрытием сорвали забастовку, навязав рабочим на собрании от 3/16 августа резолюцию с отказом

---

[1] Книга протоколов завкома Порохового завода за 1917 г.

[2] „К.-В. Речь“ № 173 от 10/VIII 1917 г.

[3] Самого реакционного тогда союза, правление было целиком меньшевистским **(ред.)**.



С. Н. ГАССАР.

Старый большевик. Руководитель Бондюжской большевистской организации 1917 г. Расстрелян чехо-учредиловцами в Казани в 1918 г.

от требований о недельном отдыхе. Меньшевики, предав дело печатников, поместили в своей газете заметку явно издевательского характера. „Несмотря на все трудности и условия работы—писали они,—все же печатники настолько любят родину и кровью добытую молодую свободу, настолько сознают необходимость печатного дела для революции, что нашли в себе гражданское мужество отказаться от кратковременного отдыха в настоящий момент, помня призыв большинства российской демократии: „Солдаты—в окопы, рабочие—к станкам"[1].

Во всех случаях, где меньшевики хоть сколько-нибудь имели влияние на рабочих, они прилагали все усилия не допускать выступлений рабочих против предпринимателей. Там, где меньшевикам не удавалось сломить упорство рабочих, они не останавливались перед посылкой вооруженных команд для „разрешения" конфликтов рабочих с предпринимателями.

Так было, например, на военно-сухарном заводе.

Рабочие, на опыте своей борьбы, в каждом конкретном случае убеждались в предательской роли меньшевиков и эсеров и усваивали правильность большевистских лозунгов.

В начале августа происходят в Казани две забастовки. Первая—на фабрике Шабанова и вторая—на кожевенном заводе Алафузова.

2/15 августа с утра забастовали рабочие обмундировальной мастерской Шабанова в количестве 2.450 человек, преимущественно женщины, пред'явив ряд требований.

Забастовка закончилась победой рабочих, благодаря твердой линии фабкома, действовавшего под руководством большевиков.

На примере забастовки рабочих кожевенного завода Алафузова, состоявшейся в начале августа, еще более ярко выявляется руководящая роль большевиков и предательство меньшевиков и эсеров.

По поводу этой забастовки, продолжавшейся несколько дней, на экстренном заседании исполнительной комиссии Центрального Бюро профсоюзов 6/19 августа меньшевиками была вынесена следующая резолюция: „Исполнительная комиссия Ц. Бюро профсоюзов, обсудив забастовку на кожевенном заводе Алафузова, начатую до решения спора в центральной примирительной камере, а также без уведомления Совета Рабочих Депутатов, находит, что означенная забастовка может сильно отразиться на ходе всего производства, поэтому исполнительная комиссия предлагает товарищам рабочим кожевенного завода прекратить забастовку и приступить к работе"[2].

---

[1] „Каз. Раб. Газета" № 95 от 6/VIII 1917 г.

[2] Фонд старшего фабричного инспектора, дело № 29 за 1917 г., л. 278.

Несмотря на предательство меньшевиков и эсеров, использовавших с этой целью аппарат Ц. Бюро профсоюзов, рабочие кожевенного завода под руководством большевиков и при поддержке рабочих других предприятий стойко продолжали свою борьбу. Союз сапожников, посадчиков и шорников постановил отчислить в стачечный фонд однодневный заработок. Борьба рабочих-кожевников окончилась полной победой, после чего рабочие-кожевники сами оказывают помощь бастующим московским рабочим-кожевникам, организовав в пользу их сбор пожертвований.

В борьбе рабочих с предпринимателями часть профсоюзов, а также ЦБ профсоюзов, вследствие меньшевистско-эсеровского засилья, играли соглашательскую, штрейкбрехерскую роль.

Но упорная работа большевиков на предприятиях по руководству повседневной борьбой рабочих и по разоблачению предательской роли соглашательских элементов обеспечивала завоевание масс и изоляцию меньшевистско-эсеровских верхушек ряда профсоюзов.

Совершенно другое положение, как отмечалось выше, мы видим в фабзавкомах. С самого начала их возникновения большевики в них (за исключением некоторых предприятий) пользовались исключительным влиянием. Роль фабзавкомов в борьбе рабочих была огромна, в особенности при меньшевистско-эсеровском засильи в верхушках некоторых профсоюзов и в Совете РСКД.

Рабочие-татары на казанских предприятиях не имели отдельных обособленных организаций. Они участвовали в борьбе с предпринимателями с русскими рабочими под общим руководством большевистских организаций и фабзавкомов. В составе фабзавкомов всех крупных предприятий Казани, Бондюжского и Кокшанского заводов были члены из рабочих-татар, которые вели работу среди рабочих-татар на их родном языке.

Так, в первом составе фабкома Алафузовских фабрик и заводов из рабочих-татар были и вели активную работу следующие товарищи: Хуснутдинов, Ситдиков, Сайфутдинов, Ахмадуллин С., Зайнутдинов И., Тазетдинов и др.

Для работы по политическому воспитанию рабочих-татар из членов завкома было выделено бюро в составе: Хуснутдинова, Ахмадуллина С., Зайнутдинова И.[1]

Дальнейшим этапом большевизации рабочих масс явились корниловские дни.

---

[1] Жур. „Джитакче" № 16, 1927 г., воспомин. рабочего Зайнутдинова.

Тов. Сталин в конце августа, оценивая этот период и вскрывая тактику контрреволюции, писал: „Характерной чертой этого периода нужно считать нарастание кризиса, полную растерянность правящих кругов, изоляцию эсеров и меньшевиков и массовую перебежку колеблющихся элементов на сторону большевиков.

Факт тот, что контрреволюции нужен был „большевистский заговор“ для того, чтобы расчистить дорогу Корнилову, идущему на Петроград, якобы для усмирения большевиков“[1].

На местах корниловщина в лице черносотенного офицерства и прочей контрреволюционной своры стягивала свои силы и открыто подготавливала свое выступление, используя для этого всякие поводы. В условиях Казани ею с этой целью особенно были использованы взрывы пороховых погребов, происходившие 15/28 августа.

Казанские власти и контрреволюционная буржуазия всячески пытались обвинить в этом взрыве большевиков и рабочих.

Об этом один из участников 1917 года в своих воспоминаниях пишет так: „В частности, в отношении Порохового завода, надо сказать, что самый момент взрыва косвенно служил агитационным средством. Местные и центральные власти думали свалить вину на самих рабочих, на их халатность, небрежность, приписывая главную роль в этом местным большевикам, травля против пороховских большевиков была поднята и в центральной правительственной прессе.

Политический шантаж был понят рабочими и истолкован как следует“[2].

В дни корниловщины и после нее в Казани быстро подвинулось вперед дело по организации и укреплению Красной гвардии и работа военной организации большевиков. На всех крупных предприятиях Казани под руководством большевиков фабзавкомами оформляются отряды Красной гвардии и проводится военное обучение рабочих.

Корниловщина явилась переломным этапом перед Октябрем. Она еще раз наглядно подтвердила правильность оценки момента большевиками, ускорила понимание массами большевистской тактики в послеиюльский период о необходимости свержения власти контрреволюционной буржуазии путем вооруженного восстания.

В этом отношении весьма показательны резолюции-требования рабочих, принятые по поводу корниловщины. На общем собрании рабочих фабрики „Поляр“ 31 августа (13 сентября) была вынесена и опубликована следующая резолюция:

---

[1] „Рабочий“, орг. ЦК РСДРП (б), от 28/VIII 1917 г.

[2] Жур. „Пути революции“ № 3, стр. 92.

1) „Ввиду поднявшей голову контрреволюции, мы, рабочие фабрики „Поляр", постановляем встать как один на защиту завоеванной революцией свободы и отстаивать ее до последней капли крови; 2) резолюцию Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов принимаем единогласно и обещаем полную поддержку; 3) из среды рабочих постановляем сформировать боевые дружины и обратиться к Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов с просьбой вооружить таковые; 4) во избежание покушений на фабрику, как-то: поджогов и других провокационных замыслов, установить строгий надзор за фабрикой; 5) все буржуазные газеты, как-то: „Камско-Волжскую Речь", „Казанское Слово" и т. п., которые занимаются травлей солдат на рабочих и на левые социалистические партии, считаем источниками контрреволюционной заразы и требуем немедленно их закрыть, а на их место открыть газету „Рабочий", которая была истинной выразительницей и защитницей интересов рабочего класса"[1].

Рабочие Алафузовского завода по поводу этих же событий на собрании 4/17 сентября приняли резолюцию, клеймящую Временное Правительство и политику меньшевиков и эсеров. Вот некоторые из пунктов этой резолюции:

„Требуем освобождения наших товарищей рабочих и солдат, ошельмованных корниловскими сотрудниками и агентами и до сих пор помещаемых в тюрьме. Требуем немедленной отмены смертной казни. Требуем немедленного роспуска 4-й Государственной Думы и ее Исполнительного Комитета, также производства самого энергичного следствия над вождями буржуазии в связи с корниловской авантюрой. Обуздать буржуазную печать, вдохновляемую контрреволюционными замыслами, и требовать закрытия „Русского Слова", „Речи", „Нового Времени", „Раннего Утра", „Утра России", „Камско-Волжской Речи" и „Казанского Слова" с передачей всех данных издательских предприятий в распоряжение Советов. Встать на защиту революции и образовать вооруженную Красную гвардию"[2].

Такого же характера резолюции, свидетельствующие об огромном росте влияния большевиков, были вынесены на собраниях рабочих и ряда других предприятий.

4. Процесс революционизирования гарнизона.

После июльских событий процесс революционизирования солдатских масс Казанского гарнизона идет довольно быстро. Если в пер-

[1] „Социалист-Революционер" № 33 от 10/IX 1917 г.

[2] „Соц.-Рев." № 33 от 10/IX 1917 г.

вой половине июля в силу реакции нажима военного командования движение в гарнизоне заметно падает, то к концу июля и в августе оно широко развертывается. Растет сильное возмущение против продолжения войны, против контрреволюционных мероприятий командования и офицерства.

Всякая попытка восстановления старой дисциплины в армии, преследования большевиков и актива из солдат вызывала озлобление среди последних и служила поводом для массовых выступлений против начальства.

Борьба в гарнизоне идет под руководством Казанского Комитета большевиков и его военной организации. Члены и сочувствующие этой организации вели большую работу в массах, выступая на митингах, собраниях с разоблачением контрреволюционной политики Временного Правительства, сущности империалистической войны и предательской роли меньшевиков и эсеров. После корниловщины работа военной организации значительно усиливается, увеличивается ее состав за счет вновь влившихся военных работников (Шелыхманов, Коломийцев, Крылов и др.)

Казанский Комитет на ряду с огромной работой, осуществляемой им через свою военную организацию, проводил свое влияние еще и непосредственно через отдельные группы солдат, посещавших регулярно Комитет. Солдаты, получая здесь раз'яснения по тем или иным вопросам, являлись у себя в частях прекрасными агитаторами, широко распространяя взгляды и лозунги большевиков среди своих товарищей.

Большую роль в деле революционизирования масс, в том числе солдат гарнизона, сыграла газета „Рабочий". О том, какой популярностью и сочувствием она пользовалась среди солдат, говорит следующая резолюция. „Мы, солдаты военно-обмундировочной мастерской, на общем собрании 31 июля, обсудив текущий момент и узнав из доклада, что наша уважаемая газета „Рабочий" может только выйти еще один раз за неимением средств, сделали сбор: собравши 50 р. 05 к., постановили немедленно пожертвовать в редакцию газеты „Рабочий", а также постановили обратиться через посредство вашей уважаемой газеты, газеты пролетариев, „Рабочий" ко всем товарищам солдатам и рабочим, чтобы поспешили все притти на помощь нашему трудовому голосу, голосу рабочих, солдат и крестьян, дабы не дать ему—нашему оружию против главного нашего врага—буржуазии—замолкнуть"[1].

---

[1] „Рабочий" № 38 от 17/VIII 1917 года.

Но влияние газ. „Рабочий“ распространялось далеко за пределы б. Казанской губернии. Ряд писем и статей, полученных редакцией газеты „Рабочий“ с фронта, свидетельствует о той популярности, какой она пользовалась и там. В одном из писем говорится: „Очень благодарю за последнюю газету, я ее читал с глубоким интересом и потом у меня узнали в команде товарищи и вся команда читала нарасхват, и очень все ею восторгались, и каждый бежит ко мне за газетой и спрашивает, еще нет-ли, когда получишь, не получил-ли опять серую газету. Дорогой братец, если тебе придется попасть в редакцию, то скажи им нашу благодарность. Мы, солдаты пулеметной команды, приветствуем ее, как защитницу наших интересов“[1]. Или еще письмо, полученное редакцией „Рабочего“: „Я случайно встретил уважаемую Вашу газету социал-демократической партии, желаю сохранить ваш дорогой лозунг и надежду на будущее. Может не откажете выслать мне хотя один номер. С радостью и уважением будем читать в окопах и постараемся распространить по всему фронту. Действующая армия, солдат Емельянов“[2].

Меньшевистско-эсеровский Совет Солдатских Депутатов, всячески противодействуя проведению в жизнь революционных требований гарнизона, ведет явно предательскую политику. Об'единенное заседание Исполнительных Комитетов всех трех секций Совета одобряет введение смертной казни на фронте. Солдатские же массы под руководством большевиков категорически протестуют против этого контрреволюционного мероприятия и все сильнее развертывают свою борьбу. Так, солдаты 1 роты 164 полка 23 июля (6 августа) заявили: „Решительно протестуем против смертной казни на фронте, находим этот шаг Временного Правительства контрреволюционным. Протестуем против воспрещения митингов, собраний в войсках действующей армии, признаем приказ Корнилова вредным делу революции“[3].

Революционное движение гарнизона нарастает.

„29/VII (9/VIII) произведена попытка солдат 164 полка пойти на гауптвахту и освободить большевика-солдата Пряхина, арестованного за призыв против Временного Правительства“.

11/24 августа при попытке арестовать солдата Бражникова группа солдат 164 полка явилась к командиру и категорически отказалась

---

1 „Рабочий“ № 37 от 13/VIII 1917 г.
2 „Рабочий“ № 25 от 2/VII 1917 г.
3 „Рабочий“ № 36 от 6/VIII 1917 г.

выдать Бражникова. Вскоре тут же эта группа возросла до 1.000 чел. и возмущенная попытками начальства арестовывать руководителей солдат, жестоко избила и арестовала поручика Буджина и штабс-капитана Болотова.

На плацу казарм 1 дивизиона 2 бригады в этот же день был организован митинг солдат без разрешения начальства, где было вынесено решение переизбрать войсковые комитеты и Совет Солдатских Депутатов, устраивать еженедельно гарнизонные собрания солдат и выработать протест против смертной казни.

10/23 августа на Арском поле в 1 дивизионе состоялся митинг с участием солдат 1 и 2 дивизиона вновь формирующихся частей 164 пехот. зап. полка, 95 пехот. зап. полка, 686 дружины и команды сухарного завода, на котором вынесена большевистская резолюция о Советах и войне[1].

„26 августа (8 сентября) солдаты 95 зап. пех. полка, вернувшись с занятий, не могли быть накормленными, т. к. не было хлеба. Возмущенные солдаты обратились к ротному командиру подпоручику Друнке, который направил их к командиру полка капитану Черноховскому. Волнение среди солдат росло. В результате переговоров с командиром полка двое солдат были арестованы, но по требованию товарищей освобождены. Недопустимое поведение командира спровоцировало солдат, с него были сорваны погоны. Солдаты потребовали удаления командира, как человека, которому не место в революционной армии“[2].

В период борьбы с корниловщиной процесс большевизации солдатских масс ускоряется. На митингах принимаются резолюции против войны, против контрреволюционной авантюры Корнилова, выносятся требования переизбрать Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Постановлением Солдатской секции, вопреки соглашательскому руководству, 31 августа (13 сентября) было пред'явлено категорическое требование командующему войсками немедленно отстранить от должности начальника штаба Казанского военного округа полковника Караулова, члена окружного совета полковника Поздеева, как явных реакционеров, сторонников Корнилова, и одновременно пред'являлось требование очистки командного состава от контрреволюционных элементов вообще.

По отношению к организациям офицерства: „Союзу офицеров армии и флота“ и „Совету офицерских депутатов“ на общем собрании Сове-

---

[1] Н. Ежов, „Военная Казань“, стр. 96.

[2] Газ. „Рабочий“ № 37 от 13/VIII 1917 г.

та Солдатских Депутатов 1/14 сентября было постановлено закрыть эти организации, как контрреволюционные.

5. Борьба крестьянства в послеиюльский период.

Временное Правительство еще до июля с помощью меньшевистско-эсеровских Советов встало на путь вооруженного подавления крестьянского движения. В период июльских событий карательная политика Временного Правительства против крестьянского движения достигает высшей точки. В уезды бросаются вооруженные отряды для расправы над крестьянами и защиты помещичьих имений. Казанские ставленники Временного Правительства при дружной поддержке меньшевиков и правых эсеров проводят контрреволюционную политику Временного Правительства.

К началу сентября для подавления крестьянского движения по уездам б. Казанской губ. было разослано более 2.800 солдат, не считая местных команд.

Губернский комиссар Временного Правительства, правый эсер В. Чернышев, в докладе на заседании губернского Комитета Общественной Безопасности 23 июля (5 августа) так характеризовал положение дел в губернии: „Во многих экономиях находятся команды, благодаря чему все обстоит благополучно". „В Цивильском уезде,—сообщал он далее,—сыграл большую роль Карпов, который самовольно выселял целые поселки и вообще чинил всякие безобразия. Только благодаря командам удалось восстановить порядок"[1].

Делегаты 2-го губернского с'езда крестьянских депутатов от Лаишевского уезда в своем отчете с'езду указывали, что помещики при помощи делегатов меньшевистско-эсеровского Совета с вооруженной командой отбирают обратно у крестьян обработанную землю. Крестьяне Чирповской волости заявляют, что их заставляют возвращать землю, которая уже спарена, и уплатить за нее помещику. А стоявший на защите имений Щетинкина в с. Смолдиярове делегат Поляков прибегал даже к телесному наказанию крестьянства[2].

Начались аресты деревенского актива, членов земельных комитетов, активных уездных работников, руководителей. К этому периоду относятся и аресты Гордеева, Мохова и др. Началась расправа над крестьянами. В Ядринском уезде, Сорминской волости, солдаты стреляли в толпу при чем было убито 2 человека, ранено 7 чел., из которых 2 умерли[3].

[1] Хроника „Казанский Октябрь", стр. 119—120.
[2] „За землю и волю" № 3 от 6/X 1917 г.
[3] „Крестьянское движение 1917 г.", хроника, стр. 278.

Массовое крестьянское антипомещичье движение этого периода в б. Казанской губернии по сравнению с июнем в результате карательных экспедиций керенщины несколько снижается [1].

Но возрастание наиболее резких форм борьбы в выступлениях крестьянства (захват помещичьих земель, инвентаря, разгром имений и т. д.) говорит об ее обострении.

„Особенно в Спасском уезде, — сообщал губернский комиссар в донесении в МВД,—происходят захваты помещичьих земель и обнаруживается стремление собирать урожай в свою пользу" [2]. В имениях Молоствовых, Ляпунова, Лихачевой, Веденяпина, Демидова, Ларичева, Кочеткова, графини Оболенской, Черкасовой в том же Спасском уезде отбираются лошади, захватывается инвентарь, распускаются служащие и т. д. В других уездах мы видим ту же картину. В Лаишевском, в имениях Граве, Бельковичей, Рындовского, Щербакова, Гагарина, Алексеева, Авксентьева, Бобровникова, Макашина и ряда других помещиков были отобраны земли, луга; сжатый хлеб в некоторых имениях был развезен по деревням, фруктовые сады были обиты, отобран рабочий скот. В Чистопольском уезде у землевладельца Шульца крестьяне захватили 250 десятин лугов, в имении татарского помещика Уразгильдеева захватили яровое поле и не допустили арендаторов к покосу лугов.

В Казанском уезде в имении Бекреневой, Карамышской волости, и Рубинина, Чепчуговской волости, крестьяне - татары захватили луга.

На фоне общекрестьянской борьбы против помещиков в этот период довольно ярко проявляется классовая борьба внутри деревни, борьба деревенской бедноты с кулачеством, особенно в уездах Казанском, Свияжском, Лаишевском, Чистопольском и Мамадышском, где классовое расслоение крестьянства было выражено наиболее сильно.

Так, постановлением волземкома Трехозерской волости, Спасского уезда, были отобраны в пользу крестьян с. Большого Лебяжьего 175 десятин земли, принадлежавших кулацкому т-ву Фомина, Костина и К-о, из-за которой еще в 1905 году шла борьба крестьян этого села [3]. Отбиралась не только земля, но и скот и инвентарь. В этом же уезде, в Марасинской волости, у кулака Крылова были отобраны 32 овцы.

В июле крестьяне Кутушской волости, Чистопольского уезда, делят между собой землю Никольского Поземельного Товарищества. Кре-

---

1 Июнь—210, июль—177, август—135 случаев по далеко не полным данным.

2 „Крестьянское движение в 1917 г.", стр. 158.

3 Архив КГЗУ за 1917 г., д. № 32, стр. 17.

стьяне села Кутема захватывают и делят между собой паровую землю и скашивают луга у хуторянина Иванкина[1].

В начале августа крестьяне с. Ст. Ильмово разделили землю у 5-ых своих односельчан[2] и по пути прихватывают землю кулака Ахметзянова из деревни Ибрайкиной[3].

Не менее ярко проявляется борьба бедноты с кулачеством и в татарской деревне, в особенности в Мамадышском и Лаишевском уездах.

В Кляушской волости, Мамадышского уезда, отбиралась земля у арендаторов-кулаков и пускалась в передел, как это было в Дюртелях, Малых Кирменях и в ряде других селений.

В Лаишевском уезде: в В. Нырсях, Ключищенской волости, 6/19 июля была отобрана у двух односельчан-отрубников пахотная и луговая земля и пущена в передел. В Щетково-Черемышеве, Зюзинской волости, у кулака Камалова были отобраны луга и причислены к лугам общества. У землевладельца-кулака Губайдуллина постановлением волземкома были отобраны 3 лошади.

14/27 июля Шумбутский волземком расторг арендный договор купца Уразгильдеева с Тябердино-Челнинским обществом на 50 десятин лугов, „так как Уразгильдеев сам лугами не пользуется, а как крупный эксплоататор сдает их от себя в аренду".

Борьба в деревне направлялась не только против помещиков и кулачества, но и против духовенства, являвшегося эксплоататором не хуже кулака, которое стремилось во имя поддержки Временного Правительства всячески успокоить крестьян и не допустить аграрных „беспорядков". Губернский комиссар 19 и 22 июля (1-4 августа) доносил, что в Чебоксарском уезде повсеместно идет отобрание церковных пахотных и луговых земель. В с. Корноухове, Свияжского уезда, крестьяне потребовали снести дом попа Малиновского, так как земля им нужна для засева. В Спасском уезде в Абалдуевке была отобрана причтовая земля. В Цивильском уезде в с. Турмыш был отнят крестьянами надел попа Соловьева. В Лаишевском уезде, в котором были большие монастыри, внимание крестьян было направлено на отбирание монастырских земель и в июле-августе эти земли переходят в распоряжение крестьянства. Но не всегда этим только заканчивались столкновения с духовенством. В д. Шаши-Онучево, Царевококшайского уезда, крестьяне-татары отобрали у муллы Арасланова метрические книги и выселили его из при-

---

1. Архив КГЗУ за 1917 г., д. № 32, стр. 17.
2. Архив КГЗУ за 1917 г., д. № 32, стр. 55.
3. Там же, стр. 149—150.

хода. Эта волна антипоповского движения выливается в ту борьбу, которую развертывает деревенская беднота и среднее крестьянство в летние месяцы 1917 года.

Другим вопросом, вызвавшим в этот период большие волнения в деревне, был продовольственный. Монополия для основных масс крестьянства и ее послабление для помещиков и кулачества еще более обостряли борьбу вокруг нее между трудящимися слоями крестьянства и властями.

5/18 июля на совещании в Гупродкоме была выяснена картина полного провала продовольственной кампании Временного Правительства по Казанской губернии. „Делегатов встречают вилами и кольями, многие волости отказались от организации продкомитетов и высказывались против монополии. Грозят убить самую Управу",—докладывал в панике представитель Ядринского уезда. „В Мамадышском уезде отказываются от организации продкомитетов". „В Казанском уезде против твердых цен и продкомитетов многие волости". „В Чебоксарах Продовольственная управа работает под страхом разгона"[1].

Вот картина состояния продовольственного дела по губернии, выявленная на этом совещании. Чем круче принимало Временное Правительство меры к выкачке хлеба из деревни, тем решительнее становилась борьба крестьянства против монополии, переходившая уже непосредственно в борьбу с Временным Правительством.

В середине августа губпродсовещание вынуждено было констатировать, что „крестьянство Казанской губернии в целом подчиняться закону о хлебной монополии не желает".

Особенное упорство и решительность в борьбе против хлебной монополии проявляло татарское и нацменовское крестьянство. Именно, Ядринский, Казанский, Мамадышский, Чебоксарский, Козьмодемьянский уезды с преобладающим татарским и чувашским населением отмечались властями, как уезды, в которых проведение продовольственной политики Временного Правительства встречает наибольшие трудности. Только вооруженной силе уступало крестьянство. Вот как описывалось „подчинение" крестьянства Мамадышского уезда этой политике: „В Петропавловской волости, когда улаживались недоразумения, был господин прапорщик с вооруженной командой. Крестьяне вывели из терпения прапорщика и он чуть не приказал солдатам стрелять в толпу"[2].

---

[1] „Казанская Рабочая Газета" № 75 от 13/VII 1917 г.
[2] „Казанская Рабочая Газета" № 10 от 12/VIII 1917 г.

В Сорминской волости, Ядринского уезда, как уже указывалось выше, солдаты стреляли в толпу крестьян.

Агитация против хлебной монополии носила вполне определенный характер, указывавший на отход широких масс крестьянства от Временного Правительства и его политики.

Крестьянство прямо заявляло: „Ничего от Временного Правительства не хотим, а хлебной монополии не желаем" (Больше-Юнгинская волость, Козьмодемьянского уезда). В Студено-Ключищенской волости, Казанского уезда, при начале учета хлеба появились агитаторы солдаты-татары, призывавшие „хлеб не давать, к учету не допускать, иначе война будет продолжаться"[1]. Деревня заявляет, что „не дадим хлеба, скорее кончится война"[2].

Период июль-август был переломным в настроении бедняцко-середняцких масс деревни.

Под влиянием работы большевиков, направленной к выяснению полнейшей безнадежности „получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики, пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии меньшевиков и эсеров" (Ленин), идет процесс изживания иллюзий оборонческих настроений и отход бедняцко-середняцких слоев деревни от мелко-буржуазных партий и сближение их с пролетариатом—единственным классом, способным обеспечить переход земли в руки крестьянства, уничтожить помещичью кабалу и возглавить борьбу деревенской бедноты против кулачества.

Аресты, преследования большевиков и большевистски настроенных работников по уездам не остановили разраставшегося крестьянского движения. Наоборот, после июньского наступления усилился приток солдат-фронтовиков из армии, увеличился возврат из города в деревню на полевые работы рабочих-сезонников, несущих в деревню результат большевистской работы в городе и в армии. В этом одна из важнейших причин развертывания и углубления крестьянской борьбы. А результаты работы большевиков Гордеева, Давыдова и др. сказывались далеко за пределами тех районов, в которых они работали, и давали толчок, несмотря на их „из'ятие" из деревни, к еще большей и решительной атаке на помещичью и кулацкую собственность, подготовляя перерастание крестьянского движения в крестьянское восстание, которое Ленин констатировал в конце сентября.

---

1 „Камско-Волжская Речь" № 163 от 29/VII 1917 г.
2 „Камско-Волжская Речь" № 185 от 26/VIII 1917 г.

Я. С. ШЕЙНКМАН.

Старый большевик. Руководитель казанской организации 1917-1918 г.г. Расстрелян чехо-учредиловцами в 1918 г.

6. Борьба за большевизацию Совета.

Уже на первом этапе революции—до июльских дней—большевикам в Казанском Совете РСКД, благодаря непримиримой борьбе против соглашательской политики меньшевиков и эсеров и правильному проведению тактики завоевания большинства внутри Совета, удалось повести значительную часть депутатов за собой.

Огромную работу во втором этапе революции после июльских событий большевикам приходилось проводить в чрезвычайно трудных условиях полулегального существования и в напряженной обстановке.

Об этом один из активных членов Казанского Комитета большевиков тов. Бочков вспоминает так: „При такой травле после июльских событий трудно было работать и в Совете, где сидело два десятка меньшевиков и правых эсеров. Но мы не унывали, зная, что рабочие с нами. Вскоре были выбраны в Совет тов. Большаков от союза „Игла“ и тов. Бисярин от фабрики „Победа“ [1]. Фракция, кроме того, пополнилась тт. Деруновым, Рудовым, Вихоревым—рабочими Порохового завода и тов. Шейнкманом Я. С., прибывшим с Урала и возглавившим парторганизацию и фракцию в Совете.

Соглашательские элементы в Совете широко использовали Исполнительный Комитет Совета, его секции и примирительную камеру в своих предательских целях. Особенно сильное возмущение масс вызвало в этот период предательское поведение меньшевистского Исполкома Казанского Совета по вопросу о введении смертной казни на фронте. Меньшевики и эсеры на об'единенном заседании Исполкомов трех секций Совета вынесли постановление с признанием необходимости введения смертной казни на фронте. Они посылали также своих представителей в воинские части для раз'яснения этого постановления. Кроме того, было отпечатано 10 тысяч экземпляров обращения Казанского Совета, обосновывающего это контрреволюционное мероприятие Временного Правительства.

В связи с этим большевики в Совете и среди широких масс рабочих, солдат и в печати выступили с самым категорическим протестом, разоблачая гнусную роль меньшевиков и эсеров. В ответ на это рабочие ряда предприятий и солдаты воинских частей выносили постановления с требованием отмены смертной казни.

В защите интересов предпринимателей и помещиков меньшевики и эсеры пользовались всеми средствами. В тех случаях, когда они были бессильны своими уговорами задержать и сорвать борьбу рабо-

---

[1] Жур. „Пути революции“ № 3, 1923 г.

чих и крестьян, они прибегали к силе вооруженных команд, посылая их от имени Исполнительного Комитета Совета во главе со своими делегатами для „разрешения конфликтов“ на предприятиях и в деревне.

В послеиюльский период, в особенности в течение августа-сентября Казанская организация в широко развернутой форме продолжает работу, начатую задолго до этого, по перевыборам Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и выборам в Городскую Думу. Во время этих кампаний организация мобилизовала все свои силы, проводила широкую массово-агитационную работу. На общегородской конференции 7/20 июля особенно большое внимание было уделено вопросу подготовки к выборам в Городскую Думу.

С целью успешного проведения этой кампании общим партийным собранием городского района было принято такое постановление:

„1) Обложить всех членов партии городского района единовременным рублевым взносом на нужды предвыборной кампании; 2) разбить городской район на участки и обязать всех членов партии принять самое активное участие в работе участковой избирательной комиссии по месту жительства. Отказ может быть принят только по уважительной причине“ [1].

Во всей работе организация проводит четкую большевистскую линию. Так, в одной из статей в газ. „Рабочий“, посвященной выборам в Городскую Думу, мы читаем: „Нет никакого союза (блока)—революционная социал-демократия и вообще все интернационалисты не могут заключать его с меньшевиками и эсерами-шовинистами.

Мы не можем вступить при выборах в Городскую Думу с ними в блок, потому что считаем: никакие действительные улучшения в городском хозяйстве невозможны без перехода всей власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, без скорейшего окончания войны. Идя в Думу, мы должны бороться в ней за скорейшее разрешение этих вопросов—в интересах бедноты, за переход власти в руки Советов, за предложение всем воюющим странам справедливых условий мира“ [2].

Огромной работой большевики обеспечили успешный исход выборов в Городскую Думу, состоявшихся в начале октября.

Еще с большим успехом большевики проводили перевыборную кампанию Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, начавшуюся еще в июне и продолжавшуюся более 4-х месяцев.

---

[1] „Рабочий“ № 33 от 30/VII 1917 г.

[2] „Рабочий“ № 29 от 16/VII 1917 г.

В результате этой кампании массы сами приходят к выводу о необходимости изгнания соглашательских элементов из Совета и требуют переизбрания его.

Так, 18/31 августа общее собрание делегатов Казанского гарнизона под председательством тов. Ершова Н., заслушав доклад делегатов о деятельности Исполнительного Комитета Солдатской секции Совета РСКД, нашло:

„1) что большинство членов Солдатской секции, а в особенности члены Исполнительного Комитета потеряли связь и поддержку частей, их пославших. Не знают нужду и настроение частей гарнизона;

2) своей бездеятельностью подрывают доверие к оплоту русской революции—Совету РСД и вносят разложение в солдатскую среду.

На основании этих соображений собрание делегатов гарнизона постановило: 1) предложить гарнизону переизбрать всех представителей в Совет РСД г. Казани, 2) о постановлении собрания довести до сведения всех частей гарнизона и Казанского Совета Солдатских Депутатов“ [1].

На ряду с перевыборной кампанией и в самом Совете происходил сложный процесс внутренней борьбы большевиков с меньшевиками за подчинение своему влиянию беспартийной части Совета.

О росте влияния большевистской фракции в Совете свидетельствует такой факт: „Не без вмешательства Рабочей секции Совета Казанский Комитет в средине июля получает возможность открытого существования по соседству с самим царствущим меньшевистским Комитетом в здании быв. губернаторского Дворца, где находился до Октября“ [2].

Особенно ярко процесс большевизации Совета сказывается в период борьбы против корниловщины и после нее, что чрезвычайно ускорило процесс изоляции меньшевиков и эсеров от масс. Подавляющая часть депутатов Совета, поняв действительную роль соглашательских партий, быстро переходит на сторону большевиков.

В решениях Совета и его секций, принятых против корниловщины, процесс революционизирования масс проявляется особенно ярко.

30 августа (12 сентября) собрание рабочей секции вносит требование о закрытии казанских буржуазных газет „Камско-Волжская Речь“ и „Казанское Слово“, занимавшихся травлей рабочего класса и солдат, и призывает поддержать пролетарскую печать и сплотиться вокруг Советов и фабзавкомов.

[1] Архив Сов. Кр. Деп, д. № 19, л. 11

[2] „Пути революции“ № 3 за 1923 г.

Солдатская секция, как мы указывали выше, своим постановлением от 31 августа (13 сентября) пред'явила категорическое требование командующему Казанским Военным Округом немедленно отстранить от должности начальника Штаба Округа полковника Караулова, члена Окружного Совета Поздеева, как явных реакционеров, и очистить командный состав от реакционных, явных и скрытых элементов корниловщины [1].

А на общем собрании Советов РСКД по поводу корниловщины были вынесены требования: „Прекращение гонений на левые социалистические течения и революционно-демократические организации. Уничтожение смертной казни. Разгон всех очагов контрреволюции, в том числе Государственной Думы и Временного Комитета. Передача всей земельной собственности в руки Земельных Комитетов" [2].

Все эти решения Солдатской, Рабочей секций и общего собрания Совета были приняты вопреки соглашательскому руководству под напором масс.

Дальнейшие события, происходившие в период непосредственной подготовки к вооруженному восстанию, окончательно большевизировали массы, подготовив их к решительным боям за Октябрь.

---

[1] Дело воен. комиссара Вр. Пр. № 19 за 1917 г.

[2] „Каз. Раб. Газета" № 115 от 1/IX 1917 года.

IV. ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ШТУРМА.

1. Резкое левение масс и укрепление Красной гвардии.

К осени разруха народного хозяйства Казани и губернии приняла катастрофические размеры. Материальное положение трудящихся с каждым днем ухудшалось, росла безработица, голодали рабочие, недоедал гарнизон. Росло недовольство среди трудящихся татар, чуваш, мари и удмурт великодержавнической национальной политикой Временного Правительства. Классовая борьба в губернии, выливаясь в самые острые формы, приняла широкий размах.

Значительно выросшая, Казанская организация большевиков продолжает развивать самую энергичную борьбу за окончательную изоляцию меньшевиков и эсеров от масс. Руководящий состав и все члены организации, во главе с тов. Олькеницким, этим неутомимым работником, чутким к каждому пульсу жизни рабочих и трудящихся, душой всей организации, работали, не зная устали, добиваясь все более полной большевизации масс.

Обратимся к наиболее важным моментам.

Тов. Сталин указывает, что лозунг „вся власть Советам" с точки зрения внутреннего развития (период перерастания) прошел две стадии. „Поражение корниловского восстания открыло вторую стадию. Лозунг „вся власть Советам" вновь стал на очереди. Но теперь этот лозунг означал уже не то, что на первой стадии. Его содержание изменилось коренным образом. Теперь этот лозунг означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо Советы в своем большинстве были уже большевистскими. Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата"[1].

Большевизация Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, особенно быстро нараставшая со времени корниловщины по всей стране, со всей силой сказалась и в Казани.

[1] Сталин. „Октябрьская революция и тактика русских коммунистов".

Большевики закрепили господствующее положение и в Исполкоме Совета Солдатских Депутатов, в который из 30 человек было избрано 16 большевиков и 14 левых эсеров. В президиум же из 5 человек вошли 3 большевика, занявшие руководящие места: председателя (Ершов Н.), первого товарища председателя (Ежов Н.) и секретаря исполкома (Кортов)[1].

Рабочую секцию Совета возглавляют тт. Карпов, А. Рудов, Северов, Бочков и другие.

По важнейшим вопросам, составляющим предмет упорной борьбы большевиков с меньшевиками и эсерами, Совет принимает большевистские резолюции.

Крупнейшую победу в Совете большевики одержали 7/20 сентября на совместном заседании Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. На повестке этого заседания стоял вопрос „О кризисе власти и посылке делегатов на Демократическое совещание".

Первым выступает с.-д.-интернационалист Вегер. По его мнению, „созываемое Демократическое совещание должно превратиться в революционный парламент, заседающий впредь до Учредительного Собрания, а Временное Правительство должно быть ответственно перед этим парламентом"[2].

От большевистской фракции выступает т. Бернгейм (Бакинский), представитель ЦК партии, командированный в Поволжье. Приехав из Нижнего-Новгорода, он передает привет казанским рабочим от имени 12 тысяч сормовских пролетариев. В докладе он разоблачает политику Временного Правительства и делает вывод, что „вся власть должна перейти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства". В заключение т. Бернгейм огласил наказ делегатам, едущим на Демократическое совещание:

„Перед лицом контрреволюционного изменнического выступления генерала Корнилова, подготовленного и поддержанного партиями и группами, представители которых входят в состав Временного Правительства, во главе с партией кадетов, Казанский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов считает нужным провозгласить, что отныне должно быть решительно прекращено всякое колебание в деле организации власти. От власти должны быть отстранены не только представители кадетской партии, открыто замешанные в изменническом выступлении, представители цензовых элементов вообще, но должна быть в корне

---

[1] Ежов. „Военная Казань в 1917 г.", стр. 101.

[2] Хроника „Казанский Октябрь", стр. 162.

изменена и вся та политика соглашательства и безответственности, которая создала самую возможность превращения верховного командования из аппарата государственной власти в очаг и орудие заговора против революции. Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного Правительства, ни его безответственность. Единственный выход—это создание решительной власти революционного пролетариата и крестьянства".

Разгораются страстные прения, о размерах которых говорит длившееся с 8 часов вечера до 3 ч. 10 м. ночи соединенное заседание.

Ораторы-меньшевики всячески критикуют позицию большевиков. Они заявляют, что „идея коалиции не только не опровергнута, но остается жизненной по сей день", что „городские самоуправления, которые примут участие в Демократическом совещании", ни в коем случае не станут поддерживать губительный для революции лозунг большевиков „Вся власть Советам", что если „идея коалиции будет отвергнута и лозунги большевиков восторжествуют, то это будет означать полный крах революции", что „вне коалиции нет выхода для государства из этого ужасного, почти безвыходного тупика" и т. д. и т. п.[1]

Собрание закончилось победой большевиков и полным поражением меньшевиков. За резолюцию большевиков было подано 295 голосов, за резолюцию меньшевиков—77 и за резолюцию эсеров—267 голосов[2] Делегатом на демократическое совещание избран большевик Рудов—рабочий-пороховик. Казанская буржуазия с ужасом отмечала на страницах „Камско-Волжской Речи", что „победа большевиков налицо"... „Резолюция-платформа для делегатов-казанцев принята большевистская. Петроград, Москва, Казань, Царицын... все эти города приняли положение о недопустимости коалиционной власти в России. За ними пойдут и другие города"[3].

Окончательным закреплением руководящей роли большевиков в Совете являлись выборы председателем Совета тов. А. Карпова, состоявшиеся на общем собрании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 23 октября (5 ноября.)

---

[1] „Казанская Рабочая Газета" № 122, 123 от 10 и 12/IX 1917 г.; Грачев. „Казанский Октябрь", стр. 163, 165.

[2] Результаты голосования взяты из меньшев. „Каз. Раб. Газ". По воспоминаниям т. Бернгейма и др. большевиков за резолюцию, предложенную большевиками, голосовало подавляющее большинство.

[3] „Камско-Волжская Речь" № 156 от 10/IX 1917 г.

Изоляция меньшевиков и эсеров сказывается также в победе большевиков на выборах в Казанскую Городскую Думу. За список № 7 (большевиков) было подано 6.684 голоса, за список № 3, так называемого „социалистического блока", об'единявшего 6 мелкобуржуазных партий—5.074. Большевики получили в Городской Думе 22 депутатских места, а социалистический блок—17.

Представителями большевиков в Городскую Думу были выбраны: Рудов, Шеваров, Бочков, Бисярин, Вихорев, В. Тихонов, Панфилова, Большаков, Шейнкман, Северов, Курятников, Николаев, Сторожев, Брауде, Зиновьев, Гурьянов, Лазарев, Потехин, Минеев, Мешков, Горшунов, Дейлидович.

Враги в „Камско-Волжской Речи" так оценивали отношение рабочих к большевикам во время этих выборов. „Первым, кого можно было встретить вблизи избирательных участков—это большевика... Приходит к участку рабочий, председатель смотрит номер избирательной карточки, передает члену комиссии с предложением опустить в ящик № 2 (кадетский—Ред.)—„К чорту второй,—кричит рабочий,—я хочу седьмой"[1].

После этой пощечины, данной трудящимися меньшевикам и эсерам, последние пытались очернить выборы, об'явить их солдатскими, оклеветать большевиков и т. д.

В статье „Наше поражение", помещенной в „Казанской Рабочей Газете" от 13/26 октября, они об'ясняли:

„На выборах в Городскую Думу социалистический блок потерпел поражение... Мы считаем, что побеждена на выборах вообще политика социалистически мыслящей демократии, что победа осталась за тем, кто стоит уже вне социализма. Большевизм черпает свою силу и в анархизме, и в еще гораздо большей степени просто в несознательном бунтарстве... Анархические настроения, несознательное бунтарство преобладают в рабочей среде. О пролетарском классовом сознании той солдатской массы, которая дала у нас большевизму особенно много голосов, говорить уже не приходится".

На предоктябрьских муниципальных выборах мы видим происшедшую, по сравнению с первым этапом периода перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (февраль-июль), отчетливую перегруппировку классовых сил: усиление кадетов (буржуазии) и большевиков (пролетариата), с одной стороны, и изоляцию мелко-буржуазных партий (меньшевики, эсеры)—с другой.

---

[1] „Камско-Волжская Речь" № 219 от 10/X 1917 г.

Заводский ком-тет рабочих завода № 40 в 1917-18 г. г.

В период борьбы с корниловщиной организация развертывает среди рабочих крупнейших предприятий работу по созданию и укреплению вооруженных отрядов рабочего класса—Красной гвардии. Уже в апреле и, особенно, после июльских дней пролетарии отдельных предприятий выносят требования о вооружении рабочих и делают первые шаги к этому. При этом, организация Красной гвардии и вооружение рабочих начинается и вплоть до Октября идет под видом создания рабочей милиции для охраны фабрик и заводов.

Организация дает по районам директиву о формировании отрядов Красной гвардии и под руководством районных парторганизаторов тт. Шеварова, Гладилова, Бисярина и др. развертывается на предприятиях эта работа. В авангарде идут рабочие Порохового, Алафузовского заводов. Это об'ясняется тем, что на первом ячейка большевиков, возглавлявшаяся Рудовым, Деруновым, Вихоревым и др., играла руководящую роль с первых же дней Февральской революции. Рабочая масса завода широко поддерживала все мероприятия ячейки, недаром Казанская буржуазия прозвала завод „цитаделью большевизма“. После корниловского мятежа ячейка большевиков КПЗ ставит и в завкоме вопрос о вооружении рабочих. Несмотря на всевозможные препятствия, чинившиеся властями, несмотря на попытку командования округом усилить свои позиции на заводе через введение юнкеров для охраны завода, Красная гвардия укрепляется и вооружается. Ко дню восстания пороховики имели более 2.000 винтовок.

Энергичную работу в деле организации и укрепления Красной гвардии вел союз социалистической молодежи КПЗ, насчитывавший в предоктябрьские дни до 150 членов. Союз развернул работу также и на других предприятиях и в дни вооруженного восстания выделил отряд молодежи, геройски дравшейся вместе с другими красногвардейцами на баррикадах Октября.

Организаторами Красной гвардии на Алафузовских фабриках были тт. Гладилов, Евдокимов и Протодьяконов, возглавлявшие местную большевистскую ячейку. Для руководства Красной гвардией при фабрике был создан штаб. В составе отряда было большое количество красногвардейцев-татар. Вооружался отряд самыми различными способами.

В организации Красной гвардии на Крестовниковском заводе инициатива принадлежала райорганизатору т. Шеварову, который с помощью ячейки и сочувствующих создал в сентябре отряд. Существовал при заводе и небольшой отдельный отряд красногвардейцев из татар.

По инициативе тов. Бисярина — парторганизатора Суконно-Слободского района, актив ячейки большевиков и беспартийные рабочие организовали сильный отряд при фабрике Шабанова.

На фабрике „Поляр“ вопрос об организации Красной гвардии был поставлен в момент обсуждения корниловского мятежа и было вынесено решение о необходимости вооруженной рукой защищать завоевания революции. С этого момента сформировалась боевая рабочая дружина.

Большевистская организация вопрос об организационном оформлении Красной гвардии вносит на обсуждение Исполнительного Комитета Совета РСКД еще 7/20 октября, который, однако, находясь в руках меньшевиков и эсеров, оттягивает вопрос, передав его на предварительную разработку по секциям. Только общее собрание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 23 октября (5 ноября) на требование большевиков об оформлении Красной гвардии постановляет: „Признать организацию Красной гвардии необходимой, избрать специальную техническую комиссию для выработки проекта организации Красной гвардии“.

Боевую готовность выступить на защиту завоеваний революции под руководством большевиков солдатские массы гарнизона показали также в борьбе с корниловщиной. С корниловского мятежа авторитет большевиков среди солдатских масс неимоверно возрастает. Почти во всех частях приветствуют ораторов-большевиков. Солдатские массы растут политически и выдвигают из своей среды руководителей. На ежедневных митингах, происходивших в течение сентября-октября на плацу казарм, большевики, пользуясь громаднейшей популярностью, подготавливают солдат к всемирно-историческим событиям — к Октябрьскому восстанию.

Крупнейшую роль в большевизации солдат гарнизона, кроме военной организации большевиков, которая развернула в эти дни большую работу, сыграли и отдельные фабрично-заводские ячейки.

В воспоминаниях т. Обухова по этому вопросу читаем: „В октябре ночью Казанским Комитетом большевиков были вызваны с Крестовниковского завода в крепость тт. Обухов, Тихонов и Шеваров на заседание... Присутствовали представители воинских частей и заводов. Выступавшие говорили о необходимости перехода власти к Советам, об организации вооруженного восстания. Решено было делегатов рабочих завода направить в качестве агитаторов в воинские части. Нам довелось вести агитацию в воинской части, расположенной в районе Крестовниковского завода“.

Результат работы большевиков и большевистски настроенных рабочих в войсковых частях гарнизона быстро начал сказываться. Особо

ярким показателем революционизирования солдатских масс была общегарнизонная демонстрация-митинг 15/28 октября, проведенная военной организацией большевиков под лозунгами: „Вся власть Советам“, „Долой войну“, „Немедленная передача земли крестьянам“.

2. Аграрное движение и усиление влияния большевиков среди нацмен.

Борьба крестьянства против аграрной политики Временного Правительства, против решительной и вооруженной защиты помещичьей собственности, борьба деревенской бедноты как против помещиков, так и против кулачества (хуторян, арендаторов, отрубников, мельничных хозяев и т.д.) в сентябре-октябре приобретает еще более острую форму, принимая резкий разгромный характер.

В сентябре происходят массовые порубки помещичьих лесов, захваты, разгром имений в Казанском, Спасском, Лаишевском, Чистопольском, Тетюшском и других уездах.

Крестьяне громят имение Щетинкиных в Казанском уезде, захватывают имения Сушко, Гагариной в Свияжском уезде, вырубают леса в имении князя Оболенского в Чистопольском уезде, арестовывают княгиню Грузинскую, рубят и жгут строевой лес владельца Губайдуллина в Лаишевском уезде, во время ярмарки громят торговцев, избивают помещиков и уездного комиссара в Спасском уезде, рубят лес в имении Теренина в Буинском уезде и т.д. и т.д.

В октябре движение разрастается еще сильнее. Усиливаются разгромы помещичьих имений, развоз заготовленного лесоматериала, инвентаря живого и мертвого, хлеба, сена, прочих кормов, удаление администрации. Ряд имений: Макашина, Родионова, Демидова—в Спасском уезде, Мельникова, Лебедева, Степанова—в Лаишевском, Сверчкова—в Тетюшском, Обухова—в Свияжском и т. д. уже разгромлен крестьянами. Порубочное движение принимает всеобщий характер.

С‘езд крестьянских депутатов Чирповской волости, Лаишевского уезда, от 16/29 октября постановляет: „Об‘явить всю землю народным достоянием, на ряду с землей конфисковать имения, весь инвентарь живой и мертвый. Возвращающимся с фронта солдатам выдавать лес для стройки из казенных лесных дач. Конфисковать все капиталы Дома Романовых, а также все капиталы сверх-прибыли, вызванные войной, обложить специальным налогом предметы роскоши“.

Власти из Чистополя просят высылки вооруженной силы в Берсут, где „бунтующая толпа противодействует нагрузке баржи хлебом. Погрузка приостановлена“.

Только лишь в одном номере буржуазной „Камско-Волжской Речи" читаем: „Враждебное отношение крестьян к хлебной монополии подавлялось исключительно военной силой. Появляется демонстративное запрещение вывоза хлеба для армии, сундырские беспорядки ликвидированы. В Абдинской волости, Мамадышского уезда, оказано сопротивление проведению хлебной монополии. Почти во всех уездах усилилась самовольная рубка частновладельческого и казенного леса. В Свияжском уезде население препятствует получению доходов с мельниц и лесов помещицы Обуховой. В Черемшанской волости, Лаишевского уезда, 11 сельских обществ самовольно разобрали хлеб, хранившийся в запасных магазинах, в Свияжске был избит населением епископ Амвросий"[1].

Аграрное движение нарастает и по линии борьбы бедноты против кулачества. Одновременно с рубкой помещичьего леса рубят и кулацкий лес, одновременно с разгромом помещичьих имений громят хутора, захватывают имущество нажившихся, особенно во время войны,—как говорила беднота,— мироедов.

Так, в первых числах октября беднота в Цивильском уезде отбирает и передает нуждающимся земли кулаков Ларионова (д. Ново-Шептахово), Тимофеева (д. Ямбай), Данилова (д. Малый Кибеч), ряд волостных земельных комитетов Спасского уезда выносит решения о конфискации крупно-крестьянских владений, требует недопущения арендаторов к земле, так как „вся земля должна быть передана трудовому народу", беднота в Казанском уезде отбирает луга, принадлежащие Салимжанову, в Бугульминском уезде снимают рабочих с хутора Кагирова (д. Тат. Минлибаево), в Буинском уезде у 23 хуторян засеянная земля включается в общий фонд передела, крестьяне-татары с. Лебедина, Спасского уезда, громят хутора Лабзина. В с. Большие Подберезки, Свияжского уезда, и Петропавловских выселках, Каймарской волости, Казанского уезда, хуторян выгоняют из домов и забирают скот. Наконец, ряд отчетов уездных представителей на заседаниях Губернского Земельного Комитета отмечает растущее озлобление против хуторян и отрубников, против кулачества[2].

По далеко неполным сведениям, взятым из донесений в Министерство Внутренних Дел, в сентябре—октябре в Казанской губернии было более 150 случаев такого рода „правонарушений" и эксцессов.

В этой борьбе необходимо отметить широко развернувшееся движение среди крестьян-татар, чуваш, мари, удмурт.

[1] „Камско-Волжская Речь" № 227 от 19 октября 1917 г.

[2] Архив Губ. Зем. Управы за 1917 г., дела №№ 10, 14 и 33.

Напуганная движением среди крестьян - нацмен мелко - буржуазная нацменовская интеллигенция прилагает все усилия, чтобы остановить борьбу. Еще в мае с‘езд „Союза мелких народностей Поволжья“, этого кадетско-миссионерского и национал-эсеровского об‘единения мелкобуржуазных националистических партий чуваш, мари, удмурт, призвал „мелкие народности Поволжья... воздерживаться от всякого рода насильственных захватов и неорганизованных выступлений на почве аграрных отношений“, предоставляя разрешение этого вопроса Учредительному Собранию. С‘езд интеллигентских сил удмурт, общечувашский национальный с‘езд и Всероссийский с‘езд мари, состоявшиеся летом 1917 года, дальше решений вышеупомянутого с‘езда не пошли. Наоборот, общечувашский с‘езд был „обеспокоен идущими с разных мест сведениями о широко распространившихся среди чуваш земельных неурядицах и волнениях, выразившихся в насильственных захватах отрубных участков, заарендованных участков земли и лугов, укрепленных душевых наделов, церковных земель и самовольном переделе их между общинниками. Имеются сведения и о захватах в некоторых местах школьных садов и огородов, пчельников, рыбных заводов и прочих заведений сел.-хоз. культуры частных лиц с целью немедленного обобществления их. Местами захвачены леса и совершается хищническая рубка их, в некоторых случаях даже делались попытки насильственного отбирания скота, с.-х. инвентаря и проч. имущества. На этой почве в деревнях идут раздоры, доходящие до вооруженных столкновений. С‘езд, следуя в земельном вопросе за организованным всероссийским революционным крестьянством, приглашает чуваш к благоразумию и спокойствию, помня, что самочинное разрешение земельного вопроса осуждается всеми сознательными крестьянами, что захваты и прочие насильственные действия сеют только междуусобие и могут вызвать гражданскую войну и контрреволюцию и что уравнительный дележ скота и проч. движимого имущества не одобряется ни одной из существующих русских политических партий. С‘езд призывает чуваш разрешать земельные недоразумения только в правовых, законных формах, следуя во всем за указаниями Земельных Комитетов и в точности исполняя их распоряжения“[1].

Но все эти попытки остановить растущую борьбу нацменовского крестьянства оканчивались неудачей. Трудящиеся массы крестьян-татар, чуваш, мари, удмурт вместе с русским крестьянством развертывают непрерывную цепь выступлений как против помещиков и кулачества,

[1] „Революция и национальный вопрос“, т. III, стр. 423

так и против Временного Правительства. Эта борьба развертывалась под руководством все более большевизирующейся бедноты.

Временное Правительсто стремится вооруженным путем подавить борьбу крестьянства. Уезды наводняются вооруженными отрядами. Заместитель губернского комиссара, правый с.-р. Бартольд телеграммой от 17/30 сентября доносит, что „для прекращения беспорядков во все уезды командированы воинские части". Меньшевики, эсеры в подавлении крестьянского движения принимают самое активное участие, путем посылки делегатов в составе отрядов, развивая через печать самую разнузданную пошлость об „анархии" в губернии, о „бунтах", руководимых большевиками, и т. д.

Свое влияние в крестьянстве и среди мелких народностей Поволжья партийная организация проводила через губернские, уездные с'езды Советов Крестьянских Депутатов, через Продовольственные комитеты и т. п.

О той пропасти, которая все шире и глубже пролегала между Временным Правительством и трудящимися массами крестьянства, и о росте авторитета большевиков, возглавлявших борьбу с Временным Правительством, особо рельефно свидетельствует инцидент, возникший на II губернском с'езде Советов Крестьянских Депутатов в связи с письмом т. Гордеева и др. из тюрьмы.

В период работы с'езда в тюрьме находилось около 20 чел. активных работников, в числе коих были большевики. Они прислали с'езду письмо, в котором сообщают о плохом питании, о лишении их книг, о грубом, издевательском отношении тюремной администрации и т. д.

После оглашения этого письма с'езд единогласно потребовал явки прокурора на с'езд для дачи об'яснений. Первая делегация к прокурору, во главе с правым эсером Мартюшиным, вернулась без результатов.

Тотчас же с'ездом была избрана вторая делегация. Она, явившись к прокурору Карасеву, изложила волю с'езда и предупредила, что отказа принять не может.

Завязался между делегацией и прокурором спор, и когда прокурор узнал фамилии делегатов, он взволнованно воскликнул, что он против них самих имеет десятки дел о незаконном отобрании земли от помещиков, что они сами кандидаты к тем 17, сидящим в тюрьме, на освобождении которых они, как делегаты с'езда, настаивают. Однако члены делегации твердо предложили ему следовать на с'езд. Карасев вынужден был итти.

С‘езд потребовал от Карасева об‘яснений по поводу ареста активных революционеров-крестьян. Карасев от об‘яснений отказался, а освобождение арестованных счел невозможным. Тогда с‘езд единодушно решает: „Ввиду отказа прокурора освободить наших товарищей—произвести насильственное освобождение“.

Прокурор Карасев с насмешкой выражает сомнение—найдется ли сила, которая взяла бы смелость привести это решение в жизнь.

Встает представитель артиллерийского дивизиона, по воспоминаниям участников с‘езда солдат Андронов, и заявляет: „Товарищи, меня выбрали мои товарищи к вам на с‘езд, чтобы слушать, что вы решите. Мы все крестьяне и против крестьян не пойдем. Я сообщу о том, что видел и слышел здесь своим товарищам. Мы все как один в вашем распоряжении. Пусть знают прокурор и Временное Правительство, что наши пушки заговорят, если прокурор не подчинится Крестьянскому с‘езду и не освободит арестованных“.

Это выступление с‘езд встречает бурной овацией. Растерявшийся прокурор незаметно скрывается. Утром часть арестованных была освобождена. Когда же артиллеристы сообщили по телефону, что люди и пушки в полной боевой готовности и дали прокурору полчаса на размышление,—были освобождены и остальные арестованные.

Далее, в середине октября, созванное Губернской продовольственной управой совещание представителей уездных и волостных комитетов проходит под большевистским руководством. В это время в Губернской продовольственной управе работает виднейший большевик Казанской организации тов. Шейнкман. Совещание постановляет: „привлечь к учету беднейших крестьян и образовать из беднейшего крестьянства учетно-ревизионные комиссии при каждой общине. Дать широкое поле самодеятельности в продовольственном вопросе волостным управам, реквизировать хлеб у помещиков и богатых крестьян, все мельницы в волостях взять в распоряжение продовольственных управ с заключением договора с владельцами, при несогласии последних управа может назначить арендную плату и взять мельницы в свое распоряжение“[1].

О значительном росте влияния большевиков в деревне весьма красноречиво говорит также телеграмма Чебоксарского волостного схода крестьян от 21 октября (3 ноября) Казанскому Губернскому Совету. Телеграмма лаконична: „Чебоксарский волостной сход приветствует голосом крестьянства Казанский гарнизон. Вся власть

---

[1] „Камско-Волжская Речь“ № 226 от 18/X 1917 г,

Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Долой войну, да здравствует социализм. Вперед, мы с вами"[1].

3. Нарастание революционных событий и подготовка восстания.

Казанская организация большевиков к Октябрю приобрела громаднейший авторитет в массах. Трудящиеся Казани и губернии также, как трудящиеся всей России, шли за большевиками.

Недовольство, возмущение и озлобление рабочих и солдат, как мы видели, неоднократно выливалось в форму мощных демонстраций, забастовок, а крестьянства в деревне—в бурное антипомещичье движение, с одной стороны, и в борьбу против кулачества—с другой.

Непосредственно перед Октябрем в Казани и губернии развертываются грозные выступления трудящихся, организованные и руководимые большевиками, приведшие пролетариат и гарнизон Казани вместе с революционным пролетариатом и трудящимися всей России к вооруженному восстанию.

Прежде чем остановиться на предшествовавших октябрьской вооруженной борьбе событиях, организованных и руководимых большевиками, надо сказать, что в конце сентября при трудных условиях полулегального существования нашей организации, гонения и бешеной травли со стороны меньшевиков, эсеров и всей буржуазной своры, созывается первая Губернская партконференция. В истории нашей организации эта конференция сыграла весьма важную роль. Она закрепила успехи нашей организации, наметила очередные политические лозунги и задачи, четко определила конкретные формы работы среди рабочих, солдат и крестьянства.

Попутно надо указать, что многие из левых эсеров, поняли тогда, что левые эсеры пользуются доверием в массах лишь постольку, поскольку поддерживают большевиков. Лучшие из них, порвав со своей партией, один за другим стали переходить к большевикам. Одним из таких левых эсеров являлся прапорщик Н. Ершов, который в период первой губ. партконференции порвал связь с левыми эсерами и вступил в организацию большевиков.

В статье „Задачи революции“ Ленин писал: „Недовольство, возмущение, озлобление в армии, в крестьянстве, среди рабочих—растет. Все обещающая и ничего не исполняющая „коалиция“ эсеров и

---

1. Архив Совета Кр. Депутатов, д. № 19, л. 180.

меньшевиков с буржуазией нервирует массы, открывает им глаза, толкает их на восстание"[1].

В предоктябрьский период в активную забастовочную борьбу втягиваются самые широкие массы рабочих вплоть до разбросанных в одиночку и маленькими группами категорий, как-то: парикмахеры, шляпницы, служащие „Компании Зингер" и т. д. В сентябре к Всероссийской железнодорожной забастовке примыкают рабочие-железнодорожники Казанского района. В сентябре же под руководством большевиков весьма удачно проходит забастовка рабочих овчинно-шубного завода Гликина. Рабочие-гликинцы после этой забастовки совершенно прогоняют эсеров и меньшевиков.

В середине октября развернулась в Казани крупнейшая забастовка металлистов. Ещё 12/25 сентября союз „Единение" пред'явил предпринимателям требование о заключении с рабочими коллективного договора. В договоре, предлагаемом союзом, говорилось, что предприниматель не может ни принимать, ни увольнять рабочих без ведома союза, что рабочие, проработавшие на предприятии полгода, имеют право на получение полумесячного, а проработавшие год—на получение месячного отдыха. Кроме того, металлистами в колдоговоре был пред'явлен предпринимателям целый ряд других, защищавших рабочих от чрезмерной эксплоатации хозяев, требований. Эти условия, особенно требования о найме и увольнении рабочих через союз и об отдыхе, вызвали резкое сопротивление предпринимателей.

Несмотря на „вмешательство" властей, „настаивавших" на принятии требований рабочих,—предприниматели, находясь под крылышком организованных при влиятельнейшем участии меньшевиков и эсеров примирительных камер, третейских судов, не приняли пред'явленных металлистами требований.

5/18 октября началась забастовка. Поражающе подействовал на властей и казанскую буржуазию организованный характер забастовки. Если началась она на некоторых предприятиях с „итальянки" (трамвай и некоторые другие предприятия), то, как только выявилось упорство предпринимателей, дело приняло резко организованный характер. В 9 часов утра 5/18 октября раздался протяжный гудок Алафузовских фабрик, к которому присоединились многоголосые гудки других предприятий, и металлисты всех производств бросили работу. В город с рабочих окраин потянулись колонны рабочих, и в саду быв. Панаева (теперь стадион „Динамо") открылся многотысячный митинг союза металлистов.

1. Ленин, т. XXI, стр. 221.

Стачечный комитет изложил прибывшим на митинг отказ предпринимателей принять колдоговор. Тогда металлисты решительно поддержали предложение председателя рабочей секции Совета большевика Карпова об организованном продолжении забастовки. По городу тотчас же рассеялись монтеры, выключавшие электрический свет из буржуазных домов, кино, театров, фабрик и заводов. Союзом „Единение" было об'явлено, что в первый день забастовки еще будет даваться вода и свет в частные дома, но если требования союза не будут удовлетворены предпринимателями и колдоговор не будет принят, то на второй день весь город, за исключением рабочих кварталов, госпиталей и больниц, будет лишен воды и света.

К металлистам—этому передовому отряду рабочих Казани—присоединились рабочие других предприятий. Забастовка приобрела громадные размеры, она охватила свыше 10 тысяч рабочих. Приостановились работы на Пороховом заводе, на стеариново-мыловаренном заводе Крестовникова, на фабриках и заводах Алафузова, остановились трамваи. При чем трамваи были остановлены рабочими в момент нахождения их в пути и, таким образом, разбросаны по всему городу, что в свою очередь явилось революционизирующим толчком в широчайших массах трудящихся.

Рабочая секция Совета, заслушав доклад председателя союза металлистов, постановила призвать весь пролетариат Казани к всеобщей забастовке, если предприниматели не примут колдоговор.

Рабочая секция обратилась к рабочим с воззванием об оказании материальной помощи. Воззвание кончалось словами: „Товарищи рабочие, вы отлично знаете, что всякая забастовка нуждается в материальной поддержке, а посему жертвуйте, кто сколько может, не смущаясь суммой, в распоряжение стачечного комитета, ибо, кто другой, как не вы, может оказать поддержку вашим же товарищам металлистам".

В дело урегулирования конфликта „вмешалась" власть. У комвойска КВО было созвано срочное совещание, на котором был и губкомиссар Чернышев и другие представители власти, фабриканты и заводчики. На предпринимателей был сделан „нажим" комвойсками, но они упорствовали. Правда, формально предприниматели „соглашались" на принятие колдоговора, но с такими оговорками по спорным пунктам, что требования металлистов сводились на нет. Комвойск пытался нажать на представителей рабочих, пригрозив отдать их военно-полевому суду, как изменников, но рабочие были непоколебимы. Совещание не дало никаких результатов. Предприниматели рассчитывали на под-

держку социал-соглашателей и на отсутствие организованности и сплоченности в рабочих рядах, но жестоко ошиблись. Ряд союзов (Алафузовских фабрик и заводов и др.) проводит среди своих членов сбор средств в стачечный фонд союза металлистов, другие союзы, наряду с этим, принимают меры по подготовке всеобщей забастовки (союз торгово-промышленных служащих и др.).

Угроза всеобщей забастовки, вполне реально ставшая перед предпринимателями и властями города, заставила их пойти на уступки, и все оговорки с их стороны, вносившиеся ранее в колдоговор, были сняты, и колдоговор в основном был ими принят.

8/20 октября забастовка кончилась. Победа металлистов была полной.

Кадетская „Камско-Волжская Речь" дала следующую оценку забастовке металлистов:

„Экономические требования были лишь ширмой, за которой скрывалась политика. Забастовка фактически превратилась в демонстрацию „диктатуры пролетариата", демонстрацию явно большевистского типа. Такой характер забастовки весьма определенно сказывается, например, в отношении забастовочного комитета к „Камско-Волжской Речи". В 2 часа дня 5 октября примчались двое рабочих на Воскресенскую и в первую очередь изолировали провода в помещении редакции. Почти одновременно такая же операция была проделана в Центральной типографии, где печатается „Камско-Волжская Речь" [1].

Эта забастовка и особенно широко охватившая рабочих подготовка к всеобщей забастовке—забастовке солидарности—сыграли громаднейшую роль в разоблачении меньшевиков и эсеров и сплочении рабочих масс вокруг большевистской организации. Этот конфликт резко поднимает среди рабочих авторитет рабочей секции Совета, до этого плетущейся, благодаря засилию в ней меньшевиков, в хвосте рабочего движения. Забастовку металлистов безусловно следует считать первым этапом, положившим начало быстрому нарастанию революционных событий, приведших к вооруженной борьбе. Она оказала свое влияние на самые широкие массы трудящихся, даже на наиболее отсталые слои рабочих, примером чего может служить вступление в союз металлистов рабочих университетских снарядных мастерских доцента Завадского, ранее крайне враждебных большевизму. Она усилила влияние рабочих в войсковых частях. Именно в это время солдатам и рабочим артсклада в их борьбе с чиновничеством, офицерством помогла большевистская ячейка Порохового завода, направившая

---

[1] „Камско-Волжская Речь" № 217 от 7/X 1917 г.

9*

в порядке шефства на артсклад своих членов Дерунова и др. и добившаяся прикрепления солдат и рабочих артсклада к единому фабзавкому пороховиков, поставив их, таким образом, под организующее влияние передовых рабочих Казани.

В результате самой упорной работы всей Казанской организации большевиков и ее военных сил, в результате систематического влияния рабочих на солдат гарнизона через взаимосвязь отдельных войсковых частей с предприятиями,—большевизация солдат пошла небывало быстрыми темпами. Следующим за забастовкой металлистов крупнейшим событием, мобилизующим солдатские массы вокруг основных лозунгов нашей партии, революционизирующим всех трудящихся Казани—явилась грандиозная демонстрация гарнизона под лозунгами: „Вся власть Советам", „Долой войну", „Немедленная передача земли крестьянам".

Вот как описывает подготовку демонстрации и самую демонстрацию один из организаторов и участников ее тов. Ежов.

„По инициативе военной организации большевиков (он же президиум Совета) было назначено 14/27 октября вечером, в помещении биржи, об'единенное заседание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Перед собранием Совета состоялось закрытое заседание военной организации большевиков, где и был подробно обсужден вопрос о демонстрации 15/28 октября".

Кстати сказать, в этот вечер военная организация пополнилась тремя активными работниками—тт. Милхом Л. Р., Фроловым и Жестянниковым.

„Собрание (об'единенное заседание--Ред.) было многолюдным и весьма шумным. Сильнейший спор разгорелся по вопросу о демонстрации вообще, а также о характере демонстрации.

Благодаря настойчивым убеждениям большевиков во главе с тт. Шейнкманом, Грасисом, Ершовым и др. и сделанным нами сообщениям о том, что гарнизон готов к демонстрации и в случае отказа Совета демонстрация все таки состоится, удалось получить от левоэсеровской фракции согласие на вооруженную манифестацию и митинг. Присутствовавшие на собрании меньшевики и правые эсеры вскоре покинули заседание Совета".

Надо добавить к сказанному т. Ежовым, что меньшевики перед тем, как покинуть заседание возмущенно заявили, что митинг не будет содействовать порядку, что Совет должен руководить массой, а не

Руководители военной организации Каз. Ком. РСДРП(б)

Н. ЕРШОВ.

Н. Я. ЕЖОВ.

Я. ЧАНЫШЕВ.

подчиняться ее капризным желаниям, что фракция меньшевиков отказывается от голосования и покидает заседание [1].

„На следующий день—пишет далее т. Ежов—к часу дня все части гарнизона стройными рядами с музыкой подходили к назначенному месту митинга на луга, за вокзалом и располагались в намеченном порядке. Командный офицерский состав отсутствовал.

Во главе полков было весьма незначительное количество беспартийных офицеров и несколько прапорщиков-большевиков. К 2 часам дня все были в сборе".

Митинг принял следующую резолюцию:

„Три года тому назад обманутые своими правителями народы бросились друг на друга. Три года подряд продолжается преступная бойня. Три года подряд народы смертью разят друг друга во имя каких то им самим неведомых целей, целей, известных только небольшой кучке людей—дипломатам, банкирам и генералам. И они, эти банкиры и генералы, вся буржуазия три года говорят одно и то же: идите и бейте друг друга и будет скорей мир и вернетесь к своим полям родным, к своему мирному труду.

Но народы оказались обманутыми: нет мира, нет побед, а продолжается избиение народов и конца не видно. Где же выход, что делать, чтобы народы не избивали друг друга? Сам народ—рабочие, крестьяне, через головы дипломатов и банкиров должны поднять свой властный голос. „Вся власть народу, вся власть Советам РСКД". Лозунг этот все повелительней встает перед народом, ибо становится все хуже и хуже, разруха разрастается, невозможным становится удовлетворение самых первейших потребностей. Сам народ, рабочие и крестьяне, должны стать кузнецом своего счастья, творцом своей жизни... Довольно обмана—долой обманщиков, да здравствует власть Советов, да здравствует примирение и мир!. Да здравствует революционная твердая власть против банкиров, фабрикантов и помещиков, из-за чьих прихотей погублены миллионы человеческих жизней! Да здравствует немедленный переход земли, лесов и вод в руки народа! Да здравствует социализм! Да здравствует час расплаты!"

Митинг посылает приветственные телеграммы т. Ленину, Петроградскому, Гельсингфорскому, Московскому и Кронштадтскому Советам Депутатов и постановляет организовать манифестацию по г. Казани за передачу власти в руки Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов, за мир, за землю крестьянам.

[1] „Камско-Волжская Речь" № 225 от 17/X 1917 г.

„Надо было лично видеть,—пишет т. Ежов,—чтобы понять, с каким негодованием казанская буржуазия встретила манифестацию. Плакаты с лозунгами „Вся власть Советам“, „Долой войну“ и „Немедленная передача земли трудящимся“ приводили буржуазию в бешенство“[1].

Большевики развертывают энергичную работу среди солдат-татар, чуваш и др. После демонстрации 28 октября с солдатами-татарами устраивается отдельный митинг, который еще раз единодушно присоединяется к принятой на общем митинге резолюции. Тов. Шафигуллин в своем воспоминании указывает, что для связи мусульманских рот, имеющихся в различных полках, друг с другом, а также с русскими частями были выделены т. Чанышев и Камиль Якупов, которые ежедневно обходили татарские роты, вели агитацию среди них, привлекали солдат-татар к активному участию в митингах, собраниях, происходивших тогда в гарнизоне почти каждый день.

Не безинтересно в этом отношении отметить, что состояние 95 полка, где было довольно много солдат-татар, уже в начале сентября представителями командования полка, верными Временному Правительству, охарактеризовано так: „настроение в полку скверное, в настоящее время полк—бунтующая банда“[2].

Перед самыми октябрьскими боями в гарнизоне развертывается движение за роспуск 40-летних солдат. Процесс борьбы большевиков за роспуск 40-летних мы можем проследить по кратким отчетам о заседаниях Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, где разрешался этот вопрос. Первый раз он рассматривался 17/30 октября на общем собрании Совета, совместно с фабрично-заводскими, полковыми, ротными, батарейными комитетами, правлениями профсоюзов и представителями политических партий. Собрание Совета было шумно и многолюдно. После длительной дискуссии по вопросу о продовольствии (доклад тов. Шейнкмана) собрание перешло к вопросу о роспуске солдат призыва 1899 года.

По этому вопросу были предложены две резолюции: фракции большевиков и солдатской секции, предлагавшей распустить солдат призыва 1899 года немедленно, не дожидаясь ответа от министра Верховского, и вторая, предложенная членом Исполкома левым эсером Поповым—передать вопрос на обсуждение Солдатской секции Совета 19 октября. Большинством 144 голосов против 97, при 37 воздержавшихся принимается резолюция, предложенная большевиками.

[1] Ежов, „Военная Казань в 1917 г.“, стр. 104—112.

[2] Архив военн. комиссара Вр. Пр., д. № 18.

После этого решения, по настоянию меньшевистско-эсеровского Исполкома Совета, вопрос был вторично вынесен на специальное обсуждение общего собрания Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 23 октября (5 ноября). Председатель Совета прапорщик Галанов, открывая собрание, заявил о своем несогласии с мнением большинства о роспуске солдат призыва 1899 года, сложил с себя полномочия и покинул собрание. Вместо него председателем избирается большевик Карпов. Далее один из членов Совета информировал о переговорах с командующим войсками Казанского Военного Округа, который категорически заявил, что он роспуска не допустит, и о телеграмме Начальника Политуправления Военмина подпоручика Шера, который предлагает комвойсками „признать постановление Казанского Совдепа о роспуске солдат 1899 года незаконным" и угрожает тем, что „фронтовые организации сумеют выделить отряд для ликвидации данного вопроса". В выступлении, последовавшем после этой информации, прапорщик Ершов резко протестует против пересмотра вопроса, уже решенного однажды, указывая, что многие уже распущены по домам, что бояться угроз карательными отрядами с фронта не следует и воспрещение роспуска считает „дурацким самолюбием Временного Правительства".

Меньшевики, эсеры и независимые социалисты выступили с протестом и негодованием против позиции большевиков, заговорили о „незаконности", „неприемлемости" сепаратного выступления и т. д.

Большевики решительно и твердо заявили, что они стоят за роспуск солдат призыва 1899 года, что резолюция одной из частей Пензенского гарнизона, принятая против решения Казанского гарнизона, на что указывали представители ВОК, не может служить мотивом для отказа от роспуска. Тогда меньшевики, эсеры и независимые социалисты заявляют об отказе от голосования, на что им Ершов коротко отвечает, что большевикам это безразлично. Наконец, они прибегают к последнему методу борьбы—использованному ими неоднократно с целью дискредитации решения собраний и распространения всяческой клеветы—покидают собрание, как это сделал в начале Галанов.

Резолюция о немедленном роспуске солдат призыва 1899 года, принятая на собрании Совета от 17/30 октября, подтверждается 230 голосами за при одном против.

В разоблачении меньшевиков и эсеров перед массами, в деле подрыва доверия Временному Правительству, большевизации масс и мобилизации их вокруг лозунга „Вся власть Советам", как лозунга воору-

женного захвата власти,—забастовка металлистов, выборы в Городскую Думу, митинг и демонстрация гарнизона и, наконец, кампания о роспуске 40-летних имели громаднейшее значение.

Перед Октябрем большевики вели за собой подавляющее большинство пролетариев, за большевиками шел гарнизон, оппозиционное настроение деревни проявлялось в самых резких формах борьбы против помещичьего землевладения и против кулачества, движение среди татар и национальных меньшинств: чуваш, мари, удмурт, которых было довольно много в быв. Казанской губернии, с одной стороны против аграрной, а с другой—против национальной политики Временного Правительства—разрасталось все шире и шире. К Октябрьским дням большевики безраздельно руководят трудящимися массами, большевики сплачивают вокруг себя силы Красной гвардии, силы солдат расквартированных в Казани полков и артиллерийских частей.

К этому же моменту Казанская организация РСДРП (б), кроме уже известного курса партии на вооруженное восстание, данного VI с'ездом, получает, как говорит один из руководящих в то время работников т. Милх, специальную директиву ЦК о необходимости быть готовым к развертыванию непосредственной вооруженной борьбы. Парторганизация принимает все меры к наилучшей подготовке вооруженного восстания. В последних числах октября солдатам гарнизона была роздана „Памятка", написанная т. Ершовым, где предлагалось ознакомиться с планом города Казани и расположением его окрестностей.

Контрреволюция организуется под руководством военного комиссара Временного Правительства правого эсера капитана Калинина. Калинин, фактически сосредоточивший в своих руках всю полноту власти, пытается взять инициативу в свои руки и начинает сначала более осторожно, затем решительно наступать на революционных рабочих, солдат. Создаются „революционный штаб" при комвойсками КВО и „Социалистический блок" или „Союз социалистических организаций", как об'единение партий, поддерживающих коалицию. Представителями „революционных" партий в Союз входят: Денике Всеволод (меньшевик), Денике Юрий (меньшевик), Нелидов Б. (меньшевик), Остров Клавдий (меньшевик), Якобсон (правый эсер), Алкин Ильяз (правый эсер, от Харби-Шуро), Бухов М. (правый эсер), Пионтковский Сергей (меньшевик), Абдульханов (Шуро), Манс (независимый социалист), Бартольд (правый эсер), Иванов (правый эсер) и другие [1].

[1] Состав блока восстановлен по воспоминаниям участников тт. Соколова, Чанышева и др.

Активные работники военной организации большевиков.

ШЕЛЫХМАНОВ.

К. ЯКУПОВ.

В. ШАФИГУЛЛИН

Л. ЖЕСТЯННИКОВ.

17/30 октября по докладу меньшевика Денике Ю. П. „О политическом моменте, в связи с готовящимся выступлением большевиков", общее собрание офицеров, юнкеров и военных чинов 1-й и 2-й школ прапорщиков и военного училища выносят резолюцию о том, что: „1) Впредь до Учредительного Собрания вся полнота власти должна принадлежать Временному Правительству. 2) Всякие попытки вооруженной рукой захватить власть, откуда бы они не происходили, ведут к срыву Учредительного Собрания, к гибели страны и являются по существу своему контрреволюционными. 3) Юнкера отдают свою военную силу в распоряжение Временного Правительства и 4) Военное училище, первая и вторая школы прапорщиков присоединяются к Союзу социалистических организаций и делегируют в его состав своих представителей"[1].

Выступая с докладом, Ю. Денике, как балаганный шут, плакал, целовал красное знамя. Под его патетические крики собрание разошлось в приподнятом настроении с твердым желанием выступить на защиту Временного Правительства. Вокруг „Союза социалистических организаций", под руководством Калинина, эсеро-меньшевиков и Харби-Шуро, собираются военные силы контрреволюции. В распоряжении их находятся 2.000 юнкеров, один эскадрон Сызранских драгун (100 чел.), 6-я финляндская батарея под командованием б. председателя Казанского Совета Поплавского (300 чел.), 4 броневика и полсотня Оренбургских казаков.

Контрреволюция во главе с капитаном Калининым переходит в наступление. Поход против большевиков, против рабочих и солдат Калинин начинает с экспедиции на революционных артиллеристов под предлогом ареста укрывавшегося от искусственно созданного против него обвинения в Саранском полку поручика Гроздова[2].

19 октября (1 ноября) юнкера на автомобилях прибыли на Арское поле для ареста Гроздова. Артиллеристы единодушно заявили, что Гроздова не дадут. На следующий день артиллеристы согласились на то, что они доставят Гроздова в его часть в Саранск. В сопровождении артиллеристов Гроздов действительно был доставлен в свой полк. Сопровождавшие его солдаты были очевидцами воодушевленной встречи Гроздова солдатскими массами полка.

22 октября (4 ноября) военной организацией большевиков созывается собрание представителей гарнизона. Многолюдное собрание, после

---

[1] „Казанская Рабочая Газета" № 153 от 19/X 1917 г.

[2] Гроздов был известен в войсковых частях своими выступлениями против войны, беспартийный.

детального обсуждения вопроса, выражает решительную волю гарнизона до конца бороться против Временного Правительства и принимает короткую резолюцию, предложенную большевиками: „1) Не доверять буржуазной власти и „революционному штабу“, в котором демократия в меньшинстве, 2) власть Совету, 3) броневики отправить на фронт, а пулеметы Совету, 4) не допускать выступления одной части против другой, 5) отрешить от должности лиц, виновных в выступлении юнкеров против артиллеристов, и передать их революционному суду, 6) не исполнять приказаний без подписи Исполнительного Бюро Совета, 7) сдать оружие и боевые припасы юнкеров Совету, оставить им только необходимые для обучения“[1].

В ответ на это юнкера на своем общем собрании поименным голосованием постановляют: „оружия не выдавать и всяким попыткам разоружения оказывать решительное противодействие“[2].

На другой день, 23 октября (5 ноября), созывается экстренное общее собрание Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Собрание, руководимое большевиками, целиком и категорически поддерживает постановление представителей гарнизона. На представителей всех фабрик и заводов, где имеются вооруженные отряды рабочих, собрание возлагает обязанность „сегодня же поставить отряды в боевую готовность“.

Дается директива на установление надлежащей связи между отрядами Красной гвардии и воинскими частями. Это же собрание выбирает редактора проектируемой Советом новой газеты и обращается с призывом к организациям об отчислении средств на издание.

23 октября (5 ноября) является днем самой напряженной работы всей организации. Актив целый день находится в Совете, на рабочих собраниях и в войсковых частях. Вечером партийный Комитет созывает узкое собрание актива, где присутствуют: Ольkеницкий, Бочков, Гордеев (с Порохового завода), Карпов, Волков, Северов, Милх и другие. После обмена мнений о создавшемся положении Комитет приходит к решению, что: 1) нужно дать юнкерам и „революционному штабу“ во главе с капитаном Калининым бой; 2) нужно призвать рабочих к всеобщей забастовке; 3) привести в боевой порядок отряды Красной гвардии и вывести их на борьбу с юнкерми (в воспоминаниях одного из участников Октября в Казани, т. Милха, указывается, что у отдельных участников этого собрания были колебания).

---

1 „Камско-Волжская Речь“ № 231 от 24/X 1917 г.

2 Там же.

На основе этого постановления актива, партийная организация немедленно приступает к решительным действиям против наступательной политики буржуазии.

Под руководством т. Фролова, прикрепленного к Заречью, и районной организации большевиков рабочие основных предприятий Заречья—пороховики, алафузовцы и другие готовятся к борьбе с юнкерами.

Большевики Заречья созывают заседание райкома, а затем общее собрание района и дают директивы для организованного выступления. По предложению райкома при Пороховом заводе создается рабочий революционный комитет. В этот комитет входят тт. Рудов, Карпов, Фролов, Цветкова, Курятников, Вихорев, Табейкин А. и др.

После удаления поручика Гроздова контрреволюционный штаб делает дальнейшие шаги к подавлению революционного движения. В ночь на 24 октября (6 ноября) штаб дает юнкерам ордер на аресты активных работников военной организации: Ершова, Грасиса. В 4 часа утра 24 октября (6 ноября) К. Грасис был арестован. Тов. Ершов успел скрыться в Каргопольских казармах. Утром 24 октября „революционный штаб“, мотивируя внешне тем, что ищет скрывшегося большевика Ершова, обезоруживает солдат 2-го артиллерийского дивизиона, при этом открывает огонь из броневика по казармам.

4. Вооруженное восстание и упрочение власти Советов.

Атмосфера накаляется до крайнего предела. Большевистская организация бросает все свои силы для руководства решительной схваткой с верными Временному Правительству войсками. Солдаты гарнизона в полной боевой готовности, они единодушно присоединяются к ультимативному требованию солдат 2 артиллерийского дивизиона о проведении в жизнь постановления гарнизонного собрания от 22 октября (4 ноября), а выступление против артиллеристов рассматривают, как борьбу против всего гарнизона.

Контрреволюционный штаб решает кровопусканием усмирить рабочих и солдат гарнизона. Комвойск полковник Архипов концентрирует у своего дома на Грузинской улице значительную часть верных Временному Правительству войск: юнкеров, драгун, казаков, бронемашины и артиллерию, другая часть вооруженных сил буржуазии сосредоточивается в крепости. В 4—5 часов дня, по приказу „революционного штаба“, заседавшего тут же в доме командующего войсками, вооруженные силы, сгруппированные на Грузинской улице, тронулись на Арское поле усмирять „бунтующих“ солдат. Первым, скрываясь

за идущим туда трамваем, пошел броневик. Юнкера не успели дойти до трамвайного парка, как по ним открылся артиллерийский и пулеметный огонь со стороны солдат с Арского поля. На помощь артиллерии подоспела 689 дружина. Ураганный огонь броневика юнкеров вынудил восставших солдат несколько отступить и вместе с артиллерией окопаться у Арского кладбища. Раздаются протяжные гудки тревоги Порохового, Алафузовского и других заводов Заречья. К зданию Революционного комитета (против главных ворот Порохового завода) со всех сторон быстро стекаются рабочие, работницы. К третьему тревожному гудку являются рабочие, живущие на других окраинах города, в загородных селах, Плетенях, Суконной слободе. Отряды зареченцев после первых же выстрелов на Арском поле рассыпаны у Адмиралтейской дамбы, вдоль Ягодной, Гривки и Козьей слободы.

Тут же организовываются красные перевязочные пункты, основной перевязочный пункт—в Пороховской больнице. Во главе отряда санитарок из работниц становятся большевички тт. Леонтьева и Романова.

О революционном настроении рабочих т. Табейкин пишет, что „их настроение было до того единодушным, что было достаточно нескольких часов для вооружения двухтысячной массы. Сотни рук тянулись за одной винтовкой. Недостаток оружия вызывал у рабочих справедливый ропот.

„На Ягодинский базар рабочие на руках вывели из завода пушки, которыми обстреливали крепость, защищаемую верными Временному Правительству юнкерами и прапорщиками“[1]. На борьбу с юнкерами выступают, хотя не так организованно, как зареченцы, красногвардейцы и передовики-рабочие предприятий, расположенных в других частях и окраинах города—полярцы, крестовниковцы, шабановцы.

Началась ожесточенная вооруженная борьба между пролетариатом и буржуазией. Пролетариат г. Казани, солдаты Казанского гарнизона, трудящиеся—почти одновременно с пролетариями и солдатами Питера и Кронштадта повели наступление. Казанская организация большевиков—во главе восставших против Временного Правительства пролетариев и солдат, она организует штаб для оперативного руководства, она делегирует членов партии в рабочие районы, на отдельные предприятия и в войсковые части, где они возглавляют борьбу, она связывает отряды Красной гвардии с войсковыми частями, ее члены принимают непосредственное участие на ответственных участках боя.

Восставшими руководит Штаб при 240 полку, во главе с председателем военной организации большевиков т. Ершовым. В этот штаб

[1]. „Комунистический путь“ № 11/18, стр. 43.

Артиллерия Красной гвардии зав. № 40 в дни Октябрьского восстания.

входили представители Рабочего революционного комитета и всех частей войск. От этого штаба исходили все распоряжения, координирующие и направляющие военные действия восставших частей рабочих. Начальником штаба был выделен капитан Масальский. При бригадном комитете 2-й запасной артбригады для руководства борьбой с Арского поля создается Ревком, также во главе с членами военной организации большевиков т. Шелыхмановым, Вякиным, Колпаковым и близким к большевикам Андроновым.

Наступление пороховиков, алафузовцев и других рабочих со стороны Заречья 24 октября (6 ноября) было совершенно преграждено броневиком, беспрепятственно курсировавшим по Адмиралтейской дамбе. Первые выстрелы зареченцев из пушек по крепости не дали нужных результатов—снаряды не разрывались,так как инженером завода Красильниковым из Окружного Артиллерийского склада выдавались заведомо негодные снаряды. Красильников был арестован.

Зареченцы, обстреливаемые пулеметами из бронемашины, сумели забаррикадировать все пути, по которым броневик мог пройти в сердце рабочего района. Баррикады были устроены у завода Эккерта, у Ягодинского моста через Казанку, в поле (дорога в город), у главных ворот Порохового завода, на Адмиралтейской дамбе. Мост через Казанку был забаррикадирован 5 лодками, камнями и бревнами. Далее, зареченцы расставили по всем возможным путям передвижения юнкеров на слободу отряды (десятки), организовали необходимую связь с войсковыми частями, ведущими наступление на город. Части войск и отряды Красной гвардии были связаны полевыми телефонами. Артиллерийская стрельба восставшими была направлена по укрепленным местам, где концентрировались силы противника: в дом командующего войсками, в здание Дворянского собрания и в крепость.

На ночь город принял вид осажденного со всех сторон лагеря, везде и всюду слышались пулеметная трескотня и стрельба из ружей. Артиллерийская стрельба прекратилась. Силы восставших уже четко расставлены. Перевес—на стороне восставших. Чтобы прекратить дальнейшее кровопролитие и разрушение города, восставшие от имени Ревкома при 2-й запасной артиллерийской бригаде посылают командующему войсками делегацию, которая пред'являет ультиматум: 1) немедленно разоружить всех юнкеров, 2) вывести из Казани бронемашины, 3) передать все оружие Совету и 4) удалить комиссара Временного Правительства Калинина.

Заседание у командующего войсками, обсуждавшее ультиматум артиллеристов, длилось до 8-9 час. утра. Как и раньше, командующий

войсками Архипов колебался, а военный комиссар Временного Правительства Калинин в истерике требовал решительных мер. Переговоры кончились тем, что руководители правительственных войск отказались от принятия ультиматума, а делегация со стороны восставших удалилась, возложив всю ответственность за дальнейшее кровопролитие и разрушение города на лиц, не желавших принять предложенные условия.

С утра 25 октября (7 ноября) с удвоенной силой и ожесточенностью возобновляется борьба. Бои происходили на трех участках: на Арском поле идут наиболее сильные бои между юнкерами, сосредоточившими здесь главные силы, и артиллеристами 1 и 2-го дивизионов, значительной частью солдат 95 полка, 685 и 689 дружины—впоследствии значительной частью 164 полка и рабочими крестовниковцами, прибывшими на Арское поле в очень небольшом количестве. Со стороны Заречья рабочие пороховики, алафузовцы и др., располагавшие 2½ тыс. штыков, тремя пушками, повели наступление по Адмиралтейской дамбе, Горбатому мосту у крепости и лугами между ними, связываясь с левого фланга с солдатами 240 полка. Со стороны вокзала и Татарской слободы по лугам и по новой дамбе наступали солдаты 240 полка, артиллеристы, часть крестовниковцев и впоследствии рабочих фабрики „Поляр", часть алафузовцев и шабановцев.

Правительственные войска, будучи прекрасно укрытыми в городе, обладая массой вышек и окон многоэтажных домов для наблюдений, артиллерийским и пулеметным огнем отбивают неоднократные попытки наступления на город. Бой приобретает затяжной характер. Силы юнкеров пополняются отрядами буржуазной молодежи, преимущественно из учащихся и служащих. В самый разгар боя вступает в борьбу Пороховская артиллерия зареченских рабочих, снаряды начинены самими рабочими. Пороховская артиллерия теперь наносит неприятелю жестокие поражения. Первыми двумя выстрелами сняты наблюдатели и пулеметы с соборной колокольнии, с башни Сююмбеки и крыши юнкерского училища. После 3-4 выстрелов по броневику, он скрывается в город. Артиллерией управляют рабочие Пороховского завода Беркутов и Гребенщиков. Пороховики, алафузовцы с большей энергией повели общее наступление на город. Задача наступления со стороны войсковых частей, сражавшихся по обоим флангам зареченцев, значительно облегчилась. Активно участвуют в борьбе красногвардейцы-татары. Красногвардейские отряды алафузовцев и пороховиков имели в своем составе около 300 человек татар, которые выдержали вместе с русскими жестокие стычки с

юнкерами. Когда значительная часть 164 полка переправилась на Арское поле, на красногвардейские отряды почти целиком легли две задачи: во-первых, борьба за дамбу, ведущую в Козью слободу, и отражение наступления юнкеров, во-вторых, наступление по линии реки Казанки (участок Федосеевской улицы). Дружно наступали на юнкеров татарские роты 95 и 94 полков. Одним из выдающихся руководителей татарских частей был тов. Я. Чанышев.

Восставшие пролетарии и солдаты геройски дерутся с юнкерами. К концу дня резкий перелом. Юнкеров теснят со стороны Адмиралтейской дамбы заречeнцы, с лугов около вокзала и со стороны озера Кабан—240 полк и отдельные рабочие-крестовниковцы, шабановцы и другие отряды, по всей линии реки Казанки—красногвардейские отряды, часть 164 и 94 полков и с Арского поля—артиллеристы, 95 полк и другие части.

В штабе юнкеров, заседающем у командующего войсками—растерянность. Командующий войсками сбивается в распоряжениях. В 9-10 час. вечера начало полного отступления юнкеров по направлению к крепости. Восставшие рабочие и солдаты по Адмиралтейской дамбе, по Подлужному мосту через Казанку, со стороны Академической слободы входят в город. Юнкера забились в крепость и через своих парламентеров просят перемирия.

В 3 часа ночи 26 октября (8 ноября) в крепости открывается заседание. Здесь были пороховики, алафузовцы, крестовниковцы, представители „солдат с Арского поля", как тогда любили выражаться, и 164, 240, 95, 94 полков. Всех до 50 человек. Первыми высказываются представители Порохового завода, за ними „солдаты с Арского поля". Они требуют сдачи всего оружия всеми правительственными войсками и ареста их руководителей. Представители юнкеров, допущенные на заседание, умоляют оставить у них оружие „для личной охраны".

В это время телеграф принес известие, что в Петрограде Временное Правительство свергнуто, и власть перешла в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Юнкера окончательно сдались. Под руководством Казанской организации большевиков пролетариат Казани и солдаты Казанского гарнизона одержали полную победу. В 4 часа утра 26 октября (8 ноября) власть перешла в руки пролетариата и солдат. Тут же на совещании намечается состав Временного Военного Революционного Комитета и рассылаются представители этого комитета в качестве комиссаров на телеграф, почту, вокзал и другие учреждения.

„26 октября (8 ноября) утром, вскоре от командующего войсками— пишет т. Бочков,—показались первые шеренги серой массы, запружавшей всю ширину улицы. Колышущаяся громадная серая лавина быстро текла к Театральной площади. Вот уже ясно видны стройные ряды, имевшие в себе все роды оружия. Возбужденные, восторженные лица, громовое „ура". Что особенно поражало взор обывателя— это необычайная, сплоченная стройность рядов, двигавшихся сплошной стеной, необычайная пестрота масс по одежде: тут и мохнатые папахи сибиряков, и артиллерийские шапки, и простые картузы, тут и бородатые обросшие лица, и безусая молодежь, и гневные восторженные лица. Только не видать золотых позументов и погон. Вместо них красные ленты в петлицах и на штыках. Ни одного офицера, если и есть большевистские, то не выделяются из обще-солдатской массы. В этом победном шествии не было отдельных героев, вся масса рабочих, солдат и трудящихся была единым коллективом". В эту демонстрацию победы вооруженной схватки с буржуазией влились ведущей силой красногвардейские отряды рабочих.

Рабочие, солдаты, все трудящиеся демонстрировали свою победу. Они шли на первый после свержения буржуазии митинг, состоявшийся на Театральной площади (ныне площадь Свободы).

Революция торжествовала. Рабочие, солдаты приветствовали друг друга победными криками „ура".

Через 2-3 дня исчезли баррикады с улиц Заречья. Голосистые гудки фабрик и заводов звали пролетариат и всех трудящихся на упорный труд, на закрепление завоеваний Октября. Пролетарское Заречье и вся трудовая Казань приняли новый вид—освобожденного от ига капитализма муравейника.

Вечером 26 октября (8 ноября) Казанский Комитет большевиков созывает расширенное заседание Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов совместно с фабрично-заводскими и войсковыми комитетами, на котором избирается Временный Революционный Комитет или Временный Революционный штаб в составе: Г. Олькеницкого, А. Бочкова, А. Карпова, Н. Ершова, Якуба Чанышева, К. Грасиса, Л. Милха, Фролова, Масальского, Н. Ежова, Шелыхманова, К. Якупова, Андронова, Грахницкого, Конюшкина, Короткова, Израйловича, Казакевича, М.-Н. Вахитова, А. Гинсбурга, Л. Жестянникова и др. [1]

На этом же заседании командующим войсками округа избирается т. Ершов, начальником гарнизона—т. Масальский.

[1] Состав Ревкома восстановлен по воспоминаниям членов Ревкома и газетным данным.

Барак № 452—штаб Красной гвардии зав. № 40 в дни Октября

В состав Ревштаба входили и члены лево-эсеровской организации (Н. Пономарев, Венецианов и др.), с которой в это время большевики совместно работали[1].

Временный Революционный Комитет, а впоследствии Совет РСКД, которому была передана полнота власти 2/15 ноября, проделали громадную работу по обеспечению революционного порядка в городе, по охране города от внешних покушений контрреволюции, по организации и налаживанию работы государственного аппарата и упрочению советской власти в городе и в губернии.

Ревком немедленно обратился ко всем гражданам г. Казани и губернии с воззванием, в котором говорилось:

„Граждане! Совершилось то, что ожидала революционная демократия. Свободный русский народ, восемь месяцев тому назад свергший царскую власть, ныне сверг последнее самодержавное ярмо—власть буржуазии. Правительство Керенского свергнуто и наконец сам народ, в лице его революционных органов—Совет Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов—взял власть в свои руки. В Петрограде образован Временный Революционный Комитет, который в телеграмме своей об'являет, что он приложит все силы к немедленному заключению демократического мира, немедленной передачи всех помещичьих земель крестьянам и к честному созыву Учредительного Собрания. Немедленно, по получении телеграммы Петроградского Временного Революционного Комитета, в Казани образовался Временный Революционный Комитет из представителей Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов, воинских частей, рабочих организаций и представителей левых социалистических партий, который взял всю власть в г. Казани и Казанской губернии временно впредь до избрания Исполнительного Комитета переизбранного Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Граждане, теперь у власти нет никого, кто угнетал трудовой народ, поэтому поддерживайте, товарищи солдаты, рабочие и крестьяне свое истинно-народное правительство, поддерживайте словом и делом, существование революции в ваших руках. Помогите Временному Революционному Комитету сохранить в городе и в губернии порядок и спокойствие и следите за порядком. Всякие попытки вызвать в городе беспорядки будут подавляться всеми революционными мерами“[2].

---

[1] Этот блок большевистской организации с лево-эсеровской затянулся в условиях Казани до середины 1918 года. В период-июльского лево-эсеровского мятежа в Москве большая часть казанских левых эсеров (Пономарев, и др.) открыто перешли на сторону контрреволюции. Ред.

[2] Листовка хранится в Музее Революции.

Отчетливо сознавая, что борьба с буржуазией далеко не закончена, Ревком принимает решительные меры по отношению к руководителям контрреволюции. По распоряжению Ревкома арестовывается военный Комиссар Временного Правительства Калинин, командующий войсками Округа Архипов.

Также арестовывается целый ряд лиц, злейших врагов пролетарской революции из числа офицерства, юнкеров и т. д.

Ревком командирует на телеграф, телефон, в Госбанк, казначейство и др. учреждения своих членов в качестве комиссаров, предоставив им широкие права в деле осуществления революционных мероприятий.

Ревком организует новые и укрепляет существовавшие до Октябрьского вооруженного восстания отряды Красной гвардии. Начальником Штаба Красной гвардии выделяется член Губкома партии т. Волков Иван.

Красная гвардия в деле упрочения и распространения власти Советов в губернии сыграла огромную роль. Она несла охрану в самых ответственных местах. При помощи отдельных отрядов Красной гвардии, командируемых Ревкомом и Советом в уезды, разгонялись контрреволюционные организации в виде „комитетов спасения родины и революции“, упрочивалась власть Советов в губернии.

Красногвардейцы Казани устанавливали советскую власть далеко за пределами бывшей Казанской губернии (Сарапул, Алатырь).

Ревком с первых же дней начинает издавать ежедневную газету „Знамя революции“. Распространяет в сотнях и тысячах экземпляров листовки среди населения. Среди нацмен Поволжья листовки распространяются на родном языке. Печать в деле укрепления советской власти также сыграла огромную роль.

В течение короткого времени создается советский государственный аппарат—организуются отделы труда, рабочий контроль, финансовый, продовольственный, крестьянский, военный и др. Все эти отделы работают под непосредственным руководством той или другой секции Совета.

Создается следственная комиссия для борьбы с контрреволюцией и другими видами преступлений перед революционной властью. Во главе этого чрезвычайно ответственного органа становится секретарь Казанского Губкома т. Ольксницкий.

Большевистское большинство в Ревкоме и в Совете обеспечило достаточно твердое единодушие в проведении первых мероприятий. Однако, необходимо отметить, что в этот ответственный момент упрочения диктатуры пролетариата пришлось преодолевать по ряду

Воззваніе къ населенію Казанскаго Временнаго Революціоннаго Комитета.

ГРАЖДАНЕ!

Свершилось то, чего ожидала революціонная демократія. Свободный Русскій народъ, восемь мѣсяцевъ тому назадъ свергшій царскую власть, ныне свергъ и последнее, самое тяжкое ярмо—власть буржуазіи. Правительство Керенскаго свергнуто и, наконецъ, самъ народъ, въ лицѣ его революціонныхъ органовъ—Совѣтъ Солдатскихъ, Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ взялъ власть въ свои руки. Въ Петрограде образованъ Временный Военно-Революціонный Комитетъ, который въ телеграммѣ своей объявляетъ, что онъ приложитъ всѣ силы **къ немедленному заключенію демократическаго мира, немедленной передачѣ всѣхъ помѣщичьихъ земель крестьянамъ и къ честному созыву Учредительнаго Собранія.**

Немедленно по полученіи телеграммы Петроградскаго Временнаго Революціоннаго Комитета въ Казани образованъ Временный Революціонный Комитетъ изъ представителей Совѣтовъ Солдатскихъ, Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, Войсковыхъ и Рабочихъ организацій и представителей лѣвыхъ соціалистическихъ партій, который взялъ всю власть г. Казани и Казанской губерніи, временно впредь до избранія Исполнительнаго органа переизбраннего Совѣта Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

ГРАЖДАНЕ! теперь у власти нѣтъ никого, кто угнеталъ трудовой народъ—поэтому поддерживайте товарищи солдаты, рабочіе и крестьяне свое истинно-народное Правительство, поддерживайте словомъ и дѣломъ, существованіе революціи въ вашихъ рукахъ. Помогите Временному Революціонному Комитету сохранить въ городе и губерніи порядокъ и спокойствіе, а для этого соблюдайте сами полное спокойствіе и слѣдите за порядкомъ. Всякія попытки вызвать въ городѣ безпорядки будутъ подавляться всѣми революціонными мѣрами.

Казанскій Временный Революціонный Комитетъ.

Первое воззвание Казанского Ревкома, извещающее о переходе власти в руки Советов.

вопросов колебания мелкобуржуазных попутчиков Октября, с одной стороны, и колебания отдельных оппортунистических элементов в своих рядах, с другой.

Так, по вопросу о контроле над банками левые эсеры и представитель Мусульманского Соц. Комитета М.-Н. Вахитов выступили с категорическим протестом. Когда же им не удалось изменить линию большевиков, направленную к немедленному контролю над банками, они вышли из состава Ревкома и сложили с себя ответственность за деятельность последнего.

В борьбе с колебаниями М.-Н. Вахитова особую решительность проявили большевики-татары тт. Чанышев и Якупов, работавшие в Совете и в Ревкоме.

В этот же период партийная организация преодолевает правые, оппортунистические шатания отдельных товарищей в своих рядах, выставивших требование о создании органа власти в Казани с привлечением меньшевиков и эсеров. Один из членов организации С. Брауде, дезертирует, подав следующее заявление: „В виду моего принципиального расхождения с тактикой Казанского Комитета РСДРП по вопросу текущего момента, о диктатуре большевистской организации, опирающейся на террор, в оценке деятельности Революционного штаба, одобренной на заседании Комитета 5 ноября с.г., а также по вопросу о создании однородного социалистического органа власти, я не считаю возможным оставаться в Казанской организации большевиков и выхожу из ее состава".

Также вышли из организации К. Машкин, П. Ионов.

Партийная организация в борьбе с такого рода элементами еще более укрепляет свои ряды и развертывает энергичную работу по упрочению Советов.

Власть Советов в уездах устанавливается довольно быстро. В Казанском, Спасском, Свияжском и Чистопольском уездах создание Советов происходит в первые же дни после Октября в Казани, в Ядринском, Мамадышском, Чебоксарском—в конце ноября и в начале декабря, в Цивильском, Царевококшайском, Тетюшском, Лаишевском и Козьмодемьянском — в конце декабря и первые месяцы 1918 года.

Установление советской власти в уездах в целом ряде случаев (Чистополь, Спасск, Чебоксары и др.) встречало сильное организованное сопротивление со стороны местной буржуазии, духовенства и прочих реакционных сил, которые приходилось подавлять иногда с помощью вооруженных красногвардейских отрядов, посылаемых казанским Советом.

Большое значение в укреплении советской власти в губернии имел III Губернский Крестьянский с'езд, происходивший 7—17 (20—30) декабря 1917 года.

С'езд голосом передовой части трудящегося крестьянства, представленного на с'езде, решительно заявил, что „крестьяне, не щадя своей жизни, в любой момент встанут на защиту советской власти против всех, кто попытается установить опять гнет и невыносимое ярмо рабства и неволи".

Под руководством коммунистической партии пролетариат в тесном союзе с трудящимся крестьянством, с угнетенными всех национальностей одержал решительную победу над своими классовыми врагами и вышел на широкую дорогу социалистического строительства.

г. Казань. Октябрьские бои 1917 г.

Условные обозначения.

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ КАЗАНСКОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ОКТЯБРЯ В КАЗАНИ[1].

(По поводу статей К. Грасиса.)

Борьба за чистоту марксистско-ленинской теории требует от всего теоретического фронта неустанной бдительности и большевистской непримиримости ко всевозможным извращениям и фальсификации, которые проникают еще в нашу литературу благодаря гнилому либерализму, проявляемому отдельными работниками.

По вопросам истории Казанской партийной организации до сих пор довольно свободно продолжали гулять взгляды, которые являются явно тенденциозными и ничего общего с ленинскими взглядами на историю не имеют. Без решительного разоблачения сущности этих взглядов и их преодоления не может быть создана подлинная большевистская история местной партийной организации.

Особенно вопиющим извращением подлинной истории местной парторганизации на важнейшем этапе ее развития—1917 год, являются статьи одного из участников Октябрьской революции в Казани К. Грасиса.

Несомненно, создание большевистской истории невозможно без привлечения к этому делу широчайших масс участников Октября и руководителей тех или иных организаций в тот период, но попыткам отдельных участников фальсифицировать и извращать подлинную историю, каковыми являются статьи К. Грасиса, должен быть дан решительный отпор.

Последняя статья К. Грасиса „Большевики и военная Казань в 17-м году", помещенная в газете „Красная Татария" № 247 к 15-й годовщине Октябрьской революции, является одним из его очередных выступлений по вопросам истории Октябрьской революции в Казани. К. Грасис, претендуя на анализ роли парторганизации и движущих сил Октября, и в этой статье в несколько завуалированной форме протаскивает явно троцкистские установки. Несмотря на это, редакция газеты „Кр. Татария" поместила эту статью лишь с примечанием

[1] Статья напечатана в журнале „Революция и национальности" № 4 за 1933 г. и в сокращенном виде в газ. „Красная Татария" № 8-9 за 1933 г.

о том, что „К. Грасис недостаточно вскрывает роль Казанской организации большевиков в подготовке вооруженного восстания, а равно роль казанского пролетариата в Октябрьских событиях". Поместив статью с этим примечанием, редакция фактически проявила гнилой либерализм к антипартийным взглядам К. Грасиса.

В этой статье К. Грасис повторяет установки, данные им и ранее: в статье „Октябрь в Казани" (1922 год), в статье, помещенной под этим же названием в журнале „Пролетарская революция" № 10/33 за 1924 год, и в специальной статье для многотиражек „Казанский гарнизон и большевики в борьбе за власть Советов". Поэтому дальнейший разбор будет касаться всех этих четырех статей.

В статье „Октябрь в Казани" К. Грасис, возмущаясь „трафаретностью" истпартовских изданий Поволжья и Урала в изображении Октябрьских событий, дает следующую свою схему этапов борьбы от Февраля к Октябрю: Февральская революция была встречена в Казани „хладнокровно"; „первое событие, нарушившее спокойствие, произошло в Чебоксарах. . . Инициатором этих событий был пишущий эти строки . . . не менее, если не более грозно развивались события в другой республике Казанского края—в Спасском уезде". Дальше события „сверхкомплектные" в отношении к общим условиям страны: „это два с'езда—с'езд мелких народностей Поволжья (май) и мусульманский с'езд (июль—август) . . . Этот с'езд мелких народностей Поволжья—Бр.) вызвал к жизни и деятельности тех интеллигентов отсталых народностей, которые стыдились своего национального происхождения. Эти стыдливые интеллигенты стали самыми ярыми революционерами". Наконец „еще одна случайность, которая не может быть обойдена, я имею ввиду страшный взрыв на Пороховом заводе . . . имевший для Казани не меньшее значение, чем Корнилов для всей России. Таковы первые этапы революции в Казани".

В этой схеме нет ни Казанской парторганизации, ни той борьбы, которую вел под ее руководством казанский пролетариат против предпринимателей и Временного Правительства, отсутствует и деревенская беднота, которая под идейным влиянием городского пролетариата выступает не только в Спасском, но и в других уездах губернии, возглавляя общекрестьянскую борьбу против помещиков и развертывавшая также борьбу против кулачества.

В статьях „Октябрь в Казани" мы узнаем о Казанской большевистской организации, как активно действующей силе, лишь с конца сентября 1917 года, т. е. с момента, когда был освобожден из тюрьмы

К. Грасис. „В конце сентября,—читаем мы,—можно сказать, началась и массовая работа большевистской организации. Все лето работа велась только урывками, спорадически“. „После 22 сентября началась лихорадочная агитационная и организационная работа большевистской партии“—так начинает Грасис историю подготовки Октября в Казани. Громадная кропотливая работа, проведенная в рабочих кварталах Казанской большевистской организацией со времени ее оформления (26 марта 1917 года) после разгрома в период реакции, роль большевистской газеты „Рабочий“, как коллективного агитатора и организатора, исключительное внимание работе в частях гарнизона, идейный рост организации, окрепшей через изживание правооппортунистических колебаний А. Комлева и К. Машкина, и непримиримую борьбу с мелко-буржуазными партиями меньшевиков и эсеров,—все эти решающие моменты выпали из схемы К. Грасиса.

Клевета на Казанскую партийную организацию повторяется К. Грасисом и в статье „Большевики и военная Казань в 1917 году“. Говоря о заседании Казанского Комитета большевиков 21 сентября, он пишет, что Комитет был созван „специально для обсуждения военного вопроса, т. е. о том, в каком состоянии находится наша работа среди солдат гарнизона и как вооружаются сами рабочие“. Таким образом, создание отрядов Красной гвардии—опоры пролетарской революции—изображается как стихийный процесс „самовооружения“, без всякого руководящего воздействия и работы в этом направлении партийной организации. А между тем, мы видим, как с первых чисел сентября под руководством районных парторганизаторов тт. Рудова, Шеварова, Бисярина и др. по директивам Казанского Комитета, в ответ на корниловщину идет организация красногвардейских отрядов по крупнейшим предприятиям Казани: Пороховой, Алафузовский, Крестовниковский заводы, фабрики „Поляр“, Шабанова и др. под видом „самообороны“ и рабочих дружин.

Наибольшей наглости достигает К. Грасис в статье „Казанский гарнизон и большевики в борьбе за власть Советов“. В ней мы читаем следующий тезис: „Когда мы настолько укрепились, что могли уже считать себя господами положения, мы произвели грандиозную демонстрацию. Это было 15 октября. Не менее 40 тысяч войск продефилировали в стройном порядке по городу со знаменами и плакатами: „Долой войну! Вся власть Советам!“. Для каждого было ясно, что фактически уже власть находится в руках Советов. Так мы и оценивали положение. Номинальных властителей—комиссара

Временного Правительства и командующего войсками—мы могли выкинуть в любой момент".

Этот тезис, как две капли воды, похож на подобный же клеветнический выпад, который мы находим в „Уроках Октября" Троцкого, где он писал: „А между тем исход восстания 25 Октября уже на три четверти, если не более, предопределен в тот момент, когда мы воспротивились выводу Петроградского гарнизона, создали Военно-Революционный Комитет (16 октября) (даже в числах удивительное совпадение—Бр.), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем самым полностью изолировали не только штаб Петроградского Военного Округа, но и Правительство".

Не чем иным, как именно троцкистской клеветой является вылазка К. Грасиса с его теорией „фактического захвата власти" до Октябрьского боя. Этим же духом пронизаны и следующие рассуждения: „Однако, разногласия были между нами велики. Я, Ершов, Рудов, Северов, Бисярин стояли на той точке зрения, что надо взять инициативу в свои руки и не ждать, пока нас не заставят драться.

Победили более умеренно настроенные товарищи (Ольkеницкий, Бочков, Милх и др.), и мы, овладев силой, ждали". Та группа товарищей, которая выводится Грасисом как „более умеренно настроенная", представляла собой в действительности выдержанное ядро организации и, следовательно, тезис об „умеренных" есть не что иное, как обвинение Ольkеницкого, Бочкова, Милха в оппортунизме и гнуснейшее извращение линии Казанской партийной организации, в этот период имевшей директивные указания о подготовке восстания от ЦК и не шедшей по пути троцкистского „путчизма" с его неверием в силу рабочего класса, а планомерно, по-ленински подготовлявшей восстание пролетарских масс, включая Казанский пролетариат и гарнизон в общий мощный поток пролетарской революции (см. воспоминания тов. Милха на конференции участников Октября в Казани).

Но не только на Казанскую парторганизацию клевещет К. Грасис. В статье „Октябрь в Казани", опубликованной в 1924 году в журнале „Пролетарская революция", мы, во-первых, находим те же мысли о положении в Казани: „После 15 октября положение стало совершенно ясным. Мы могли взять власть в свои руки в любой момент". И во-вторых, мы здесь же читаем: „Решили, однако, связаться с центром. Тов. Ежову, делегату на II Всероссийский С'езд Советов, поручили выяснить этот вопрос в ЦК. Но по известным нам теперь уже причинам (в ЦК были

разногласия) мы никаких указаний не получили. Мы были предоставлены самим себе и шли на всех парах к решительному бою". Трудно представить более подлую клевету на партию и ЦК, чем мы находим в этих фразах, говорящих об отсутствии директив о подготовке вооруженного восстания со стороны ЦК.

Таким образом самостийность и полная анархия без всякого руководства со стороны партии большевиков—вот процесс Октябрьской революции по Грасису. Только одно руководящее лицо и есть среди этой „стихии"—это сам К. Грасис. Он, совершенно игнорируя и искажая руководящую организующую роль Казанской организации большевиков в 1917 году в подготовке и развертывании вооруженного восстания в Октябре, в своих воспоминаниях на эту тему в течение ряда лет не только давал суб'ективную, в корне извращающую историческую действительность, картину событий, но везде и всюду выпячивал себя и приписывал себе исключительную роль в этой борьбе. Как мы уже видели, по схеме Грасиса все события 17 года заключались в „беспорядках" в Чебоксарах (так как там работал Грасис), в Спасске и в паре других „случайностей". Эти события по схеме Грасиса являлись решающими в 1917 году на всем протяжении подготовки Октября. При всем этом события не только в Чебоксарах, но и в самой Казани вращались вокруг Грасиса. Они развертываются там, где появляется он, событий нет, или они почти незаметны там, где нет Грасиса. И даже Октябрьский бой в Казани развертывается потому, что К. Грасис предупреждает через Ершова гарнизон, который поднимает восстание с целью „освободить меня"—так и пишет Грасис. В статье „Октябрь в Казани" читаем: „После заседания Совета в 1 час ночи я пошел на 2-ю гору...—Не успел я лечь, как услышал стук в дверь. Это пришли меня арестовать". Грасис, оспаривая арест, „перелистывая книгу, успел написать записку тов. Ершову следующего содержания: „Арестован, будь осторожен, прими меры". Записка немедленно ночью же была отнесена тов. Ершову... Она попала к тов. Ершову без опоздания... Ершов находился на пути к Каргопольским казармам... В 10 часов утра я вышел на прогулку (в тюрьме)... Вдруг над головой—как показалось—трахнула шрапнель высокого разрыва. За ней другая, третья и т. д. Мне стало легче. Выстрелы свидетельствовали, что Ершов принял меры". Вот и все причины Октябрьского боя в Казани.

Крупнейшее извращение истории Октября мы находим в изображении движущих сил революции. В статье „Октябрь в Казани“ единственной силой, участвующей в борьбе за власть Советов, мы видим только гарнизон Казани. Ершовым после ареста Грасиса 23 октября „были поставлены в известность о создавшемся положении и призваны к оружию все части гарнизона . . . В то время, когда уже шла борьба между отдельными отрядами юнкеров и солдат и весь гарнизон переводился на боевую ногу, меньшевики Исполнительного Бюро Совета вели переговоры . . . Вечером 25 октября окончательно выяснилось, что в распоряжении законных властей остались только 1.500 юнкеров, а утром ожидался штурм города восставшими войсками, окружавшими кольцом его . . “. И, наконец, основной вывод о результатах восстания: „победа была одержана восставшим гарнизоном“. Вот ход борьбы за власть и та сила, которая эту борьбу вела. В несколько иных формулировках, но по существу та же установка, протаскивается и в других статьях. В журнале „Пролетарская революция“ читаем: „Избегнув ареста, тов. Ершов рано утром оповещает воинские части о том, что я арестован и что он только случайно остался на свободе. Весь гарнизон был поставлен на ноги“. И дальше положение после взятия власти изображается следующим образом: „В Кремле делать было нечего (?!). А что то делать нужно было. Так как город фактически был взят восставшим гарнизоном, которым руководил Полевой Штаб, образованный в 164 полку, . . . то совершенно ясно было, что этот Штаб может быть единственным исходным пунктом нашего „строительства“, скромнее говоря, упорядочения разбушевавшейся революционной стихии“.—Опять мы здесь видим полное игнорирование парторганизации на ряду с изображением Октябрьского восстания, как исключительно „разбушевавшейся революционной стихии“, и выставлением гарнизона, как единственной силы пролетарской революции в Казани. На этой же позиции, несколько завуалированной, Карл Грасис стоит и в 1932 году, умалчивая о казанском пролетариате, как основной силе революции, увлекшей за собой солдатские части гарнизона и сцементировавшей их в общем натиске против контрреволюционных сил.

Нет надобности полемизировать с Грасисом относительно роли пролетариата в период подготовки Октября и в самом Октябрьском восстании. Достаточно указать на то, что с первых же дней после Февральской революции рабочие всех крупнейших предприятий Казани развертывают под руководством большевистской организации энергичную борьбу против предпринимателей и органов Временного

Правительства, постепенно высвобождаясь при этом из-под меньшевистско-эсеровского влияния. Мы видим, как рабочие-пороховики, полярцы, шабановцы, алафузовцы, крестовниковцы, гликинцы вписали в историю Октября в Казани самые яркие страницы борьбы. Беспрерывные стачки и забастовки рабочих, организуя их самих, в то же время играли огромнейшую революционизирующую роль по отношению к воинским частям, мобилизуя солдатские массы под большевистские знамена. Особо велика в этом роль рабочих Порохового завода, шедших на протяжении всего периода от Февраля к Октябрю в авангарде революционных сил. Если к этому добавить еще факт непосредственной связи рабочих с воинскими частями, то станет совершенно ясной та исключительная роль гегемона, которая принадлежит рабочим.

В самом вооруженном восстании, как мы видим, красногвардейские отряды рабочих Заречья под руководством Революционного Комитета, организовавшегося при Пороховом заводе, и предприятий, расположенных в других частях города, с самого начала боя и до конца вели героическую борьбу, завершившуюся победой.

Подчеркивая ведущую роль рабочих, возглавляемых большевистской организацией, мы вовсе не умаляем ту исключительно большую роль которая принадлежит революционным частям гарнизона, но мы решительно против того, чтобы изображать гарнизон, как единственную силу Октября в Казани. Действительный ход событий, описанный нами (см. главу IV), особенно ярко свидетельствует об этой роли.

Нельзя обойти молчанием неверную оценку движущих сил Октябрьского восстания в Казани, которую мы встречаем в книге тов. Ежова Н. „Военная Казань в 1917 г.", изданную к 10-летию Октябрьской революции на русском и татарском языках. Надо подчеркнуть, что здесь проводится мысль, что только Казанский гарнизон был решающей силой в боях за власть Советов. Эта мысль находит свое выражение прежде всего в констатировании того, что „нарастание Октябрьского восстания в Казани, несомненно, надо считать с общегарнизонной демонстрации 15 октября" [1]. Этим утверждением недооценивается борьба казанских рабочих, развертывавшаяся на всем протяжении 1917 года до этой демонстрации и особенно сильно с первых чисел Октября в связи с забастовкой металлистов, охватившей до 10 тысяч рабочих. Эта забастовка, прошедшая под руководством большевиков, резко всколыхнула рабочие массы Казани,

---

1 Ежов Н. „Военная Казань в 1917 г.", стр. 115.

дала толчок к нарастанию событий к Октябрьским боям. Через ту тесную связь, которая уже была установлена между рабочими крупнейших предприятий (Пороховой, Алафузовский завод и др.) и солдатами Казанского гарнизона, и был вызван революционный под'ем в частях гарнизона, вылившийся в демонстрацию 15 октября.

В работе тов. Ежова нет отрицания участия в Октябрьском восстании Красной гвардии, но упоминание об этом настолько глухо, что создается неправильное представление о движущих силах Октября в Казани.

Далее, в работе тов. Ежова мы имеем установку на наличие „фактической власти" в руках Советов после этой демонстрации. Иначе и нельзя расценивать его следующее утверждение: „Помня, что фактически власть находится, главным образом, в руках Солдатского Совета под руководством большевиков, окружное и гарнизонное командование, вместе с военной и гражданской прокуратурой и всеми другими представителями власти—эсерами и меньшевиками,образовали Штаб и 19 октября перешли в наступление"[1].

Необходимо поднять действительно на большевистские рельсы изучение истории местной парторганизации. Поднять революционную бдительность.

В течение 15 лет К. Грасис рьяно защищал троцкистскую концепцию Октября в Казани. Он отрицал руководящую роль партийной организации в подготовке и проведении восстания, отрицал роль пролетариата Казани, как движущей силы Октябрьской революции, отрицал непосредственное участие красногвардейских отрядов и их роль в исходе вооруженной борьбы, ни словом не упоминал о Революционном Комитете, созданном при Пороховом заводе для руководства борьбой, и к 15-й годовщине Октября решил схитрить и замазать следы своих неоднократных выступлений. В статье „Большевики и военная Казань в 17-м году" вместо прямой и открытой критики, вместо открытого и ясного признания своих ошибок, К. Грасис пишет: „Мы рассчитывали обойтись исключительно воинскими частями, не вводя в бой Красную гвардию. У нас было большое превосходство сил и предполагали в случае драки быстро, короткими ударами смять юнкеров. Однако, Красная гвардия с самого начала ввела сама себя в бой и покрыла неувядаемой славой бойцов Октября, она помешала юнкерам развить действие против восставших частей: тыл сковал их по рукам и ногам".

---

[1] Ежов Н. „Военная Казань в 1917 г.", стр. 115.

Вникните: „Красная гвардия с самого начала ввела сама себя в бой“. Где же была покрывшая себя „неувядаемой славой борцов Октября“ Красная гвардия в течение 15 лет? Ее в схеме Грасиса не было, ее роль прямо отрицалась. Сейчас эта звонкая фраза лишь прием К. Грасиса, чтобы строчкой ниже прямо смошенничать. Он как бы мимоходом кивает дальше на ошибку: „Ясно, что в этом смысле при выработке плана мы допустили грубейшую политическую ошибку“. Кто это „мы“? Казанская организация большевиков или только Грасис? Нам совершенно ясно, что это выдумка Грасиса, для того, чтобы свою „ошибку“ представить как ошибку всей организации.

Чем же об'яснить, что на протяжении 15 лет К. Грасис искажал роль Казанской организации большевиков и игнорировал роль казанского пролетариата в Октябрьском восстании, результатом чего явилось то, что не только в своих статьях об Октябре, но и в практической работе К. Грасис проводил „левацкие“ установки и в области национального вопроса, и по вопросу о Брестском мире и т. д.? Этого мы здесь разбирать не будем, так как этот вопрос будет подробно проанализирован в разрабатываемой истории Татарской парторганизации. В чем же основная причина антимарксистских установок Грасиса?

Ответ на это он дал еще сам в 1918 году, когда в газете „Знамя революции“ № 49 (95) от 19 марта опубликовал письмо „Pro domo sua“. В этом письме, возражая на реплику меньшевика Рясенцева на заседании Совета РСКД о том что „Грасис окончательно позабыл Маркса“, К. Грасис пишет, до конца разоблачая себя, следующее: „Было время, когда я занимался с точки зрения марксизма изобличением всех других учений. Создал особое марксистское „изобличительное богословие“. Это было. Теперь же я считаю Маркса только величайшим социалистом-ученым. Скажу: он мой учитель. Но давно уже сказано, что плох тот ученик, который не идет дальше своего учителя. Знакомство с новейшей философией и социологией заставило меня во многом изменить свои прежние взгляды. Кант, Коген, Риккерт—с одной стороны, Лестер-Уорд, Гиддинс, Тард, Зиммель—с другой, так перестроили мое миросозерцание, что я больше себя марксистом считать не могу . . . Далее, я думаю, что не каждый коммунист должен быть марксистом . . . Г. Рясенцев вместо фразы „Грасис окончательно позабыл Маркса“ должен будет в будущем говорить: „Грасис совершенно не согласен с Марксом“.

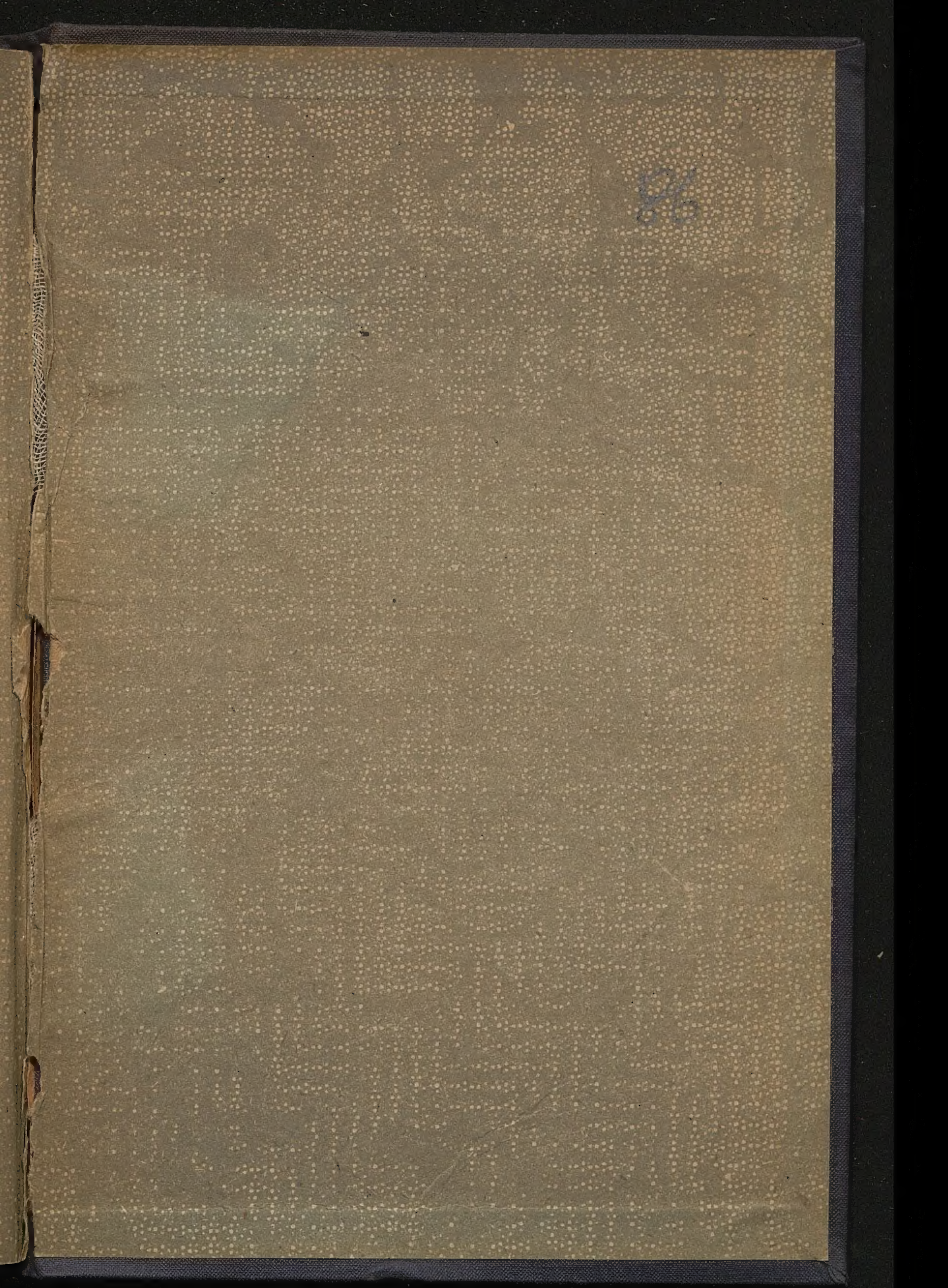
Итак, давно не согласный с Марксом, Грасис под флагом „нетрафаретной“ истории Казанского Октября фактически ревизует общие основы марксистско-ленинского учения о движущих силах и роли партии в пролетарской революции.

Пора с троцкистской фальсификацией истории местной партийной организации и Октября в Казани решительно покончить.

Бригада Татистпартотдела ОК ВКП (б) *С. Гафуров*
Ф. Демашев
В. Кудрявцев
А. Тарасов
И. Фирсов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ответ. редактор С. Гафуров.
Конструктор книги Мухутдинов Р.
Сдано в производство 3/IX—1933 г.
Подписано к печати 3/XI—1933 г.
10 лист. В п.л. 48400 зн. Тираж 7000
Татглавлит № 1579. Наряд № 01347.
Бумага стат. формат 62×94 см. 1/16
Полиграфшкола им. А.В. Луначарского
Казань, ул. Дзержинского, 9. 1933 г.


86